

Абдулла Хакимов

ЗАДАНИЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Роман

Издательство художественной литературы
имени Гафура Гуляма
Ташкент
1969

перевод Бориса Пармузина

Эта книга рассказывает о подвигах советского разведчика, бойца незримого фронта.

В процессе работы над книгой автору пришлось изучать архивные материалы, беседовать с участниками событий. Автор выражает искреннюю благодарность товарищам В. М. Ткаченко и В. Г. Вартанову, оказавшим помощь в работе над книгой.

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Абдуллы Хакимова «Задание на всю жизнь» знакомит читателей с событиями периода становления и упрочения Советской власти.

В центре книги — выведенный под именем Мирзы Садыкова советский разведчик, сын узбекского народа. Долгие годы провел он за рубежом. И только после выполнения задания, которому был отдан длительный период его жизни, Мирза Садыков вернулся в родной Узбекистан.

Книга А. Хакимова документальна, в ней отсутствуют ненужные

сложные коллизии, надуманные ситуации, острые сюжетные «приманки». В основу повествования положены документы прошлых лет, свидетельства участников событий, воспоминания героя, скромно и мужественно выполнявшего свой долг перед народом.

После Октябрьской революции на территории Средней Азии функционировало несколько буржуазно-националистических организаций, некоторые из них были пантюркистского и панисламистского направления.

Самое активное участие в создании и работе подобных организаций принимал муфтий Садретдинхан — убежденный пантюркист и панисламист. Для него нет ничего святого в жизни и культуре народов Средней Азии, есть один «туркестанский народ», который по его замыслам нужно восстановить против всех других. Идею создания страны «Великого Турана» буржуазные националисты стали проповедовать еще накануне октябрьских событий в России. Они искали «свой путь» развития Востока, стремились отвлечь народные массы от подлинно революционной борьбы — борьбы за социализм... Муфтий Садретдинхан и его сообщники подыскивали себе «друзей» в капиталистическом лагере независимо от того, к какой нации они принадлежали. Первыми, кто пришел на помощь буржуазным националистам, были английские и американские империалисты.

Это было суровое время.

Ожесточенные бои шли на фронтах Советского Туркестана. Контрреволюционные организации всех мастей плели паутину заговоров и провокаций. По кишлакам, аулам и городам республики металась бандитские шайки басмачей.

В Ташкент для координации всей враждебной деятельности против Советской власти в Средней Азии в мае 1918 года прибыл генеральный консул США в России Тредуэлл. Приехав якобы «для защиты интересов американских граждан», он с первых же дней стал вести антисоветскую работу, устанавливая в этих целях связи с подпольными буржуазно-националистическими организациями, эсеровскими вожаками. Вместе с дипломатическими представителями других империалистических государств Тредуэлл стал усиленно

готовить контрреволюционные выступления.

В этой работе приняла деятельное участие шпионская группа во главе с английским разведчиком майором Бейли, прибывшая в Ташкент также под видом дипломатов.

Американо-английские империалисты организовывали и вооружали антисоветские силы по всей территории Средней Азии. Наймиты заокеанских капиталистов, главари так называемой «Кокандской автономии», пантюркистские банды, басмаческие шайки пытались свергнуть Советскую власть в Туркестане, грабили и терроризировали народ.

Под ударами Красной Армии, под натиском новой жизни бежали за пределы Советского Востока предатели, рассыпались различные буржуазно-националистические организации.

Капиталистические державы внимательно следили за каждым шагом советского народа, пытаясь приостановить его движение вперед. Вынашивая новые агрессивные планы, враги не гнушались никакими средствами. Для достижения своих целей они использовали местное отребье, выброшенное революцией за пределы нашей страны.

Развертывался тайный фронт борьбы и у границ республик Средней Азии. Бывшие баи, реакционное духовенство, курбаши, отщепенцы белогвардейской эмиграции, обосновавшись на территории сопредельных государств, выполняли грязные поручения своих хозяев. Шла подготовка шпионов из числа туркестанских эмигрантов, расширялась антисоветская пропаганда.

Разумеется, советская разведка вынуждена была реагировать на эти действия и принимать меры по их обезвреживанию. Многие сыны социалистической Родины, оставив мирный труд, ушли солдатами на фронт тайной борьбы.

Отважный патриот Мирза Садыков по заданию Родины, по зову сердца и совести выполняет опасную работу, способствует пресечению антисоветской деятельности представителей империалистических разведок.

Полный творческих дерзаний, счастливый человек свободного мира Мирза Садыков должен был смириться с чуждыми, страшными

обычаями и законами беспросветной, как в зиндане, жизни. Иначе говоря, облачиться в грязные одежды матерого националиста.

В необычайно трудных условиях мысль человека, попавшего в совсем другой мир, постоянно возвращается к родным местам, к людям, которые дали ему высшее образование, воспитывали в комсомоле, приняли в ряды Коммунистической партии.

Маскируясь под прислужника ярого врага Советской власти муфтия Садретдинхана, Мирза Садыков ведет с ним поединок. У врага другая психология, другие планы, задачи. Советскому разведчику нужно разобраться в этой психологии, все время следить за происками этого опасного врага, знать о его планах и обезвреживать его преступные замыслы.

В обстановке высшего напряжения действует герой книги. Автор раскрывает высокие нравственные качества советского человека: волю, самообладание, выдержку, смелость, идейную убежденность. Моральное превосходство советского разведчика над противником — один из главных мотивов книги.

Находясь на фронте тайной борьбы, Мирза Садыков не был одиноким. Он постоянно чувствовал поддержку народа, что в значительной степени помогало ему идти навстречу опасности, сдерживать и предотвращать подрывную работу врагов против Советского государства.

Книга А. Хакимова «Задание на всю жизнь», посвященная трудной и почетной работе отважного советского разведчика, сыграет свою роль в воспитании молодежи в коммунистическом духе. Образ героя книги Мирзы Садыкова является для наших юношей и девушек примером подлинного советского патриотизма и высокой гражданственности.

Генерал-майор
К. Рузметов

ПОД ГОЛУБЫМ КУПОЛОМ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУСТЫНЯ

Звездный купол — не кровля покоя сердец,
Не для счастья воздвиг это небо творец.
Смерть в любое мгновенье мне угрожает.
В чем же польза творенья? — Ответ наконец!
Омар Хайям

Тяжело, порывисто дышали пески. Барханы словно сбежались со всех сторон и, удивленные, застыли на месте, не понимая, зачем, для чего забрел сюда человек.

Уже не час, не день шел он под беспощадными лучами солнца. Изредка поправлял на плечах небольшой, но плотно набитый хурджун¹, сдвигал зеленую бархатную тюбетейку, нетерпеливо поглядывал по сторонам. Пустыне, казалось, не было конца... Однообразной, сожженной, злой...

Только несколько весенних дней, таких коротких, незаметных, пережили пески. Пустыня, вероятно, забыла, как барханы покрылись тогда ярким зеленым ковром иляка, песчаной осочки, как, насыщая воздух медовым запахом, цвели приземистые кусты джузгуна. А между ними весело, задиристо поднимались желтые звездочки крестовника или белые головки песчаной ромашки.

Пробежали редкие дожди. Даже следа не оставили. Все выцвело, сгорело, развеялось ветром... Топорщатся привычные ко всему колючие кусты, застыли голые, белые, похожие на кости, ветки саксаула.

Песок, песок... Трудно поднимать ноги. С каждым шагом все труднее...

Напрасно с жадностью смотришь по сторонам: никого не увидишь. Да кто же сюда забредет?

---

¹ Хурджун — переметная сума.

Путник опять поправил хурджун, повел плечами, расправляя их. Горячая струйка сбежала по спине: было жарко в длинном черном камзоле, плотно облежавшем юношескую фигуру.

С сожалением взглянул человек на порыжевшие, истоптанные сапоги. Выдержат ли они? Сколько ему еще придется взбираться на барханы, чтобы с них увидеть другие, новые, так похожие на горбы верблюда.

Ничто не нарушает их покой... Сюда не залетит птица — зачем? Только обожжет крылья. Не примчится джейран — у него могут потрескаться копыта. Попрытались по своим норкам грызуны и змеи. Даже следа от них нет.

Только однажды перед человеком замер варан. Осмотрел мгновенно холодными, злыми глазками и с недовольным шипением скрылся, отчаянно работая хвостом. Его след тоже скоро исчезнет. Поднимется ветер где-то за барханами и пойдет гулять высоким, слегка наклонившимся столбом по широкому простору. Ветер закрутит песок, поднимет его до самого неба, перегонит застоявшиеся барханы из конца в конец. Он-то заметет следы... Все? Нет, всех следов не уничтожит самый бешеный вихрь.

Человек поднялся на бархан, стащил хурджун, достал из него кожаный бурдюк и сделал два-три глотка. Не больше. Ведь еще неизвестно, где конец пустыне, конец его пути.

Ни одна капля не упала на песок, даже не сбежала с губ по подбородку. Ни одна...

И снова осмотрелся человек. Теперь его охватило новое чувство — он будто очутился в огромном, наполненном кладбищенской тишиной склепе.

Нет... Пустыня оставляет следы... Между редкими колючими кустиками белели кости, скалил желтые зубы людской череп...

Значит, здесь произошла та известная трагедия. Здесь остановились беженцы из Средней Азии. Слишком поздно они поняли, куда и за кем идут. Очень поздно... Баи и муллы обещали им за границей счастье. Обещали щедро. Торопили: берите самое нужное, ценное. Спасайтесь.

Здесь, среди молчаливых, равнодушных барханов, «благодетели»

отобрали все, что было у беженцев. И остались только эти следы. Их не заметет вихрь.

Чем дольше стоял на песчаной гряде путник, тем страшнее казалась тишина. Она уже не была пустой. Она наполнялась звуками, выстрелами, криками:

— Помогите!

— Предатели!

— Пожалейте старика!

Путник невольно мотнул головой. Нет! Криков не слышно. Пески не умеют хранить звуки. Пустыня безмолвна.

Человек перекинул через плечо хурджун, вдохнул горячий воздух и зашагал дальше. Нужно торопиться, пока пустыня спокойна, пока ветер не набрал сил и не метнулся из-за первого же бархана. Торопиться, хотя горячее солнце, как назойливый спутник, не отстает от человека ни на шаг...

...Память упорно возвращает в прохладный кабинет с тяжелыми шторами на окнах. Путник облизывает губы, вспоминая синий чайник на столе...

...Московский гость из ОГПУ ставит на поднос пиалу.

— Вы еще можете отказаться...

— Нет, Петр Иванович. Я решил.

— Вам будет очень трудно, Мирза.

— Я знаю.

Наклонив голову, Петр Иванович пристально смотрел на юношу.

— Здесь, на родной земле, все ясно... В печати стали появляться ваши стихи. Недавний студент, вы уже читаете лекции. Ваше будущее как на ладони... Я мог бы предсказать, кем вы станете через пять, через десять лет...

Помолчав, он добавил:

— Великолепное, завидное будущее.

— Я решил...

Опять Петр Иванович словно не расслышал короткой, упрямой фразы.

— Там... — Он неопределенно махнул рукой в сторону. — Там полная неизвестность. Все возможные варианты вашей жизни и

работы могут в любую минуту полететь к чертям. Один неверный шаг, незначительная ошибка — и вы погибли.

— Я знаю...

Наконец-то опытный чекист улыбнулся.

— Что же... Будем считать разговор оконченным. Добавлю еще одно: мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить вашу безопасность... Кстати, позаботимся об «авторитете». Там, — он снова махнул рукой в сторону, — в ближайшее время получают лестную характеристику... От самого...

Петр Иванович многозначительно подмигнул и поднял указательный палец.

Потом они встречались снова и снова, стараясь предусмотреть все возможное, говорили о трудностях, которые могли встретиться на чужой земле...

...Переход через пустыню к этим трудностям не относился.

ПАСТУХ

Один раз оберегай себя от огня, другой раз — от воды.

Узбекская пословица

Сторожевые собаки чутки. Застыли вдруг... Торчат обрубленные уши, приподняты обрубленные хвосты. Секунда... И рванулись с глухим рычанием вперед.

Глаза человека, прожившего в степи многие годы, видят далеко. Пастух давно приметил путника, но не остановил злую стаю. Когда же собаки окружили незнакомца, он что-то крикнул. Собаки вернулись к хозяину, улеглись у его ног.

Тогда пастух поднял правую руку. Этот знак понятен в песках: подходи без опасений. Подходи, будешь гостем!

Мирза поздоровался, по восточному обычаю приложив руку к сердцу.

Пастух, пожилой человек, с проседью в бороде, с сеткой морщин на жестком высохшем лице, в грубой домотканой одежде, кивком головы ответил на приветствие. Затем он жестом пригласил гостя

сесть, а сам, шагнув к дремавшему ослу, вытащил из дорожного мешка высокий глиняный кувшин с водой и протянул его Мирзе. Таков закон пустыни. Если гость, даже просто встречный, пришелся по душе, здесь вместо хлеба и соли прежде всего подают воду или айран.

— Ты устал и измучен жаждой, — сказал пастух на фарси. — Пей вдоволь. Только сначала прополощи горло.

Кувшин дрожал в руках Мирзы. Слышалось громкое бульканье.

— Вода кончается, — заметил пастух, — но ты пей досыта, скоро пойдем к колодцу. Только передохни немного. Пей, пей, чужестранец. Говорят, величайшее благодеяние — подать воду жаждущему. И я в этот час вечерний рад, что могу совершить такое благодеяние.

Мирза поставил кувшин на землю и поблагодарил пастуха.

Оба внимательно оглядели друг друга.

Первый человек встретился Мирзе за весь долгий путь. От этого старика многое зависит... Кажется, он добр... Почему молчит?..

Старик, наконец, шагнул к Мирзе и, опершись на пастуший посох, проговорил:

— Любопытство, говорят, не постыдно. Куда путь держишь, юноша?

Мирза глубоко вздохнул.

— Трудно жить без родных и близких. Мои родственники переехали в Мешхед. Иду туда. Хочу разыскать их.

Сетка морщин стала еще гуще у глаз пастуха. По всему было видно, что гость пришел оттуда, из страны Советов, однако старик не подавал вида. Он вежливо выслушает все, что расскажет ему незнакомец.

Но Мирза избегал подробностей, которые так оживляют разговор. А говорить что-то нужно было: этого требовал обычай и почтение к хозяину. И Мирза как можно непринужденнее удивился:

— Вы только подумайте, какое счастливое совпадение! Ведь я сам пастух, и первый, кто встретился мне в пути, — это вы, уважаемый отец. Тоже пастух.

— Значит, ты тоже нас овец там, у себя...

— Да, отец.

Пастух поднял голову. Не любопытство, а судьба этого юноши с такими ясными глазами заставляет его вести расспросы:

— Чем занимаются твои родственники в Мешхеде?

— Не знаю...

— Если они не богаты, тебе трудно придется в наших краях.

— От судьбы не убежишь, уважаемый. Я ничего не знаю о них. Мне лишь бы их разыскать.

— Ты идешь через Баджигиран?

Мирза промолчал. Он обошел этот город, а другого ближайшего к советской границе не было.

Но старику и не нужен ответ. Одобрительно кивнув, он словно похвалил осторожность юноши.

Баджигиран! Разве можно появляться на его улицах чужестранцу?

Мирза прочитал в добрых глазах:

«Хорошо, что ты не прошел через этот город. Там очень много ищек. И кто знает, чем бы окончилась твоя встреча с ними...»

— Путь на Мешхед знаешь? — спросил пастух.

— Иду впервые...

— Тебе надо показать дорогу?

— Окажите такую милость, отец.

Из дальнейшего разговора Мирза понял, что старик был из курдов и пас овец, принадлежавших богатому кучанскому скотоводу. Кочевые племена первыми узнавали о всех событиях, происходящих на границе.

— Что нового в вашей стране? — поинтересовался пастух.

Это тоже было не праздное любопытство. До бедняков доходили самые противоречивые слухи о молодом государстве.

Конечно, Мирза о многом мог бы рассказать...

— Живут люди... — неопределенно ответил он. — Работают...

Хотел добавить: и учатся. Вот он — юноша из бедной семьи, а уже получил высшее образование.

Мирза помолчал мгновение. Разве имел он право рисковать, разве мог сказать, хоть одно доброе слово о своей Родине...

— Живут... — повторил он. — А как вот жить мне, без родных и близких?

— Трудно... — согласился пастух.

Мирза сдвинул брови.

Пора было кончать разговор о себе, осторожно расспросить старика о жизни в Мешхеде, о положении в городе.

— На голодный желудок не в сладость и трели соловья, — усмехнулся он, потянувшись к хурджуну.

Однако пастух остановил его.

— Потерпи немножко. Воды здесь нет, а без нее пищу не проглотить. Я как раз собирался гнать овец на водопой. Пойдем вместе... У воды и поедим.

Овцы, повинувшись окрикам пастуха, потянулись к колодцу. Они двигались к горизонту, обогранным лучами солнца, уставшего от изнурительной скачки над пустыней.

Колодец был похож на провалившуюся могилу. Через полусгнившие стенки перекинута длинная старая балка. Вокруг ни единого кустика. Рядом выдолбленная из ствола дерева пересохшая водопойная колода. Значит, здесь давно никого не было. Внимательно оглядевшись, пастух объяснил:

— Это единственный колодец, где можно напоить отару. Хозяин заплатил за него десять голов овец. Мне приходится сторожить не только овец, но и это богатство.

Из истрепанного мешка, сложенного вдвое, пастух достал кожаное ведро и, встав на деревянную перекладину, потянул за веревку. Потом Мирза сменил его. Они выливали ведра одно за другим. Овцы, разноголосно бляя, теснились у колоды. Лишь когда весь гурт был напоен, пастух и гость сели ужинать. Мирза достал из хурджуна несколько затвердевших лепешек и два куска узбекского сахара — навата. Пастух налил в большую деревянную чашку воды, положил на старый, рваный дастархан сыр.

Извинившись перед гостем за скромное угощение, старик смиренно сложил руки:

— Такова наша доля, ниспосланная всевышним. И за то благодарение ему. А мясо — для нас редкость.

Мирза слышал о здешней нищете. Но промолчал. Что он мог сказать? Пожалеть старика? Посочувствовать? Тогда пастух

заинтересуется: а как у вас?

И Мирза неожиданно сказал:

— Когда-то мудрый Саади Ширази писал:

Припасов путевых не взявший в дальний путь

И с чистым золотом окажется в убытке.

Голодным путникам вареной репы кус

В песках нужней, чем все серебряные слитки...

Пастух удивленно посмотрел на гостя:

— У вас тоже знают наших древних хафизов? А нам говорят, что Советы уничтожили старые книги!

— Нет, отец! Светлые мысли живут по-прежнему. В школах изучают эти книги...

— О аллах! Ты говоришь, не уничтожили?..

— Разум и правда словно солнце, их нельзя прикрыть... Так говорится в народе... — уклончиво ответил Мирза.

Пастух внимательно взглянул на гостя.

— Нужней, чем все серебряные слитки... — повторил он. — Какие умные слова! И правда, вот этот кусок моего сыра, — пастух показал на дастархан, — сейчас дороже всего! Ешь, путник...

Вечер в пустыне по-своему великолепен. Покой, тишина, небо словно прошито огромными звездами... Мирза любовался темно-синим куполом, он словно забыл о трудном пути, о жизни, ожидающей его, полной напряжения и риска.

Старый пастух тоже был доволен. Случалось, он месяцами не встречал в пустыне людей. Как же не радоваться такому человеку.

Великолепный вечер!

За скудным дастарханом пастух неторопливо делился своими мыслями и заботами.

Мирзе следовало бы двинуться в путь. Но юноша так устал, что не мог даже встать на ноги.

Словно чувствуя это, пастух рассудительно и добродушно предложил:

— Переночуем здесь, у воды...

— А разве до стоянки далеко?

— Пусть близко. Все равно, куда ты пойдешь один на ночь глядя?

Мирза радостно ощутил тепло этих слов. «Не хочет вести меня на стоянку... — подумал он. — Значит, там опасно...»

Пастух не скрывал своих мыслей.

— Ты еще очень молод, друг мой. В этих краях одинокие и чужестранцы обречены на вечные муки и унижения. Будь осторожен. Особенно вблизи городов. Так и снуют там проклятые стражники. Стоит им заметить чужого человека — сразу налетят, отнимут все, что есть...

Пастух замолчал и затем продолжил:

— Двинешься на рассвете. Как только пройдешь вон те холмы, покажется Кучан. Все, кто идет в Мешхед, обязательно заходят и в этот город, там много караван-сараев.

Мирза понимающе кивнул.

— А сейчас ложись, — тоном отеческого приказа сказал старик. — Нужно отдохнуть.

Они расположились на войлочной подстилке.

Мирза не мог заснуть, хотя совсем недавно ему казалось, что стоит прилечь, и сон мгновенно овладеет им. Встреча с пастухом, близость города, где нужно начинать совсем другую жизнь, впечатления сегодняшнего дня... Нет, он ни за что не уснет!

Пастух тоже лежал с открытыми глазами.

— Вы не бываете в городе? — спросил Мирза.

— Вся моя жизнь прошла на этой кошме, под этими звездами... — вздохнул пастух. — Что делать в городе бедному человеку?

— Вы правы... — согласился Мирза.

Надо что-то ответить!

— И вот ты... — продолжал старик. — Как ты думаешь отыскать родных? Дошли ли они?

— Должно быть...

Старик приподнялся, оглядел пустыню, словно хотел вспомнить, какой она была несколько лет назад.

— Видел могилы на своем пути?

— Видел.

— Пустыня, которую ты пересек, опасна. Я многие годы пасу

здесь овец. Знаю, что с вашей стороны приходили люди. Они были разные. И богатые, и бедные. Весь путь шли вместе, а здесь у самого города почти всегда начинали грабить и убивать друг друга. Те, кто выживал, везли в глубь страны награбленное добро, красивых женщин и девушек...

Старик снова лег и, помолчав, продолжил рассказ:

— Позже некоторые из этих разбойников тайком переправляли через границу беженцев с вашей стороны. В песках их грабили и убивали. А молодых жен и дочерей везли в большие города.

— Зачем, отец? — спросил Мирза, стараясь скрыть волнение.

— Дойдешь до Мешхеда, сам узнаешь... — глухо ответил старик. — Давай спать.

О чем только не думал Мирза в эту звездную бессонную ночь на чужбине! Но чаще всего он возвращался к мысли, что был слишком откровенным со стариком. Нет, он не боялся старого пастуха, но несколько раз ловил себя на том, что ему трудно скрыть бушевавшее его волнение, солгать или смолчать. Нет, так нельзя! Он должен стать совсем другим человеком, чтобы не выдать себя ни врагу, ни даже другу. Как это трудно!

МЕШХЕД

Вероломство осенило каждый дом,
Не осталось больше верности ни в ком.
Пред ничтожеством, как нищий, распростерт
Человек, богатый сердцем и умом.
Хафиз

Глаза слипались... Но теперь уже воспоминания, растревоженные неожиданной встречей, не давали заснуть.

Мирза вновь увидел распростертое тело старого отца, убитого басмачами. Перед юношей прошли лица земляков, оскорбленных женщин и девушек, всех, кого не пощадили бандиты в родном кишлаке.

Вновь зазвучал надтреснутый, скрипучий голос имама мечети

Хаджа-и-Хизр шейха Абдурауфа:

— Да благословит аллах каждого, кто поддержит войска ислама! Под его защитой вы можете спокойно уходить в соседние страны, где всем правочерным уготовлена райская жизнь.

Некоторые поверили ему.

И может быть, эти кости, похожие на белые ветки саксаула, — все, что осталось от лежководерных.

Мирза так и не заснул. Он увидел, как расползается розоватая полоска рассвета. Залаяли собаки, заблеяли овцы.

В белесом небе начали таять звезды.

— Самое удобное время... — сказал пастух.

— Что? — не понял Мирза, весь еще во власти тревожных воспоминаний.

— В Кучан нужно прийти на рассвете... А там пристанешь к какому-нибудь каравану, идущему в Мешхед.

— Спасибо, отец... — Мирза поднялся, приложив руки к груди.

— Доброго пути, юноша. Береги себя. Страшно в пустыне, но в большом городе страшнее...

— Спасибо, отец... — повторил Мирза.

Он наполнил бурдюк свежей водой и, еще раз выслушав напутствия и рассказ пастуха о дороге, направился в сторону Кучана.

Город проснулся. Шумно, многоголосо гудели караван-сарай, чайханы и харчевни. Мирза настороженно вглядывался в людей, снующих но улицам. По одежде и по говору он узнавал в этом многоликом городе моурийцев и сабзеварцев, шахрудцев и захиданцев. Но на Мирзу, к счастью, никто не обращал внимания.

Обычно караванчики просыпаются вместе с петухами и затемно отправляются в путь. Мирза успел до рассвета захватить один из караванов и нанял осла.

Когда приближались к Мешхеду, время перевалило за полдень. Еще не вошли в пригороды, а уже показались, четко вырисовываясь на фоне неба, воспетые иранскими хафизами голубые купола, увенчанные золотыми шарами.

Мирза думал о скрытом под сводами этих куполов загадочном

мире, в который ему нужно будет проникнуть.

На окраине города, расплатившись за осла, юноша уверенно зашагал по улицам. Вскоре он очутился в толпе паломников, которые с простертыми ввысь руками, не спуская глаз с голубых куполов, молили аллаха об отпущении грехов. В экстаз входили дервиши, вымаливая «долю, отпущенную им всевышним».

С трудом пробираясь сквозь толпу, Мирза вышел на улицу Поян-хиабан, а затем на Боло-хиабан. Еще издали он увидел блестящий на солнце купол мавзолея имама Ризы. Священное место шиитов.

Мирза опять смешался с идущей и беснующейся толпой: ничего удивительного в том, что молодой шиит приехал из дальних стран «выполнить свой долг». Он тоже бормотал что-то вроде молитвы, кланяясь священному мавзолею.

«Привыкай, дорогой, — шептал себе Мирза, — есть же у персов поговорка: приедешь в город одноглазых — будь одноглазом».

Итак, он в «священном» Мешхеде! Воспевая этот город, поэт сказал:

Если бы не голубые купола Мешхеда,
быть бы для иноверцев местом ему.

Наверно, сегодня поэт подумал бы, что ошибся: Мешхед стал обиталищем чужестранцев. Мирза знал об этом еще дома, на родине. Теперь ему предстояло увидеть это своими глазами.

Правда, древние священные обычаи, традиции и сейчас сохраняются. В мечетях действительно многолюдно. Под своды куполов нескончаемым потоком идут молодые и старые.

Но есть у паломников мирские дела. В «священном» Мешхеде можно весело провести время. Для этого нужны только деньги. С их помощью паломники, например, заключают сигу. И святые духи дают благословение.

Сига — это временное бракосочетание. Всякий, пришедший в Мешхед на поклонение, здесь может удовлетворить и жажду наслаждений. Шейхи заключают сигу на час, на день между любимой женщиной и женщиной. Они могут поселиться в худжрах, расположенных здесь же, рядом, или же в открытых круглые сутки публичных домах. Таких домов в Мешхеде более тридцати.

Обратившись затем к шейху, заключившему сигу, мужчина и женщина в любую минуту могут быть разведены.

Этой «традицией» обычно пользуются вельможи, купцы, преступники — все, у кого есть деньги. Шейхам нет дела до людей, им нужна лишь плата за венчание!

— Деньги... Деньги... — бормотал Мирза, проходя по улицам. — Они стекаются в Мешхед. Ради денег здесь делают все. Священная земля, праматерь светил человеческого разума, теперь стала приютом людских пороков, свидетельницей шарлатанства тех, кто зовет себя провозвестниками дела аллаха! Как могла родина Фирдоуси, Саади, Хайяма превратиться в пристанище современных «даллаи-мухтаров»².

Вероятно, во всем городе одного только Мирзу одолевали такие мысли.

А Мешхед молился, развратничал, просил подаяния, торговался.

— Подходите! Лучшие сладости мира!

Иногда продавец многозначительно подмигивал: там в лавке за его спиной — дверца... Не нужно даже благословения на временный брак.

— Заходите! Заходите, гость!

Поравнявшись с гостиницей «Бахтар», Мирза подумал: «В крайнем случае в этой гостинице можно будет остановиться на первое время».

Затем его взор остановился на торговце кулаками — островерхими шапками.

Изнывающий от безделья лавочник сразу увидел нового человека.

— Добро пожаловать! — обратился он к юноше и добавил, улыбаясь: — Может, что-нибудь купите?

Мирза уловил азербайджанский акцент и заговорил по-тюркски.

Лавочник и впрямь оказался азербайджанцем, эмигрантом. Он испытывал искреннее дружеское расположение к человеку, так хорошо знавшему его родной язык.

— Кулахи я шил сам, выбирайте какой угодно. А костюмы все

---

² «Даллаи-мухтар» — отрицательный персонаж древнего иранского эпоса, синоним зла, коварства и обмана.

подержаны.

Мирза выбрал себе кое-что из одежды и, расплатившись, спросил, кивком показав на «Бахтар»:

— Нет ли в Мешхеде гостиницы поскромнее?

— Вы приезжий?

— Да.

— Откуда, позвольте спросить?

— Сегодня приехал из Горгана.

— Вы хорошо говорите на языке азербайджанцев.

— Я жил и учился в Гандже... — скромно сообщил Мирза.

Услышав о Гандже, лавочник еще больше оживился. Можно было подумать, что перед ним стоит не чужестранец, а близкий родственник.

Лавочник был одним из обманутых, потерявших и родину, и близких. Он хорошо знал, каково одному на чужбине...

— Дорогой мой, — произнес он нараспев, — не утруждайте себя поисками гостиницы. Вон на той улице, Боло-хиабан, есть чайхана азербайджанцев. Хозяин ее — Али Акбар, добрый человек. Он обязательно подыщет вам подходящее жилье.

— Я очень благодарен...

— Идите, идите к нему... Там вы найдете приют.

Мирза направился к азербайджанской чайхане.

Али Акбар — смуглый, жилистый, с огромными усами мужчина был одет в просторную черную кавказскую рубашку и обут в чевы³. Вид у хозяина был гордый, самодовольный.

Мирза вежливо поздоровался и, передав привет от продавца кулаками, объяснил Али Акбару цель прихода.

— Я ведь тоже из Ганджи... — грустно покачал головой азербайджанец.

Потом в глазах его вспыхнул радостный огонек, а надменность как рукой сняло.

— Значит, вы жили в Гандже? — продолжал хозяин.

— Я учился там четыре года...

---

³ Чевы — национальная обувь, шитая из белой кожи.

— Четыре года! — прошептал Али Акбар.

Чему он удивился: такому сроку или человеку, который явился из его родного города...

— Ганджа... Очень хороший город...

Мирза собрался было сказать несколько лестных слов о родине азербайджанца, но внезапно радостный огонек в глазах Али Акбара погас. Он настороженно взглянул на гостя и, помолчав, спросил:

— Кого же вы знали в Гандже?

Мирза назвал несколько имен видных мусаватистов⁴ и радостно заулыбался, узнав, что с ними, оказывается, был знаком и Али Акбар.

— Да, да, — одобрительно кивал головой хозяин чайханы, — это замечательные люди! Благодарение аллаху, у вас были хорошие друзья!

— Я и о вас слышал... — почтительно сказал Мирза.

Хозяин, кажется, поверил этому. Да, да, он тоже был одним из знаменитых деятелей мусаватистского движения! У себя на родине Али Акбар много делал во имя «нации», но потом пришлось... бежать в Иран.

— Я прошу вас выпить пиалу чая...

Мирза поблагодарил хозяина. Неужели его лестный отзыв побудил Али Акбара быть таким гостеприимным?

— Садитесь, пожалуйста...

По знаку хозяина мальчишка в обтрепанной старой одежде принес поднос с угощением и чай.

— Пейте, дорогой... Берите халву...

Али Акбару понравился этот одинокий юноша: чем не дармовой работник! Хозяин изучающе оглядывал гостя. Чужестранец с завистью посматривает на коврик. Устал с дороги... Куда ему деться в Мешхеде?

А Мирза, ловивший на себе взгляды азербайджанца, думал о том, что чайхана Али более надежный приют, чем гостиница «Бахтар». Во всяком случае здесь он был бы в гуще городской жизни. Да и заметить его будет труднее.

---

⁴ «Мусават» — контрреволюционная, буржуазно-помещичья, националистическая партия в Азербайджане. Находилась у власти до 1920 г.

А хозяин, словно отвечая на его размышления, уже предлагал доброжелательно и степенно:

— Если тебе негде жить, оставайся у меня. Здесь и чайхана, и харчевня, и гостиница. Живи сколько хочешь. Только...

Мирза почтительно наклонил голову:

— Хорошо, хозяин...

Али Акбар чуть заметно усмехнулся: это было согласие на все, что он теперь прикажет.

Хозяин не ошибся.

Мирза исправно выполнял любую работу и в чайхане, и в харчевне. Это не так уж плохо, думал он, если иметь в виду, что в Мешхеде человек, особенно чужестранец, ценится не дороже дворняжки. В общем, Мирза был доволен: есть крыша над головой, а для начала это самое главное!

Уже второй месяц он работал без какого-либо вознаграждения, только кров и еда. Конечно, он пришелся бы по душе самому скупому хозяину. И Али Акбар все больше ценил своего помощника. Мирзе уже доверялось получать плату с посетителей. Правда, кое-какие свои делишки Али Акбар пока скрывал от Мирзы. Но от внимательных глаз юноши, конечно, не укрылась главная прибыльная «статья» Али. Это было одно из тех «увеселительных заведений» Мешхеда, которые, в отличие от публичных домов, действовали втайне от властей, избегая налога.

Глядя на скользящие вдоль стен тени закутанных женщин, Мирза вспоминал слова старого пастуха: «Дойдешь до Мешхеда — узнаешь». Но что бы ни замечал новый работник, он оставался невозмутимым и сдержанно, молча занимался своим делом.

Чужие глаза внимательно наблюдали за ним. Но он и бровью не повел, заметив, что в его хурджуне шарили чьи-то руки.

«Даже шов не поленились распороть», — усмехнулся Мирза. Но он по-прежнему делал вид, что ничего не произошло.

Недавно хозяин долго беседовал с завсегдатаем чайханы, юрким, нагловатым парнем.

Дня через три Мирза увидел его на базаре. Вернее, почувствовал острый взгляд за спиной. Спокойно обернувшись, он заметил, как в

толпе мелькнула знакомая наглая физиономия.

Покончив с покупками и не задерживаясь в торговых рядах, работник направился к чайхане Али Акбара.

Мирза знал, что парень тоже потащится за ним. Но потом, вернувшись, обойдет все лавки, где побывал чужестранец. Что ж, пусть обходит! Ни с одним из торговцев Мирза не был знаком...

Он действительно только выполнял поручения своего хозяина. Выполнял точно, умело, быстро. Он был слуга...

Те, кто следил за ним, должны были поверить в это.

МУФТИЙ

Не верь мулле, который вернулся с хаджа,
Потому что он сам давно отрекся от аллаха.

Если до хаджа он был просто змеей,
То из Мекки вернулся драконом.

Пахлаван Махмуд

Не всплыви на поверхности событий тех лет такая личность, как муфтий Садретдинхан, кто знает, может быть, судьба Мирзы Садыкова сложилась бы иначе.

Поэтому следовало бы поближе познакомиться о муфтием Садретдинханом.

Сын Шарифхаджи Казия, муфтий Садретдинхан словно родился для служения аллаху. И не только аллаху...

Националист и религиозный фанатик, Садретдинхан появился на туркестанской политической арене как ставленник духовенства и местной буржуазии. Одержимый единственной мыслью — создать Великое Туркестанское государство, — он стремился внушить народам Азии непримиримую вражду к нетюркским нациям, особенно к русским.

Он был умелым муфтием, то есть толкователем вопросов мусульманского права на основе шариата, и каждое свое слово мог убедительно подкреплять положениями корана, высказываниями пророка Мухаммеда, ссылкой на его поступки.

Как же его не слушать, муфтия! Как же не повиноваться ему во всем!

...Так, по крайней мере, думал сам Садретдинхан.

Он мог вспомнить сегодня любой год из пятнадцати, прошедших с того памятного ноября, когда в Туркестане пришли к власти Советы, любой день и час своей «священной» борьбы за Великий Туркестан.

Муфтий не склонялся, как полководец, над картой Туркестана. По сообщениям своей агентуры он знал, что происходит там...

Молиться аллаху?..

Но разве помогут молитвы! Советская власть в Кагане, Кушке, Самарканде, Термезе, Катта-Кургане...

В одной из худжр медресе Шейхантаура испуганные возгласы, вопли, причитания:

— Что творится!

— Что же делать, уважаемый?

Но настоятель медресе Садретдинхан внешне спокоен.

— Да поможет нам аллах! — затягивает он.

— Да поможет... — подхватывает толпа.

Никому и в голову не приходит, что муфтий не спал ночь... Невозмутимо, уверенно, убедительно произносит он главные слова:

— Мы будем бороться за создание Великого Турана... Все правоверные должны объединиться под знаменами ислама...

Это те же слова, которые он сегодня ночью писал для журнала «Изхорулхак». Под статьей стоит подпись — Абдулла Абдуллатифт Угли, но и эта, и другие статьи, да и весь журнал целиком — дело рук муфтия.

Мали кто знает, сколько энергии в этих сухоньких кулачках, сколько зла в прищуренных рысьих глазках, сколько дерзких планов под величественной чалмой...

— Да поможет нам аллах! — повторяет муфтий.

С ним соглашаются. Ему верят.

И Садретдинхан берется за создание новой организации.

Активную поддержку муфтий получает не от аллаха, а от турецких пленных офицеров и «друзей» туркестанских

националистов — Халил паши, Хаджи Сали, Зиябека. Того самого Зиябека, который за «большие заслуги» впоследствии будет удостоен звания паши и станет генералом, инструктором афганской армии.

Садретдинхан и сейчас помнит, как надменный турок инструктировал его:

— Если вы решили создать организацию, — журчал бархатный голос, — я бы посоветовал сделать это по подобию нашей турецкой «Иттихад ва таракки». Мы окажем вам посильную помощь, и да благословит вас аллах.

Муфтий понял мысль Зиябека.

— Я буду рад, — сказал он, — если новая организация станет одним из ваших филиалов. В конце концов у нас общая цель — объединение всех тюрок.

— Организация должна работать в глубоком подполье. Поэтому необходимо вовлекать в нее особо преданных людей... — продолжал поучать Зиябек.

— Так оно и будет.

— И еще. — Зиябек многозначительно поднял палец и понизил голос — Сотрудничество с Турцией сулит поддержку одного великого государства в Европе. Таково мнение Стамбула... — Он явно старался подбодрить своего собеседника.

Садретдинхан хитро прищурился:

— Вы, видимо, имеете в виду Германию, не так ли?

Зиябек внимательно посмотрел на него.

— Да, — сказал он, помолчав. — Турция находится в дружественных отношениях с Германией. Влияние этого государства распространяется и на младотюрок.

— Все это хорошо. Но немцы — люди иной веры, они далеки от нас, наши мусульмане...

— Понял, — перебил Зиябек. — Я как раз хотел сказать вам, что одна из основных задач организации, которую вы возглавите, убедить мусульман, что Германия — наш друг, а любой ее посланец — человек угодный пророку Магомету.

— Такая задача для нас весьма почетна, — муфтий торжественно встал. — Мы выполним ее!

Когда Садретдинхан впоследствии возглавил тайную организацию «Милли Иттихад»⁵, в нее вместе с представителями местной национальной буржуазии, джадидами, баями, реакционным духовенством, вошли и турецкие офицеры.

«Милли Иттихад» пустила свои щупальца в Семиречье, Фергане, Самарканде, Бухаре, устраивала своих членов на работу в советские органы, вербовала двурушников, предателей и убийц.

Несколько лет организация вела свою преступную деятельность, объединяясь со всеми, кто ненавидел Советскую власть. Когда басмаческие шайки Иргаша, Курширмата, Мадаминбека повели на нее вооруженное наступление, члены «Милли Иттихад» не только молили аллаха о победе, но и помогали басмачам, терроризируя и убивая честных людей, коммунистов, тружеников.

Ничем не гнушаясь, муфтий Садретдинхан теперь обращался с челобитной к находившимся в Туркестане представителям Англии, Америки, Франции...

Он хорошо помнит конец лета восемнадцатого года, когда встреча с двумя иностранцами решила многое в его жизни.

Столица солнечного края как никогда была оживлена. Развевался красный флаг над «Дворцом свободы», сосредоточенные, открытые, ясные лица людей мелькали вокруг. Стараясь не показать своего волнения, муфтий неторопливо шагал по ташкентским улочкам.

Ожидаемые гости должны были принести важные известия.

Муфтий уже получил из Мешхеда специальное письмо на имя одного из них. Садретдинхан знал день, когда гости выехали из Кашгара: 24 июня. Теперь шел август, а от долгожданной миссии нет никаких вестей. А между тем только она могла бы помочь муфтию. Так отрекомендовал гостей генерал Маллисон, чье зашифрованное послание, словно талисман, было спрятано муфтием в самом потайном кармане.

Обычно Садретдинхан почти безвыходно находился в ханаке Шейхантаура, но в последние дни полуденную и вечернюю молитвы стал совершать в мечети Нугай, что у Пиянбазара. Он неторопливо

---

⁵ «Милли Иттихад» — буржуазно-националистическая организация пантюкистского направления.

шел к ней по улице Казыкуча, затем вдоль Тарновбаши, чтобы, миновав проспект Романовского, выйти на улицу Эржар. У Регистана взгляд его становился особенно цепким: муфтий ждал нужного человека. Собственно, ради этого он и начал возносить аллаху молитвы в новой мечети. Однако встретить гостей «случайно» Садретдинхану никак не удавалось.

Они прибыли незаметно и остановились в гостинице «Регина». Официально путники туманно именовались «английскими представителями», следовавшими из Индии.

БЕЙЛИ

Но, дважды бит камнями, он, сардар,
Бойтся честный нанести удар, —
Противника он бьет из-за угла:
Стотысячная рать не помогла, —
Поможет хитрость, подкуп и обман...

Алишер Навои

Окна пятого номера «Регины» выходили на оживленный перекресток. Очень удобно наблюдать за всеми, кто появится на улице, особенно если человек направляется в ресторан.

В номер заглядывали разные люди. Среди них были и военные. С ними-то и искал знакомства хозяин апартаментов — майор британской разведки Бейли, сменивший военный мундир на штатский костюм дипломата.

Нельзя гнушаться никакими средствами. Майору все подойдет: и подпольная военная организация белогвардейцев, и общество реакционного духовенства, и «Милли Йттихад», и подозрительные типы из числа иностранных военнопленных...

Вначале Бейли посетил американское консульство в Ташкенте. Мистер Роджер Тредуэлл тепло приветствовал своего давнего друга и его спутника Блэккера, представил им сотрудника консульства Шоу. Американцы и англичане, удобно расположившись в креслах и пыхтя сигарами, откровенно говорили о судьбе Туркестана, так, словно это

было английское графство или американский штат. Нужно было выработать программу совместных действий.

— В случае, если русские офицеры в борьбе против красных объединятся с мусульманскими националистами, — сказал Тредуэлл, — наша помощь может дать ощутимые результаты.

— Это ясно. — Бейли не без ехидства улыбнулся. — Однако, сэр, помощь, оказываемая вашей страной, видимо, недостаточна? — Он согнал улыбку с лица. — Британская военная миссия в Туркестане уже давно перешла к практической деятельности.

— Но согласно договоренности нанести удар по Советам со стороны Туркестана, по-моему, было возложено на Британию... — надменно возразил Тредуэлл. — События в Закаспии мне известны. Мы тоже не останемся в стороне. Американская миссия в Ташкенте не сидит сложа руки.

— Вы имеете в виду свою дипломатическую миссию? — Бейли старался расшевелить собеседника.

— Кроме этого, господин майор должен учесть деятельность находящегося здесь отделения американского Красного Креста, — продолжал Тредуэлл, — а также «Ассоциации молодых христиан». С их помощью мы поддерживаем связь с подпольными военными союзами, организациями местных мусульман, меньшевиками, эсерами — одним словом, со всеми, кто против большевиков. К тому же, — Тредуэлл заносчиво задрал подбородок, — английский майор, прибывший в Ташкент, должен знать, что мы не очень стеснены в долларах! Голодным туркестанцам нужен хлеб, оружие, господин Бейли!

— Я рад решительности нашего союзника... — уже довольный, улыбнулся Бейли.

— Хорошо! А каковы ваши успехи? — заинтересовался консул. — С кем вы успели встретиться? — Он взглянул на Блэккера.

— Пока только с вами, сэр...

— Я думаю, вам следовало бы встретиться с представителями подпольной организации мусульман, — посоветовал Тредуэлл. — Из них особого внимания заслуживает некий муфтий, с которым мы иногда видимся, неофициально, конечно.

— Я заочно знаком с одним крупным шейхантаурским муллою. И обязательно должен встретиться с ним, — сказал Бейли.

Тредуэлл усмехнулся:

— По-видимому, мы говорим об одном и том же человеке. Вы имеете в виду организатора массового голодного похода в старом городе?

Бейли кивнул и повернулся к оживившемуся Шоу:

— Деятельный человек?

— Достаточно представить себе тигра, обитающего в джунглях Индии.

— Значит, к нему опасно приближаться? — Бейли поднял брови.

— Но у вас, кажется, есть опыт охоты на азиатских тигров? — улыбнулся Шоу. Довольные шуткой, все рассмеялись.

Бейли, однако, так и не смог встретиться тогда с шейхантаурским муллою.

Один за другим чекисты разоблачали тайные общества врагов. Был разгромлен «Военный союз борьбы против большевизма», и десятки его участников, связанные с иностранными миссиями, были арестованы, «Милли Иттихад» и ее руководители — муфтий Мунаввар Кари Абдурашидов и Садретдинхан — тоже попали в поле зрения ЧК.

А бежавший после многочисленных провалов английский разведчик вскоре появился в Бухаре.

Бухарский эмират оставался тогда чуть ли не единственной надеждой империалистических государств в Туркестане, становясь крепостью международной контрреволюции. Под защиту эмира сбегались уцелевшие отщепенцы старого мира.

...У ворот «Кавалая» Бейли встретил эмирский таксаба Юсуфбек. Немного передохнув в его доме, майор сменил одежду и направился в эмирский дворец. Здесь он встретился с доверенным лицом английской разведки драгоманом⁶ Хайдар Хаджой.

В это же время в нескольких кварталах от эмирского дворца муфтий Садретдинхан беседовал со своими друзьями из бухарского

---

⁶ Драгоман — официальный переводчик при дипломатических представительствах и консульствах на Востоке.

отделения «Милли Иттихад». Уже несколько недель он жил в Бухаре, понимая, что именно здесь нужно сейчас искать новые возможности, связи, знакомства.

Тигр точил когти и деятельно готовился к битве. Он не ошибся.

Однажды муфтий пригласил в гости Хайдар Хаджа.

Дом драгомана находился в юго-западной части Бухары, именовавшейся «Симхона»⁷. Фаэтон въехал в чистенький квартал кирпичных домов, выстроенных в европейском стиле, и остановился у больших ворот. Муфтий в сопровождении Хайдар Хаджи вошел в широкий двор. Хозяин жестом показал на мехманхану и пропустил гостя вперед. Они вошли в гостиную, где за уставленным всевозможными яствами столом сидел европеец в военном мундире и о чем-то беседовал с каким-то юношей, видимо сыном хозяина дома.

Обернувшись, человек в мундире остановил взгляд на муфтии. Садретдинхан словно споткнулся об этот взгляд и застыл от неожиданности. Этого человека с голубыми, словно холодное стекло, глазами и твердым лицом муфтий не знал. Европеец спокойно и без удивления смотрел на него. Прерывая эту немую сцену, Хайдар Хаджа с улыбкой и некоторой торжественностью произнес:

— Вот, господин муфтий, познакомьтесь с другом, которому не удалось встретить вас в Ташкенте.

— Прошу вас, шейхантаурский мулла, — незнакомец говорил по-русски, но с заметным акцентом.

Удивленный муфтий ответил тоже по-русски и протянул руку для приветствия. Военный представился:

— Майор Бейли.

В глазах Садретдинхана мелькнул радостный огонек.

— Судьба поистине благосклонна ко мне, если в моей мехманхане определено было встретиться людям, которые так долго искали друг друга! — обрадованно воскликнул Хайдар Хаджа.

— Да, хорошо, когда встречаешь одного друга в доме другого... — улыбнулся, наконец, повеселевший муфтий.

Усевшись вокруг стола, они освежили чаем пересохшие глотки,

---

⁷ Симхона — квартал, где находилась телефонная станция. (Сим — провод).

неторопливо делясь впечатлениями о трудных дорогах, затем перешли на деловые темы. Муфтий с Бейли объяснялись по-русски и лишь временами Хайдар Хаджа, любивший говорить по-английски, выступал в роли переводчика.

— Весьма сожалею, что не смог в Ташкенте встретить вас и удостоиться вашего общества... — произнес Садретдинхан.

— Мне пришлось ограничиться беседами с вашими ближайшими коллегами. Не могу сказать, чтобы они особенно преуспели.

— Большевики не давали развернуться. Даже зайти в гостиницу, где вы остановились, я не мог. Преследования усилились.

— Вы весьма предусмотрительны, господин мулла!

— Рабы божьи боятся лишь всевышнего. Но осторожность не мешает, — ответил муфтий, и, решив поразить своей проницательностью собеседника, продолжил: — О вашем пребывании в Ташкенте я все же частично информирован.

— Неужели? — Бейли пристально и чуть насмешливо посмотрел на муфтия.

— Наши люди занимались еще и вашей охраной, — усмехнулся Садретдинхан. — Мы знаем все, вплоть до того, с кем и когда вы встречались в ресторане «Шота де Флор»...

В разговор вмешался Хайдар Хаджа:

— «Шота де Флор» в переводе с французского означает «Замок цветов». К тому же, насколько мне известно, этот ресторан именуется также «Буфф».

— Он самый... — подтвердил муфтий.

— Я ходил туда не ради удовольствия... — объяснил Бейли.

— Понимаем, — перебил муфтий. — Об этом можно догадаться: ведь вы были там в компании французских специалистов Жана Молля и Констанье, мадьярского офицера Яноша Теречка... — муфтий бегло назвал еще несколько имен.

Бейли, не скрывая удивления, спросил:

— Ваша агентура так четко действует?

— Единство целей и задач, поставленных перед нами жизнью и освященных всевышним, помогает домысливать некоторые поступки друзей, — опустил глаза, пробормотал Садретдинхан. А Бейли,

словно оценив собеседника, серьезно заговорил:

— В Ташкенте мы с друзьями ломали голову над тем, как поднять военный мятеж, как собрать и отправить в распоряжение бухарского эмира военнопленных специалистов.

— Значит, вы думали и о нашей армии ислама?

— Неужто мы могли забыть о ваших нуждах?! — возмутился Бейли.

— С благословения всевышнего и при поддержке великих держав мы достигнем своих целей... — удовлетворенно заключил Садретдинхан.

Они снова обратились к всевозможным яствам, которые предлагал улыбающийся Хайдар Хаджа.

Бейли с некоторым самодовольством начал рассказывать о своей деятельности, об инспирированном им осиповском мятеже в Ташкенте, убийстве четырнадцати комиссаров.

— Если мы найдем еще двух или трех подобных Осипову, то большевизму в Туркестане скоро придет конец.

— Осипов жив еще... — напомнил муфтий.

— Он скоро будет здесь... — почти по слогам произнес Бейли.

— Да, большевики должны потерпеть крах! — муфтий злобно сжал кулачок. — А вы... Никогда, господин майор, не забудутся ваши заслуги по уничтожению красных комиссаров в Ташкенте. Начало этого года предвещало нам удачу, но... — Садретдинхан огорченно вздохнул.

— Не огорчайтесь, друг мой. Все это только прелюдия к тому грандиозному спектаклю, который мы дадим Советам. Большевиков в Туркестане хватит не надолго.

— Мы надеемся на аллаха и помощь великих держав, особенно Англии, — смиренно склонил голову муфтий.

— Великие державы никогда не останавливаются на полпути, — успокоил своего гостя Хайдар Хаджа, и, чтобы сделать приятное Бейли, повторил фразу по-английски.

Бейли поднялся. Закурив сигару, он расхаживал взад и вперед по мехманхане, о чем-то сосредоточенно думая. В наступившем коротком молчании Садретдинхан вспомнил о письме Маллисона.

— Простите, господин майор, сказал он, шаря в складках одежды и доставая письмо, — я рад вручить адресату это послание, полученное мной из Мешхеда.

Хайдар Хаджа передал пакет майору. Бейли пробежал глазами зашифрованный текст. Маллисон, у которого муфтий просил помощи и поддержки, давал майору подробные инструкции о конкретных формах помощи руководителям туркестанских мусульман.

— Переведите, пожалуйста, муфтию, — попросил Бейли, протянув послание Хайдар Хадже.

Муфтий знал содержание письма. Поэтому он с усмешкой сказал:

— Не надо оглашать то, что само по себе понятно!

Бейли продолжал расхаживать по мехманхане.

— О помощи, оказываемой вам со стороны Британии, я должен сказать следующее, — он жестко свел брови и повернулся к муфтию, — армия ислама обеспечена, главным образом, нашим оружием. Во время моего пребывания в Ташкенте ваша организация получила от белых офицеров и эсеров около четырехсот винтовок, много ручных гранат и другое оружие. Двухтысячная армия Джунаида была вооружена и направлена в район Закаспия. Это тоже наших рук дело. Только вчера прибыл в Бухару большой караван. Его принимал ваш друг Хайдар Хаджа. — Он обернулся к хозяину: — Расскажите господину муфтию, мистер Хайдар, что вы видели.

— Большой караван! — Драгоман воздел руки к небу. — Прямотаки царское подношение. Более шестисот верблюдов! Когда первый входил в город через ворота Шейх Джалал, последний еще шагал где-то у Джуйбара. Тысяча двести сундуков! Двадцать тысяч скорострельных винтовок «ли-энфильд»! А маузеров, патронов — и не сосчитать!

Услышав эти цифры, муфтий даже приподнялся со своего места, глазки его засверкали.

— Кроме того, — продолжал Хайдар Хаджа, — более пятисот английских офицеров обучают военной мудрости солдат эмира. Да еще немало в Бухаре афганских и турецких офицеров...

Муфтий все больше возбуждался. Он смотрел то на Хайдар Хаджу, то снова на Бейли, а потом, не выдержав, прервал драгомана,

предложившего завтра осмотреть английское оружие:

— Если все обстоит так, как вы говорите, то почему, имея столь мощную поддержку, его величество эмир не соизволит ускорить наступление на большевиков? Ведь на газават мы могли бы поднять всех мусульман Туркестана!

Хайдар Хаджа бросил многозначительный взгляд на Бейли и после некоторой паузы, повернувшись к муфтию, заговорил:

— Конечно, это дело самого эмира. Но разрешу себе заметить, что его величество готовится к достижению этой цели со всей серьезностью. Однако время еще не пришло, господин муфтий... — Хайдар Хаджа запнулся, он явно чего-то не договаривал.

Муфтий и Бейли сделали вид, что не заметили этого.

— Кстати, — продолжал Хайдар Хаджа, — бухарский эмират прошлой весной уже померился силами с большевиками. Их части, наступавшие со стороны Кагана, были разбиты. Под Кызыл-Тепинским мирным договором стоит, между прочим, и моя подпись... Согласно договору эмират обещал не вмешиваться во внутренние дела Советского Туркестана. А слово эмира — не шутка...

Бейли напряженно вслушивался в речь Хайдар Хаджи, который успевал переводить ему на английский. Услышав последние слова, он грубо перебил драгомана:

— Придет время, и подписанный вами договор будет разорван, как ненужный клочок бумаги!

Муфтий расплылся в улыбке. Слова Бейли были ему по душе. А майор твердо продолжал:

— Повторяю, Британия не откажет вам ни в какой помощи. Это не мое личное мнение и не мнение министра Маллисона, это решение королевства.

— Благодарим вас, — муфтий поклонился.

— Однако одними упованиями на помощь извне достигнуть цели весьма трудно. — Холодные голубые глаза в упор глядели на Садретдинхана. — Вы сами, господин мулла, и ваши друзья должны проявлять больше активности. Использовать все. Как мне известно, возможности у вас огромные и обстановка для решительных действий

сейчас подходящая.

Муфтий, вдохновленный энергией, которую источала вся подтянутая фигура майора, подхватил:

— Да, да, мы хотим восстановить против Советов мнение мировой общественности. Для этого мы собираемся посетить Стамбул, оттуда выехать в Европу... — Садретдинхан в испуге перешел на узбекский.

Хайдар Хаджа переводил Бейли слова муфтия.

— Господин, плов тушить? — спросил вошедший слуга.

— Немного погодя, а пока, Мавлян, завари крепкого чая... — приказал Хайдар Хаджа.

Ловкий, смысленный Мавлян был не только слугой, но и поваром.

С того дня, как у них поселился Бейли, юноша особенно старательно исполнял свою службу и весьма часто заглядывал в мехманхану за новыми приказаниями.

БУХАРА

Есть поучение, чей смысл обнажен
(его мне мудрецы когда-то завещали!)
«Кто меч безжалостности вынул из ножен,
Тот будет сам без жалости сражен!»

Джами

Беседа затянулась. За это время слуга несколько раз появлялся в мехманхане, заменял остывший чай горячим, убирал со стола окурки, скорлупу фисташек, проветривал комнату, полную густого табачного дыма. Гости не обращали внимания на молчаливого юношу. Бейли вообще, никогда не замечал слуг, быстро привыкая к их бесшумным фигурам.

В дом Хайдар Хаджи Мавляна привела беда. Когда на призыв священной войны откликнулись лишь бандиты, воры и головорезы, эмир стал забирать в свою армию подряд бедняков и сирот. В их число попал и Мавлян. Военная служба у эмира означала пожизненное рабство.

Мавлян с детства работал у ишана, зрителя одного из крупных мазаров⁸ Бухары. Вместо платы ишан разрешал через день косить траву, не более двух снопов. Когда набирались добрые две вязанки сухого сена, Мавлян ездил продавать его, и они с матерью жили на вырученные деньги. Обычно он возил сено либо в Бухару на базар Алаф⁹, либо в Каган. В Кагане платили лучше. Возможно, по этой причине он в последнее время чаще стал навещать туда.

Узнав, что ее сын попал в эмирские новобранцы, старушка побежала к ишану. Но никакие мольбы и причитания матери не помогли. Ишан сказал бесстрастным голосом:

— Воля эмира — воля аллаха. Надо терпеть и мириться, ибо все идет от всевышнего.

— Мама, — сказал Мавлян, выслушав ее рассказ, перемежаемый слезами, — я только о вас беспокоюсь. Есть один человек, который мог бы помочь, если бы захотел. Он видный хаджа, служит у эмира на большой должности. Я бывал у него, когда относил свежие фрукты из сада ишана. Это Хайдар-эфенди, он живет у «Симхоны». Не пойти ли вам к нему попросить о помощи?

Старушка накинула паранджу и направилась по указанному адресу. День близился к концу. Хайдар Хаджа сидел во дворе у цветника и читал газету. Его лица не было видно за страницами.

— Ассалом алейкум! — робко промолвила старушка, приблизившись.

Хаджа от неожиданности вздрогнул. Опустив газету, он уставился на женщину.

— Хош, чем могу служить? — спросил он с важным видом, недовольно отложив газету.

— Да падут на меня все ваши невзгоды, господин, только обратите свою милость к одинокому сироте... — несчастная мать поведала о своем горе.

— Кто твой сын?

— Мавлян, господин. Слуга ишана Ахрар Хаджи. Сын говорит, что бывал в вашем доме и вы всегда были добры и милостивы к нему.

---

⁸ Мазар — кладбище.

⁹ Алаф — базар клевера.

— Да, да... Вспомнил. Так это молодой садовник ишана?

— Да, господин. Молю вас, сохраните моего единственного сына... Пусть будут счастливы ваши дети. Это благодеяние втроене воздастся вам всевышним!

Хайдар Хаджа хранил молчание.

— Хорошо, не плачь так много. Ишан весьма почитаемый человек. Но сыну своему передай, чтобы днем он порою заглядывал к нам и помогал в домашнем хозяйстве. Ишан не будет этому препятствовать. Ясно?

Старуха низко поклонилась, шепча слова благодарности...

Вот уже четыре месяца, как Мавлян служит двум хозяевам. Он пришелся ко двору в доме Хайдар Хаджи. Если драгомана посещали важные гости, Мавлян являлся пораньше. А с тех пор, как здесь поселился Бейли, он приходил каждый день. Правда, раз в неделю юноша успевал еще съездить в Каган и продать сено.

По дороге на базар, Мавлян обычно проезжал в Кагане мимо большого здания из жженого кирпича, под железной крышей, именуемого в народе «диварис»¹⁰. Еще издали виднелось над куполом алое знамя. Здание окружала высокая железная ограда, а у больших, тоже железных ворот всегда стояли часовые с винтовками в руках и красными звездами на островерхах диковинных шапках.

Придерживая своего ишака, Мавлян с интересом рассматривал незнакомых удивительных людей, но приблизиться к ним не решался, хотя кое-что о них уже узнал.

Но совсем немного времени понадобилось молодому бухарцу, чтобы эти странные незнакомцы стали его друзьями...

Ибо и в священной Бухаре нашлись люди, у которых давно открылись глаза на все, что творилось вокруг.

...Башня Смерти отбрасывает длинную тень на притихший к вечеру город. Лишь звуки табла, трещотки миршабов нарушают тишину. Город настороженно прислушивается к каждому шороху. В последнее время никто не смеет выходить на улицы после вечерней молитвы, не зная «имени ночи» — специального пароля. Но Карима

---

¹⁰ «Диварис» — искаженное — дворец.

Ахуна — сотника эмирской армии — этот приказ, конечно, не останавливает. Узнав в миршабхане, полицейском участке, пароль, сотник беспрепятственно разгуливает по ночной Бухаре. Его можно увидеть то у аскерхана Кофилхан, то у Углан, то в казармах в Ширбадане, где он проводит время в «беседах» со знакомыми и друзьями.

Иногда Карим Ахун посещает и приютившийся на окраине махалли Кафриабад маленький домик, где живут Мавлян с матерью: сотник приносит в стирку свое белье. Сам он родом из Андижана, и здесь у него никого нет.

...Так подружились молодые люди. Мавлян сразу почувствовал, что Карим Ахун не похож на других людей эмира.

В один из первых дней их знакомства старуха принесла с базара новости:

— Благодарите аллаха, сынок, за то, что наша кибитка далеко от минарета Калян, — сказала она Мавляну. — Поговаривают, что он скоро должен рухнуть, причем непременно обрушится на Арк.

Мавлян промолчал, а Карим Ахун, поджидавший старуху со свертком белья, усмехнулся:

— Минарет пусть уж стоит. Убрался бы к дьяволу эмир, сколько вдов и детей вздохнули бы свободно!

Такие слова Мавлян слышал впервые.

В последнее время Карим Ахун все чаще приходил к ним ночью. Мавляна вначале не интересовали дела сотника, но по мере того, как крепла их дружба, он стал кое о чем догадываться. Оба они любили пошутить, посмеяться, Мавлян с удовольствием слушал молодого сотника: Карим Ахун был грамотным, а слуге ишана так и не пришлось учиться. Но, от природы наблюдательный и сообразительный, Мавлян вскоре понял многое из того, о чем рассказывал Карим Ахун. Сотник стал постепенно вводить его в курс всего, что происходило в Бухаре и Туркестане, от него Мавлян впервые услышал слова «Ленин» и «большевики».

В дни пребывания Бейли и муфтия в Бухаре Карим Ахун каждый вечер после строевых занятий отправлялся в махаллю Кафриабад. В доме прачки он внимательно, не упуская ни единого слова, слушал

подробный рассказ Мавляна обо всем, что происходило в доме Хайдар Хаджи. Прощаясь с другом, Карим Ахун вкладывал в его карман конверт:

— По возможности пораньше отправься на каганский базар...

Напряженно жила Бухара.

Никто не мог подумать, глядя на простоватого парня, что он курсирует между двумя мирами.

Когда Мавлян появлялся на дороге, один из часовых неожиданно исчезал в проеме ворот «дивариса», но вскоре снова появлялся и вставал на свое место.

А парень, придержав ишака недалеко от железных ворот, подходил к огромной гранитной глыбе у ограды и незаметно опускал конверт в трещину.

Так в Особый отдел, помещавшийся в «диварисе», поступали важные сведения о планах и делах заговорщиков. О событиях, разворачивавшихся в самом логове туркестанской контрреволюции. О встречах и передвижениях Бейли. Об отъезде Садретдинхана в Турцию вместе с группой деятелей «Милли Иттихад».

Мавлян не знал текста писем, которые передавал Карим Ахун, но очень гордился заданием и оказанным ему доверием.

А в письмах были записанные с его слов беседы муфтия и Бейли, реплики Хайдар Хаджи, точные сведения обо всем, что ежедневно после отъезда гостей творилось в змеином гнезде — доме бухарского драгомана.

ДОРОГИ

Вода остановится, а враг не остановится.

Узбекская пословица

Муфтий долгое время скитался за границей. Вернувшись в Ташкент, он не мог спокойно смотреть, как шагает по туркестанской земле новая жизнь. Забыв про покой, муфтий, как утопающий, хватался за любую соломинку, за все, что могло бы послужить его борьбе с ненавистными Советами.

Однако, несмотря на подробные директивы, полученные в Турции, совершать новые преступления и провокации становилось все опаснее.

— Достижение наших целей становится затруднительней, — огорченно говорил муфтий на одном из тайных совещаний. — Сейчас мы уже не в состоянии единолично побороть и свергнуть проклятых большевиков. Нам, как воздух, необходима помощь извне, нужна сильная рука великой, мощной державы.

Седобородые соратники согласно кивали головами. Было решено написать послания на имя правительств Великобритании и Японии и переправить их через консульства в Кашгаре.

Подписали послание руководители «Милли Иттихад», а поехать в Кашгар должны были доверенные люди, для которых были приготовлены фальшивые документы.

Однако в Аулие-Ата, куда вначале направились посланцы муфтия, чтобы оттуда пробраться в Кашгар, они почти сразу же попали в руки чекистов. А вместе с ними — письма руководителей «Милли Иттихад» английскому и японскому консульствам в Кульдже и личные послания Садретдинхана его давним друзьям — полковнику Нагомини и капитану Сато, опытным японским разведчикам.

Кольцо вокруг «Милли Иттихад» сжималось, над ее лидерами нависла угроза ареста. ЧК внимательно следила за каждым шагом муфтия. Но враг был опытен и хитер, и слежка не осталась для него незамеченной. Садретдинхан решил немедленно скрыться из Ташкента.

— Самый верный выход — влиться в войска ислама и оттуда руководить деятельностью преданных нам мусульман... — таково было единодушное решение лидеров «Милли Иттихад».

Муфтий согласился.

Но кому доверить печать и список членов организации? Взять с собой — опасно. Попадешься этим сынам шайтана — и все пропало! А организация должна существовать! Муфтий и не думает сдаваться, он полон надежд. Нет, он еще создаст Великий Туран, и тогда вся власть в Туркестане будет принадлежать ему, председателю «Милли Иттихад» Садретдинхану!

А пока нужно было торопиться в путь. Печать и список членов организации он после долгих размышлений оставил в Ташкенте консулу одной из иностранных держав.

— Придет час, — высоким голосом сказал он, — и вы вернете все это мне или же моему человеку.

Консул сочувственно наклонил плешь.

Когда стемнело, муфтий двинулся в сторону Куйлюка. На рассвете он уже был в Пскенте, в доме местного казия¹¹.

— Никто не должен знать о моем прибытии, В путь выйду ночью.

Казий дрожал от страха, но почтительно и подобострастно улыбался.

Прячась от людских глаз, муфтий за несколько дней перевалил через Чаткал-Кураминские горы и после непродолжительного, но трудного пути добрался, наконец, до Ферганы. Он спешил в становище главарей басмаческих шаек — Шермухамедбека и Рахманкулбека. Только у них можно было найти спасение.

Три месяца пробыл муфтий у Рахманкулбека. Тигр был злобен и деятелен, он разжигал среди басмачей ненависть к Советам, призывал гнев аллаха на головы большевиков. Но неожиданно ему пришлось спрятать когти.

В одну из поездок он встретил в Фергане своего «друга» по организации — Хамдама. Тот работал в Ферганском военном комиссариате, и Садретдинхан лелеял план сделать из него второго Мадаминбека: войску ислама нужны были военные специалисты.

На этот раз муфтий ошибся. Он не мог не ошибиться, хотя был очень осторожен: ненависть переполняла его, и он полагал, что это чувство разделяют все истинные мусульмане.

А между тем большинство из них, в том числе и Хамдам, искренне желали лишь одного — мира и спокойствия. Когда-то Хамдам был обманут лицемерными лозунгами «Милли Иттихад», но потом, разобравшись в подлинном смысле деятельности Садретдинхана и его подручных, нашел в себе силы уйти и честно служить новой власти.

---

¹¹ Казий — судья.

Муфтий напрасно раскрыл ему свои планы.

Теперь Садретдинхану пришлось встретиться с чекистами лицом к лицу.

Туркестанской ЧК руководил в то время соратник Дзержинского Яков Христофорович Петерс, стоявший и во главе операции по ликвидации шайки Садретдинхана.

Муфтия допрашивали в Ташкенте. Как и на предварительном допросе там, в Фергане, он все отрицал и ни в чем не признавался.

— Никакой организации не существует. Ни о каких документах не ведаю! Письма за границу — фальшивки!

Следователь ЧК хладнокровно и спокойно продолжал допрос. И неопровержимые факты и улики все же заставили муфтия заговорить — он согласился дать показания:

— Будем говорить по существу...

— Наконец вы пришли в себя, господин муфтий. От правды никуда не уйдешь. Теперь вам ясно, что отпираться нет смысла.

Муфтий, склонив голову, молчал.

— Скажите, когда была создана ваша организация?

— Насколько мне помнится, дней двадцать или месяц тому назад... — муфтий отвечал, не подниму головы.

— Эти даты не соответствуют действительности.

Муфтий безмолвствовал.

— Цель создания организации?

— Шариат, ислам... — пробормотал муфтий.

— В таком случае, о какой помощи вы просили в письмах, адресованных посольствам Англии и Японии в Кульжде?

— Никаких писем я не писал.

Следователь вынул из дела два листа плотной бумаги, на которых под арабским текстом стоял ряд подписей и черная печать.

— Кто это писал?

— Не знаю.

— Вот заключение экспертизы! Почерк без сомнения ваш и подпись ваша, узнаете?

Муфтий молчал.

— В этих посланиях вы, господин муфтий, умоляете Англию и

Японию помочь вам оружием. Для чего? Против кого вы хотите бороться?

— Это неправда, вы клеветеете на меня! — вне себя от страха закричал муфтий. — Мы в целях воспитания национальных кадров послали двух своих людей учиться, только и всего! — Глаза его бегали, он понимал, что попался.

— А вы не припомните, что было в послании? — следователь был неумолим.

Муфтий опять промолчал.

— Могу напомнить. Слушайте... — чекист начал читать: — «На имя высокого Британского представительства в городе Кульдже» — и второе: «На имя высокого представительства Японского правительства в Кульдже». Слышите, господин мулла Садретдинхан?

Муфтий то бледнел, то вновь заливался краской. Наконец он понял, что придется принять все обвинения, и подписал протокол допроса.

Вот что было в послании «Милли Иттихад», составленном Садретдинханом:

«...После роспуска Кокандского правительства власть и его войска находятся в руках комитета «Национального объединения», которые до сего времени со всей решительностью и упорством ведут войну против советской власти. Бухарское и Хивинское ханства в настоящее время переживают тяжелые дни и находятся в состоянии разорения. Комитет «Национального объединения» в Бухаре, Хиве и Туркестане обращается к правительству Великобритании через его Представительство в Кульдже с просьбой взять под защиту народы Туркестана, находящиеся сейчас под гнетом иноверцев... Просим оказать нам помощь и поддержку всеми силами и необходимым оружием. Предъявители сего наделяются широкими правами для ведения переговоров по этому вопросу...»

Для чего муфтию необходимо было так красочно и гиперболично описывать деятельность «Милли Иттихад»? Конечно, для того, чтобы урвать у зарубежных покровителей кусок побольше.

«Нападайте на Туркестан, здесь вас встретят с распростертыми объятиями. Сейчас самый подходящий момент! Нападайте как можно

скорей. Мы ждем!» — вот каков был истинный смысл его последний.

«Милли Иттихад» навлекала на голову своей страны, своего народа страшное бедствие и разорение.

И вот организация предателей была раскрыта.

Садретдинхан и его приспешники ответили перед советским судом, их ожидал заслуженный конец.

Но люди, заинтересованные в том, чтобы сохранить Садретдинхана, предпринимали огромные усилия и использовали все возможные способы, чтобы спасти его. Когда приговоренных переводили в тюрьму, бандиты совершили нападение на конвоиров. Они швырнули нас¹² в глаза красноармейцев, и муфтию в суматохе удалось скрыться.

Он вынырнул через некоторое время в Восточной Бухаре, в одном из отрядов известного авантюриста Энвера паши. Но муфтию не суждено было свидеться со своим старым другом. Он опоздал, 4 августа 1922 года Энвер паша нашел бесславный конец на склонах Гелен-Тепе вблизи Балджуана. Отряд, где нашел прибежище муфтий, был разбит наголову, Садретдинхан с остатками басмачей бежал под крылышко своих иностранных хозяев: вместе с главарем шайки турком Чаркас Саме он перешел границу и очутился в Афганистане.

В Ханабаде их встретил караван оружия.

— Не все потеряно! — злобно твердил Садретдинхан. — Мы еще поборемся...

Он рассчитывал вооружить новые шайки на территории Афганистана и двинуться с ними через границу.

Однако хозяева дали ему другое поручение.

Так Садретдинхан очутился в Иране, где через десять лет его кривые пути скрестятся с дорогой Мирзы Садыкова.

Переехав через Мазар-и-Шериф и Герат, муфтий прочно обосновался в Мешхеде, где развернул свою тайную деятельность по организации заговоров и провокаций против Советской власти. Это было начало 1923 года. В Мешхед стекались все новые беженцы из Средней Азии и Закавказья, спасавшие свою жизнь и богатство: баи,

---

¹² Нас — жевательный табак.

чиновники, реакционное духовенство, русские белогвардейцы, главари басмачества, буржуазные националисты, мусаватисты. Были здесь и обманутые ими люди — бедные эмигранты.

Разведки нескольких капиталистических держав, расширяя диверсионную деятельность против Советского Союза, из тактических соображений перевели свои центры в сопредельные «нейтральные» государства, широко опираясь на таких прожженных преступников, как Садретдинхан.

Иранская газета «Ситаран Техрон» в номере от 6 марта 1923 года писала, что в Мешхед «прибыли видные представители Туркестана».

Действительно, муфтия встретили с распростертыми объятиями старые друзья: бывший военный министр Бухарской народной республики Абдул Хамид Арипов, заминский курбаши Тураббек, джизакский мингбаши Абдул Каримбек, туркменский националист Кули Мухаммадиев, злобная дворняга «белого царя», знакомый уже нам Хайдар Хаджа...

Муфтий Садретдинхан не отдыхал ни одного дня. Он развернул антисоветскую деятельность немедленно: его обуревали прежние страсти...

Для безопасности нашего государства необходимо было непрестанно следить за происками опасного врага, знать о его планах.

Это важное, ответственное задание Родина и партия поручили молодому коммунисту Мирзе Садыкову.

О сроках выполнения разговора не было. Да Мирза о них и не думал. Другие мысли не давали покоя послушному служителю Али Акбара: как войти в доверие к муфтию Садретдинхану? Где и когда сойдутся их дороги?

Нет, ни в коем случае нельзя было появляться первым под голубым куполом мечети, где хозяйничал Садретдинхан, И в то же время необходимо было незаметно и осторожно обратить на себя внимание — так, чтобы муфтий сам захотел увидеться с ним...

Задача не из легких...

ЧАЙХАНА

Я чужой. Я брожу и мечтаю о родине милой...
О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина!
Камоль Худжанди

Процветает Али Акбар... В его чайхане всегда шумно. Разные люди приходят сюда. Кто просто пообедать или посидеть с приятелями за пиалой чая. Кто провести время в тайном увеселительном заведении...

Разные люди... И всем нужно угодить. Едва Мирза отнесет поднос в один конец чайханы, как его зовут в другой.

Но проворный слуга успевает выполнить все просьбы да еще заодно незаметно рассмотреть посетителей.

Однажды в чайхану Али Акбара вошел огромный человек. На такого невольно посмотришь! В богатой туркменской одежде — не иначе, какой-нибудь бай. Крупные, бычьи глаза горели, налившись кровью, лицо пылало, словно каленая медь. Борода сбрита, лишь черные усы нависали над губами. Пока он пересекал чайхану, посетители с почтением приветствовали верзилу, называя его Хан Казы-ага. Странно, что к существу, напоминающему кровожадного убийцу, с таким уважением относятся завсегдатаи чайханы.

Хан Казы подозвал Мирзу и громким, нарочито надменным голосом спросил:

— Где твой хозяин? Мне нужно... — и он сделал рукой жест, означающий, что пришел за «усладой сердца».

Мирза поклонился:

— Али-ага здесь, — он указал на заднюю дверь.

Али Акбар был там, за чайханой, где рядом с кухней располагалось его третье «учреждение»: он собирал выручку с посетителей.

Хан Казы не сразу прошел за чайхану. Он внимательно осмотрел Мирзу и спросил с подозрением:

— Ты не иранец. Похоже, ты новичок. Из каких краев прибыл?

— Я самаркандец... — ответил Мирза.

Они обменялись традиционными вопросами. По всему было видно, что новый работник Али Акбара образован и неглуп.

Хан Казы представился торговцем. Как впоследствии Мирза узнал от Али Акбара, это был туркменский курбаши, бежавший в Иран с награбленным богатством. У него было восемь жен, похищенных им во время разбойничьих набегов, но он находил время и для заведений, подобных «лавке» Али Акбара.

В следующий свой приход он уже был благосклоннее к Мирзе, даже подмигнул ему в разговоре о «лавочке» за кухней.

Однажды Хан Казы снизошел до расспросов молодого слуги. Слушал, сочувственно кивал, а потом, потрепав Мирзу по плечу, вздохнул:

— На чужбине мусульмане должны быть особенно чутки друг к другу. Может быть, я смогу помочь тебе. — Мирза почтительно согнулся в благодарном поклоне.

Хан Казы, приверженец муфтия Садретдинхана, не замедлил обстоятельно рассказать своему шефу о чужестранце.

— И этот молодой, скромный, ученый юноша, как видно по всему, защитник веры, наш земляк пребывает в таком месте...

Хан Казы действительно был удивлен тем, что Мирза выполняет черную работу.

— Мы подумаем об этом, — важно проговорил шеф.

Через некоторое время какие-то люди, бесцеремонно и цепко ощупывая взглядами Мирзу, стали заговаривать с ним, расспрашивать о прошлом. Мирза рассказывал. «Послы» муфтия цокали языками. Затем они расхваливали своего хозяина Садретдинхана и советовали перейти к нему, дабы Мирза мог применить свои познания на пользу аллаху и самому себе. Предлагали составить протекцию. Слуга пожал плечами.

— Я не знаю муфтия, мне неудобно идти к незнакомому человеку.

Его вежливая скромность и бескорыстие понравились муфтию, и он занялся «делом» упрямого чужестранца с той же старательностью, с какой совершал пятикратный намаз.

В один из дней с Мирзой заговорил бывший пскентский казий Пулат Хан:

— Зря вы не хотите посетить уважаемого человека...

Мирза остановился на миг: кто-то, недовольный, что приходится

повторять, громко просил чаю. Он отнес чайник и вернулся, обдумав ответ. Торопиться нельзя было.

— Я понимаю, муфтий уважаемый человек... Конечно, нужно его посетить...

— Все мы мусульмане... — бормотал Пулат Хан.

— Видите, как я занят, — уклончиво, но вежливо улыбнулся Мирза. — У меня нет свободной минуты...

— Мусульманин должен помнить о своем долге... — твердил казий. Голос его тонул в шуме чайханы.

— Я постараюсь, — бросил на ходу Мирза.

Ему нужно было работать.

Спустя два-три дня Мирзу навестил еще один из пскентских казиев — Бахретдин Тура.

Эти бывшие казии сейчас на побегушках у муфтия. Раньше они не переступали порога чайханы Али, а теперь крутились вокруг Мирзы, болтая о священных чувствах мусульманина, превознося «самого уважаемого человека» и намекая на его благосклонность.

Садретдинхан, осторожная лиса, завязывал знакомство не сразу и далеко не с каждым эмигрантом.

Преклонные годы, сложная обстановка; большая переписка — все это ложилось нелегким грузом на согбенные плечи муфтия. Образованного, энергичного и, конечно, надежного помощника явно недоставало, а вокруг положиться было не на кого.

Неисповедимы пути случайности, но и случайность подчиняется логике обстоятельств, а ее можно предусмотреть.

Случайно ли Садретдинхан обратил свой взор на Мирзу?

Мог ли Мирза предвидеть это?

Конечно, он рисковал остаться незамеченным, но все же оказался прав, когда рассудил, что среди соотечественников, окружавших муфтия в Мешхеде, Садретдинхан вряд ли сможет найти человека, который сочетал бы в себе подлинную ученость с почтительной скромностью и юной убежденностью в незыблемости основ веры. А ведь именно об этих качествах нового служителя почтенного Али Акбара, столь редких среди эмигрантов, доносили муфтию его многочисленные шпионы!

Садретдинхан продолжал собирать сведения о жизни Мирзы Садыкова. А чем больше было сведений, тем чаще появлялись в чайхане пскентские казии.

Мирза почувствовал: время встречи настало.

Но ночам он мало спал. Нужно вживаться в образ, плохое исполнение трудной роли может в конечном счете стоить жизни. А ведь она только начинается... Сын пастуха, воспитанник детского дома, комсомолец двадцатых годов, студент... А потом?

Вот она когда начиналась, большая жизнь. Мирза выступает в печати. Его стихи радуют и друзей, и незнакомых ему читателей. Он поднимается на кафедру института... Десятки студентов слушают его лекции...

Были планы, были мечты...

Сейчас, готовясь к встрече с муфтием Садретдином, он записывает по памяти состряпанные ранее стихи — напыщенный националистический бред. Ставит под ними псевдоним «Юлчи» — «Путник». Нужно при первом же удобном случае осторожно познакомиться с этим муфтия.

Стихи должны понравиться! — ...Он вспомнил летучку в редакции журнала «Учкун», где был ответственным секретарем, живое и дружеское обсуждение его настоящих стихов, напечатанных в одном из номеров. В ушах снова прозвучали слова редактора Курбана Бердыева:

— Из вас выйдет большой поэт!

Мирза недовольно покачал головой: опять он окунулся в прошлое... Этого нельзя делать. Теперь у него другая, совсем другая жизнь.

Ведь все может случиться. Задумаешься, начнешь вспоминать — и вдруг невольно произнесешь одну-две строки вслух. А здесь — он усмехнулся — здесь не редакция журнала и не кафедра института...

Мирза свернул стихи трубочкой.

Сегодня четверг.

Завтра он пойдет в мечеть. Пора.

МЕЧЕТЬ

Ты можешь сотни лет о жемчуге твердить,
Но если не нырнешь — он твой лишь в сновиденье.
Носир Хисроу

Муфтий Садретдинхан был имамом в единственной мечети для эмигрантов-суннитов. Она была построена шейхом Файз Мухаммедханом — афганцем из Индии.

В эту мечеть на улице Арк приходили молиться также служащие-мусульмане из английского консульства и приезжие купцы.

Сам муфтий жил в одной из худжр¹³.

Служение аллаху было для муфтия великолепной ширмой: мечеть, это «благословенное» место, он превратил в одну из резиденций иностранных разведок. Правоверные сунниты и не подозревали, что шайтан давно овладел муфтием. Сан имама был надежным щитом и сам по себе внушал уважение.

Мирза был готов к встрече с главарем шпионов. В чайхане из подслушанных разговоров и бесед он за последнее время немало узнал о муфтии и его приближенных.

В пятницу мечеть суннитов особенно многолюдна. Как бы далеко ни жили мусульмане, они в этот день обязательно приезжают на молитву.

Солнце клонилось к закату, когда Мирза направился на улицу Арк.

С видом почтительной робости вошел он в мечеть.

Верующие уже разошлись, а имама не видно было. В большом дворе жилой части мечети Мирза осмотрелся. В правой стороне двора — ханака для молитв, налево — двухэтажное здание с хозяйственными помещениями внизу. На втором этаже — ряды худжр.

Мирза осторожно вошел в одно из помещений, напоминавшее террасу, с открытыми настежь дверями. Прижав руки к груди, он

---

¹³ Худжра — келья.

поздоровался и представился.

Пятеро незнакомых людей молча разглядывали гостя.

На самом почетном месте сидел худощавый старик с острыми, как у рыси, глазами и редкой козлиной бородкой. Во рту у него была сигара. Перед ним на низком столике поблескивал самовар. Дым сигары, смешиваясь с паром, уносился, подхваченный сквозняком.

Старик казался озабоченным.

«Вот он... Муфтий Садретдинхан. Имам для верующих. Резидент иностранных разведок. Вот он перед тобой!» Мирза не рассматривал старика. Это было бы неприлично. Он только скользнул взглядом по лицам а продолжал стоять, сложив руки на груди.

Муфтий раздраженно поднял голову и, увидев незнакомого гостя, смиренно ожидавшего ответа на приветствие, неожиданно закричал:

— Будь прокляты ваши отцы, продавшие русским свою нацию! Для чего ты явился? Вершить преступные дела? Или хочешь накликать беду, словно сова?

Любой встречи ожидал Мирза Садыков, только не такой...

Сколько раз его уговаривали, приглашали в мечеть! Что ж, пусть себе кричит, брызгаясь слюной, этот старик. Нужно хранить спокойствие.

Он удивленно поднял брови, опустил руки.

Пусть кричит... Очевидно, это что-то вроде экзамена...

А теперь... Мирза резко повернулся и вышел, не произнеся ни слова.

Он казался спокойным, хотя сердце его колотилось. Мирза знал, что немало эмигрантов, бежавших «оттуда», обвинялись здесь в шпионаже в пользу русских, Хан Казы и другие профессиональные убийцы уводили ни в чем неповинных людей в пустыню. Там, недалеко от советской границы, их живьем, со связанными руками и ногами зарывали в песок.

Но его, кажется, трудно в чем-либо обвинить. Он был осторожен. Похоже, что его просто брали на испуг — не дрогнет ли?

Мирза понимал, что его не оставят в покое. Шпионы муфтия будут следить за каждый шагом, наводить справки.

Наконец муфтий придет к заключению, что Мирза «преданный

националист». Окончательно утвердиться в этой мысли имама заставит голубой конверт из Парижа, от Мустафы Чокаева.

...В чайхане Али Акбара снова стали появляться приближенные имама, уговаривая Мирзу посетить уважаемого муфтия.

— Это была вспышка гнева, — объяснял Хан Казы.

Мирза обиженно отворачивался:

— Такой встречи от вашего муфтия я не ожидал. В чем я виноват?

— Правильно, правильно! — соглашался Хан Казы. — Но поймите имама... Ему приходилось разочаровываться в людях. Многие предавали нацию...

— Я подумаю... — уже спокойнее отвечал Мирза.

Но не торопился.

Вскоре порог чайханы переступил самый дорогой и уважаемый Али Акбаром человек, видный мусаватист, наиболее влиятельный из эмигрантов азербайджанцев в Мешхеде — Маджид Бек эффенди. До этого дня он никогда не посещал подобных мест, но Мирза слышал о нем: его часто вспоминали в чайхане, называя защитником и покровителем, считая великой честью встретиться и побеседовать с ним.

Когда Маджид Бек вошел в чайхану, Али Акбар бестолково засуетился вокруг дорогого гостя, не зная, куда деться.

— Проходите, уважаемый господин. Прошу вас.

Он низко кланялся — куда только девались его гордость и хозяйская спесь!

Усадив гостя на самое почетное место и приложив руки к груди, Али Акбар заискивающе смотрел на эффенди, готовый предупредить каждое его желание. Перед гостем появились сладости, а чай заварили в красивых, дорогих чайниках, которые подавались в особенно торжественных случаях.

Заметив Мирзу, хозяин приказал:

— Принеси халвы... Быстрее!

Мирза впервые видел хозяина таким возбужденным, суетливым. Он стремглав бросился выполнять поручение.

— Подождите!

Маджид Бек поднял руку и остановил молодого работника.

Потом, повернувшись к Али Акбару, зло бросил:

— Принеси сам! Не заставляй юношу делать такую работу! Он достоин нашего уважения. Я пришел, чтобы просить его пойти со мной.

Озадаченный и ничего не понимающий Али замер.

— Ну... — повторил гость.

Наконец Али промолвил:

— Мой господин, если Мирза нужен вам, пожалуйста... Я буду весьма польщен.

Он попятился на кухню. А Маджид Бек позвал и усадил слугу рядом с собой.

Благообразный, хорошо одетый и причесанный, с изысканными манерами, Маджид Бек оставлял впечатление интеллигентного человека. Расспросив Мирзу о делах, сделал вид, что он приятно удивлен, когда услышал о его учении в Гандже, в Баку, о знакомстве с видными мусаватистами.

— Вам нечего делать здесь, — по-турецки сказал гость. Он говорил уверенно и повелительно. — Вы поедете со мной.

— Хорошо, господин... — послушно согласился Мирза.

Они вышли из чайханы. Маджид Бек вел Мирзу прямо в махаллю Арк, где располагалась мечеть суннитов.

«Видимо, меня ждет вторая встреча... — думал Мирза. — На этот раз имам, кажется, не должен беситься».

Они молча прошли под своды мечети и направились к худжре Садретдинхана. Приветствуя гостя, муфтий встал и, шагнув навстречу, неожиданно заключил его в объятия.

— Прости, родной! В прошлый раз я обидел тебя. Принял за шпиона, подосланного русскими. Но пойми, такая осторожность нужна!

Он улыбался, был вежлив и добр. С достоинством поздоровавшись с Маджид Бекон, усадил гостей.

Мирза пробормотал слова почтения и благодарности.

В этой худжре даже Маджид Бек каждым словом и жестом стремился выразить свое уважение к имаму как к святому человеку.

После вежливых вопросов о здоровье, о жизни муфтий поднял

край красного исфаганского ковра, на котором он сидел, и достал листок бумаги. Многозначительно улыбаясь, двумя руками протянул его Мирзе, подчеркивая этим значимость письма в голубом конверте с парижским штампом.

Прочитав письмо, Мирза легкой улыбкой попытался скрыть свое волнение. Улыбку можно было истолковать примерно так: разве я нуждаюсь в такого рода протекциях!

Конечно, советская разведка сумела «довести» до Мустафы Чокаева сведения о жизни и делах «молодого националиста» Мирзы Садыкова.

В письме подчеркивалось, что Мирза является одним из верных защитников нации, способным интеллигентом, человеком с большим будущим и поэтому достоин должного уважения и доверия. В конце письма говорилось о необходимости привлечения его к работе в организации «Милли Истиклал».

Услышав о Мирзе, муфтий, конечно, сразу же послал в свой центр запрос: он был слишком осторожен, чтобы доверять сведениям, полученным его шпионами у самого Мирзы. Получив аттестацию за подписью Чокаева, он уже ни в чем не сомневался.

Ведь Мустафа был председателем общества «Туркестан милли истиклал джамияти», главным редактором антисоветского журнала «Ёш Туркестан». Координируя действия своих отделений, размещенных в ряде восточных государств, именно Чокаев объединял эмигрировавших националистов.

Письмо столь высокого лица привело муфтия в доброе расположение духа. Радовало его и посещение влиятельного единомышленника Маджида Бека, подарки, принесенные Али Акбаром, и, конечно, возможность получить образованного, преданного помощника.

— Сегодня у нас праздник, — заявил муфтий. — Давайте-ка я вам приготовлю плов по-ташкентски. Говорят, это у меня получается неплохо!

И он засучил рукава.

За пловом муфтий, адресуя упрек скорее Али Акбару, обратился к Мирзе:

— Служба в чайхане унизительна для вас, это место не достойно столь умного и ученого человека... — Он показал на соседнюю худжру: — Я специально приготовил ее для вас. Вы сможете жить здесь, рядом со мной.

Мирза благодарно склонил голову, а Маджид Бек и Али Акбар поняли это как намек и начали прощаться.

Осторожный Садретдинхан неспроста поселил Мирзу рядом с собой. Не мешает для начала постоянно держать его под наблюдением.

Начался новый период в жизни Мирзы. Он стал секретарем, помощником, правой рукой муфтия Садретдинхана. Первый этап его борьбы завершился успехом. Но главное было впереди.

Мирзе теперь часто приходилось бывать в худжре муфтия. Жилище Садретдинхана напоминало пристанище аскета. Два небольших красных иранских коврика, узкая лежанка, низкий столик, расшатанный письменный стол. Стопки книг, журналов, газет занимали весь подоконник. Ничего лишнего. Единственное, что несколько нарушало строгий и мрачный аскетизм худжры, это зеленый флажок, укрепленный на западной стене. На флажке были вышиты золотыми нитями полумесяц и многоконечная звезда.

Каждое утро, направляясь на молитву, муфтий прежде всего кланялся в сторону западной стены, и трудно было понять, чему он больше поклоняется — флажку или всевышнему. Любуясь золотым шитьем на зеленом поле, муфтий с надеждой в голосе говорил своим сообщникам:

— Когда мы создадим свое государство, такое знамя будет красоваться повсюду в Узбекистане!

Религиозным трактатам Садретдинхан предпочитал «современную литературу». Среди его любимых книг были и полученные из Стамбула писания Троцкого, переведенные с немецкого на турецкий язык бывшим лидером мусаватистского правительства Мухаммедом Амин Расулзаде. В числе журналов на подоконнике красовался мусаватистский ежемесячник «Оташли уй», редактируемый в Стамбуле тем же Расулзаде. Все это служило источником «обогащения духовного мира» муфтия и хранилось так

же бережно, как коран.

Когда Мирза ближе познакомился с делами муфтия, Садретдинхану все чаще нравилось приглашать молодого секретаря в свою худжру и проводить вечера в откровенных беседах с ним.

Имам рассказывал о себе, о своих приключениях. В свою очередь он расспрашивал Мирзу о событиях, которые происходили в Туркестане в последние годы.

Его интересовало, как настроены простые люди, как они живут, как относятся к «Милли истиклал». Однажды Мирза с деланной робостью познакомил муфтия с несколькими рассказами и стихотворениями.

Разумеется, муфтий не предполагал, что эти «творения» создавались специально для него.

Уважение Садретдинхана к молодому помощнику росло. Вместе с уважением росло доверие.

Вначале Мирза очень много времени проводил в худжре муфтия. Но однажды ему понадобилось побывать в городе. А потом, под предлогом хозяйственных дел, он начал почти ежедневно ходить на базар.

ХАЛВА

Если ты устал, знай, что друг твой устал вдвойне.
Азербайджанская поговорка

На улице Шах-н-Ризо, среди прижавшихся друг к другу всевозможных магазинов, затерялась маленькая лавчонка. Позади, во флигеле, стояли ряды медных и чугунных котлов, в которых готовились кондитерские изделия. Хозяин лавки и мастерской Джафар Карбалаи, человек недоверчивый и скупой, ходил в рваной лоснящейся одежде, перепачканной жиром и патокой. Нанятые почти за бесценок, у котлов трудились два работника. Они варили халву и другие сладости, а сам хозяин стоял за прилавком.

Особенно бойкая торговля у Карбалаи шла в дни празднеств

Навруз хайит¹⁴ и в месяц рамазан¹⁵. В эти дни его слуги не отходили от котлов, едва поспевая готовить очередную партию халвы. Один из них — Джабраил Аскар за работой часто вспоминал о своей молодости. Он подробно рассказывал всем, кого привлекал аромат свежей халвы, как у себя на родине, в Азербайджане, вместе с парнями затевал драки, а потом, не разобравшись как следует ни в чем, из любопытства примкнул к движению мусаватистов.

Никакой пользы из этого он не извлек, но когда их разгромили, натерпелся всякого. Руководители разбежались, призывая простодушных сторонников следовать за ними, пугая в противном случае верной смертью. Джабраил Аскар, как многие, поверил и сбежал — вначале в Тавриз, а затем сюда, в Мешхед. После долгих скитаний он, наконец, нашел работу у Карбалаи.

Лет сорока, полный силы и энергии, Джабраил был веселым собеседником, любил шутки, мастерски рассказывал анекдоты, заставляя слушателей хохотать до упаду.

Он умел заговаривать с любым незнакомым человеком, неплохо знал турецкий, фарси, помнил множество легенд, сказок и рубаи. За то, что он всегда был осведомлен, казалось, обо всем на свете, его, наверное, не зря называли Джабраилом¹⁶. Хозяин также симпатизировал неутомимому работнику, тем более, что Джабраил Аскар по сути уже давно был его помощником и постепенно многие дела предприятия легли на его плечи.

Недавно появилась новая забота: хотя халва и славилась во всем Мешхеде, ее почему-то начали покупать меньше.

Джафар, сидящий за прилавком, отгонял от сладкого товара стаи мух и переживал вслух, бормоча:

— Товар залеживается... Значит, скоро конец... Вот беда-то какая!

Часть засохшей халвы вновь перерабатывалась... Но разве это спасет положение?

---

¹⁴ Навруз хайит — Новый год.

¹⁵ Рамазан — мусульманский праздник, месячный пост.

¹⁶ Джабраил — имя ангела, являющегося согласно религиозной мифологии связным между богом и пророком.

В такой трудный момент Джабраил Аскар, как это уже не раз бывало, явился для хозяина спасителем.

— Уважаемый Джафар-ага, не нужно падать духом! Давайте-ка большой медный поднос, на нем красиво разложим халву, а я пойду по улицам и буду кричать: «Кончается халва!» Сами увидите: поднос халвы обернется подносом звонкой монеты... Что скажете на это?

Джафар усмехнулся, обдумывая предложение.

— Золотая голова у тебя, Джабраил. Всегда что-нибудь придумаешь. Хотя эта мысль сама по себе не новая, но мне в голову она не пришла. Что ж, попробуем...

— Не беспокойтесь, хозяин, — весело перебил его Джабраил. — Я быстро заполню прореху, которая образовалась в ваших делах!

Джафар невольно улыбнулся. Может быть, этот весельчак, застрявший у него на полдороге между аллахом и пророком, действительно поправит его дела!

На другой день Джабраил Аскар поставил большой медный поднос перед хозяином.

— Ну-ка, ага, разложите сами все, что хотите! Давайте побольше зульбие, занжибил, кунжутного и парворды.

Лучшие, знаменитые сорта халвы... На любой вкус!

Зульбие, например, готовится из тягучей патоки... Кроме патоки необходим тонкий слой теста, обязательно на топленом масле. Тесто обернет патоку трубочкой. А на трубочку, для красоты, нанесут узор.

Многим нравится халва занжибил. Ее варят, примешивая кофе или какао.

Но если вы и ваши друзья угощались фруктами, подайте на стол халву парворды... Кроме сахара и теста, в ней есть немного перца...

Выбирайте на любой вкус!

Джабраил сложил халву пирамидками и, легко подняв большой поднос, водрузил его на голову. В одну руку он взял маленькие весы, гири, в другую — небольшой стульчик и вышел на улицу.

— Халва кончается! Халва кончается! — зазвенел его голос.

Целый день, не зная усталости, ходил по площадям и улицам, переулкам и тесным тупичкам, по базарам и торговым рядам, чайханам и харчевням веселый человек. Он сыпал шутками. Громко

декламировал незатейливые стихи:

- Кто съел халву занжибил,
Тот сладость жизни вкусил!
И тут же обязательно предупреждал:
— Халва кончается?

Новую работу Джабраил выполнял с большим рвением. В первые дни продавал по одному подносу, а потом стал являться в лавку за товаром по два, а то и по три раза. Конечно, это пришлось по душе Джафару!

Хозяин жадно пересчитывал монеты, не скрывая восхищения таким работником. А Джабраил, скромно выслушав похвалы, снова уходил, подмигивая самому себе и стараясь перекрыть городской шум своим неожиданным сообщением:

- Халва кончается! Спешите...

Люди тянулись к веселому продавцу.

Он снимал с головы поднос, ставил на стульчик, брал весы...

- Ну, подходите... Быстрее, быстрее.

Когда Мирза Садыков начал работать в чайхане, он несколько раз видел Джабраила, проносившего свой товар. И Джабраил, хотя он не был знаком ни с Али, ни с его работником, заметил, что в Мешхеде появился новый человек.

По фотографии, показанной ему в Ташкенте, Мирза узнал этого низкого, полного, с горящими глазами веселого азербайджанца и издали внимательно присматривался к нему. Этот веселый продавец халвы был очень нужным для Мирзы человеком...

Однако тогда еще не настало время встречи с бакинским коммунистом Хусейном Мамедовым, которого здесь звали Джабраилом.

Но теперь, когда Мирза прочно обосновался у муфтия, свидание с разносчиком халвы стало необходимым. Джабраил, словно ощутив это, не заставил себя ждать. Он каждый день приходил на улицу Арк. Под гулками сводами суннитской мечети высоко звенел его голос.

Вот и сегодня, в самый полдень, когда на раскаленных улицах почти пусто, упрямый и веселый продавец появился опять.

Все живое — даже бездомные собаки, высунувшие языки, птицы

с открытыми клювами — устроились на островках тени под заборами и в подворотнях. А продавец как ни в чем не бывало шел по самой середине улицы Арк, распевая:

Кто съел халву занжибил,
Тот сладость жизни вкусил!

Муфтий и Мирза пили чай за низким столиком, раскрыв настежь двери худжры.

Муфтий взглянул на Мирзу:

— Что-то уж очень расхваливает свою халву этот весельчак. Может быть, купите немного зульбие и занжибила... К чаю они кстати.

Набросив на плечи тонкий яктак¹⁷, Мирза вышел на улицу. В руках у него была фарфоровая чашка, и, стоя в тени ограды, он с нетерпением ожидал торговца.

— Эй, халвафуруш¹⁸, — окликнул он негромко.

Продавец обернулся. Мирза приблизился к нему. Они остановились в десяти-пятнадцати шагах от ворот мечети под тенью дувала. Джабраил быстро поставил поднос на стульчик и заговорил:

— Приказывайте, господин, сколько и какой халвы вам угодно? Один сорт вкуснее другого! Во рту тает!

Говорил Джабраил весело, торопливо, но в то же время внимательно осматривая нового покупателя. Вокруг ни живой души.

— Вы из Бухары? — спросил Мирза, понизив голос.

— Нет, из Балха.

Эти, казалось, ничего не значащие фразы мгновенно сблизили двух людей, встретившихся впервые. Продавец смотрел на своего покупателя с открытой и доброй улыбкой. Руки его делали свое дело: отрезали, взвешивали, заворачивали халву. И словно расхваливая товар, он бормотал:

— Завтра понедельник. В три часа дня буду ждать в конце улицы Поян-хиабан.

Взяв зульбие, занжибил и расплачиваясь, Мирза предупредил:

— Дорогой Мамедов, теперь вы должны как можно реже бывать

---

¹⁷ Яктак — легкий летний халат.

¹⁸ Халвафуруш — продавец халвы.

на этой улице.

— Меня здесь зовут Джабраил Аскар.

И они, улыбнувшись друг другу, распрощались.

Продавец халвы опять водрузил на голову свой товар, запел обычную песню и пошел дальше в поисках покупателей.

— Вот негодник... — восхитился муфтий. — В такую жару!

— Видно, у его хозяина дела идут плохо.

— Возможно... — согласился муфтий. — Сейчас людям не до халвы... Беспокойное время.

Мирза сочувственно вздохнул.

— Та-а-к... — муфтий протянул руку к чашке... — Попробуем халву... А неплохо... Вкусно, вкусно...

В понедельник к трем часам Мирза явился на улицу Поян-хиабан, чтобы купить халвы, которая так понравилась муфтию. Джабраил Аскар стоял на условленном месте, расхваливая свой товар, хотя покупателей не видно было.

Едва поздоровавшись с Мирзой, он скороговоркой сообщил:

— Сейчас должен подойти один человек. С виду интеллигент. На мизинце у него серебряный перстень. Я вам двоим взвешу по двести граммов халвы зульбие и заверну в одинаковую синюю бумагу. Следите за ним. В какой бы двор он ни вошел — идите тоже... Если на улице никого не будет... А вот и он, смотрите!

Не успел он взвесить и завернуть Мирзе халву, как подошел человек в тонком светлом костюме и попросил двести граммов зульбие.

Протянув правую руку с серебряным перстнем на мизинце, он взял сверток и молча удалился.

Мирза двинулся в ту же сторону, рассматривая витрины и не упуская из виду человека с перстнем. Пройдя несколько улиц, они один за другим свернули в узенький переулок и почти одновременно вошли в какие-то ворота.

В невзрачном дворе было несколько квартир, соединенных между собой узкой балаханой. На двери, к которой подошел человек с перстнем, белела табличка с надписью: «Доктор Захид Хамадани».

Доктор открыл дверь.

— Милости прошу... — пригласил он.

Мирза поблагодарил и первым вошел в комнату. Здесь было все, что необходимо зубному врачу: на белом столике блестели аккуратно сложенные инструменты, возле настенного зеркала стояло специальное кресло.

— Ну, здравствуйте... — наконец сказал доктор. Глаза его потеплели.

— Здравствуйте! — улыбнулся Мирза.

— Вам привет из Москвы, от Петра Ивановича. Беспокоился, запрашивал. Мы знали о вашем прибытии и устройстве на работу. Обо всем сообщили.

— Спасибо... — поблагодарил Мирза.

— Как обстоят у вас дела сейчас? — Доктор усадил Мирзу в кресло.

«Пациент» коротко рассказал о последних событиях, затем передал конверт.

— Это для Москвы...

— Хорошо... Отправим...

Спокойное лицо... Спокойный голос... Тихий кабинет... Все было каким-то необычным после напряжения последних недель.

Мирза Садыков впервые за много дней на чужбине почувствовал себя легко. Но дела ждали его.

— Как я увижу вас в случае необходимости? — спросил он.

— Сегодня мы не можем долго беседовать. На этот раз я хотел лишь ознакомиться с вашими зубами... — без улыбки сказал Хамадани. — Будете приходить лечить их. Ну-ка...

Мирза невольно охнул.

— Больно? — спросил врач. — Жаль... Хороший зуб... Крепкий был зуб... Теперь будем лечить...

В назначенное время Мирза, приложив руку к щеке, уходил к врачу.

Так он держал связь с Москвой, с Центром советской разведки, получал оттуда указания, отсылал свои донесения.

Сейчас мы перелистываем пожелтевшие листки, которые доставлялись в Москву необычной почтой. Они и повествуют о

прошлых днях.

Прочтем остальные.

ПОЕЗДКА

Гляди, вращается небесная твердь,
Глокает царство и людей водоверть.
Родной земли не покидай. Лучше — смерть!
В скитанье дальнем каждая верста — враг.
Махтум-Кули

Мирза попросил муфтия похлопотать об иранском паспорте — тазкире. Муфтий согласился, что документ необходим.

— Однако, — сказал он, — для этого нужно поехать... Возможно, мои друзья в северных провинциях смогут добыть тазкиру. В Мешхеде это намного сложнее.

Предложение устраивало Мирзу.

Он понимал, что, отправляя его в поездку, муфтий получает возможность лишний раз проверить его в новых обстоятельствах, а также познакомить с людьми на местах. В свою очередь Мирзе нужно было взглянуть своими глазами, как поставлено дело у муфтия, узнать о его тайных связях, о размахе деятельности и опорных пунктах. Он начал готовиться к поездке в пограничные иранские селения, где, по словам Садретдинхана, должен был найти его преданных друзей.

— Но ехать без документов, вероятно, тоже опасно? — предусмотрительно спросил Мирза.

— Вы правы... — согласился муфтий.

— В любую минуту... — стал объяснять свою мысль секретарь, но муфтий, скользнув взглядом по его озабоченному лицу, перебил:

— Мы полагаем, для такого путешествия в тазкире нет необходимости. Во-первых, вас будет сопровождать верный человек, во-вторых, вы на всякий случай смените имя и фамилию. Ведь кроме нескольких близких мне людей, вас никто не знает. А о новом имени мы уже позаботились.

Мирза вопросительно взглянул на муфтия, и Садретдинхан

торжественно, медленно произнес:

— Фархад Али Заде! Распространенное в Иране имя. Вас, без сомнения, примут за иранского шиита. А если возникнут затруднения, говорите: «Я ученик такого-то муфтия!» Этого достаточно...

Последние слова были произнесены не без гордости.

Потом имам отечески добавил:

— Конечно, нужно быть осторожным.

— Но ведь я еду к вашим мюридам.

— Мои мюриды живут у самой советской границы. Вы как раз туда и едете. Не думайте, что там нет русских агентов, наших врагов.

— Понятно, господин...

Началось первое путешествие новоиспеченного Фархада Али Заде по маршруту, составленному муфтием. Сопровождающий Мирзу эмигрант азербайджанец, отчаянный юноша со сверкающими глазами, умело вел наемную машину.

Они мчались в Буджнурдский вилайет, нигде не останавливаясь, и поздно вечером, преодолев разбитые дороги, влетели в какое-то селение.

Миновав несколько зданий, машина остановилась на узкой, пыльной улочке, где по договоренности Мирзу должен был встретить туркмен Мулла Мухаммед.

На условленном месте их ожидал его слуга, державший под уздцы коня для гостя.

Азербайджанец весело распрощался с секретарем муфтия:

— Вы теперь у хороших людей. Желаю вам доброго пути...

Круто развернув машину, он двинулся в обратный путь. А Мирза, сопровождаемый слугой, поехал к Мулле Мухаммеду в Джаргелан, расположенный вблизи советской границы.

Его встретили приветливо. Умывшись, он передал привет от муфтия, и после короткой беседы спросил туркмена о тазкире.

Мухаммед задумался.

— Здесь вы не сможете получить тазкиру... — наконец сказал он. — Я думаю, господин, что нам поможет имам Нафас Ахун.

— Когда я смогу его увидеть?

— В любое время, когда пожелаете. Хоть сейчас.

Мирза взглянул на окна: было уже темно. Заметив, что это беспокоит гостя, туркмен предупредительно сказал:

— Имам с большим удовольствием вас примет, господин.

Нафас Ахун, вероятно, ждал посланца муфтия. Он приготовил угощение, был внимателен, вежлив. Но когда речь зашла о тазкире, имам тоже задумался:

— Давайте поговорим об этом завтра. Я сам пойду с вами к Кульджану Ишану.

Круг знакомства явно расширялся. Имя Кульджана Ишана было хорошо известно Мирзе, да и всей Туркмении.

Кульджан, рыхлый толстяк, с лицом бандита, казавшийся старше своих тридцати семи лет, обрадовался приходу почетных гостей.

Приняв их в просторной мехманхане, хозяин затем повел имама и Мирзу в большую комнату, напоминавшую скорее арсенал: на стенах было развешено оружие различных образцов.

Вокруг дома, как заметил Мирза, все время маячили фигуры, также обвешанные кинжалами и винтовками. Это делало дом Кульджана Ишана похожим на штаб разбойников. Таких штабов в песках действительно существовало немало. Они были, как это выяснил впоследствии Мирза, постоянно связаны между собой.

Мулла Мухаммед и Кульджан Ишан стояли во главе вооруженных банд, организованных муфтием и совершавших террористические акты и диверсии на советской земле.

В становище у Кульджана Ишана Мирза стал свидетелем события, которое потрясло его. Оно было устроено как бы специально для показа новому человеку.

— Приведите! — коротко приказал главарь бандитов.

Вооруженный слуга моментально скрылся.

— Выйдемте, уважаемые, — меняя тон, пригласил Кульджан Ишан.

Они вышли во двор. Через несколько минут сюда ввели молодую туркменку.

— Ну как, Айнагуль, подумала? — усмехнулся Кульджан Ишан.

Недавно его шайка вторглась на территорию Советской Туркмении, опустошила аул и вместе с награбленным добром увезла

эту женщину.

Айнагуль держалась гордо и независимо.

Ее вывели на середину двора и стали допрашивать, сопровождая это толчками и издевательским гоготом.

— Неужели ты забыла всех? Кто у вас активист? Ну?..

Айнагуль молчала.

— В каком ауле остановились красноармейцы? Сколько их? Тоже не знаешь?

Женщина покачала головой.

— Не знаешь? — повторил Кульджан, — Хорошо, не надо... А о том, что мы просили тебя, подумала?

Они, оказывается, хотели, чтобы она согласилась по своей воле выйти за кого-нибудь из бандитов замуж и остаться здесь.

Сначала Айнагуль сдали местной полиции как «советского агента». В зиндане у нее отняли все украшения. Несмотря на перенесенные мучения, женщина не потеряла присутствия духа и твердо стояла на своем:

— Я простая крестьянка, мне ничего не надо, только хочу вернуться домой... Отпустите меня... Или убейте...

Теперь Кульджан по-своему попытался сломить ее упорство.

— Хорошо, согласись выйти здесь за кого-нибудь замуж, и мы отправим тебя домой. Мы устроим так, что ты сможешь постоянно навещать свой аул и родственников.

Но Айнагуль продолжала твердить:

— Отпустите: я хочу обратно, к своим! Мне ничего у вас не надо.

И снова повторяла:

— Отпустите меня или убейте...

Мирза, забывая, что он секретарь муфтия Фархад Али Заде, с трудом сдерживал себя: мысль о спасении несчастной женщины не давала ему покоя.

Когда Айнагуль увели, Кульджан снова пригласил гостей в дом.

Взяв себя в руки и с трудом обретая спокойствие, Мирза напомнил о цели своей поездки, подчеркнув, что это просьба самого муфтия.

— Можете ли вы помочь мне получить тажиру?

— Здесь всего лишь отдаленный кишлак, — ответил

Кульджан. — Я провожу вас в Гунбеде-Кабус и познакомлю с Мухаммед Ахуном. Он поможет.

Кульджан выделил Мирзе в провожатые своего человека. По пути, в селении Ак Узар, помощника муфтия познакомил с еще одним агентом муфтия — видным идеологическим диверсантом Лязги Ахундомуллой. Бежав из Дагестана, этот матерый националист открыл особую школу, где готовил кадры для «Милли истиклал» из числа эмигрантской молодежи. У него было около шестидесяти учеников-миридов. Беседуя с Мирзой по-турецки, Ахун справился о здоровье муфтия, расспросил о последнем номере журнала «Ёш Туркестан», осведомился: нет ли вестей или поручений от Мустафы Чокаева.

Ведя неторопливый, обстоятельный разговор, Мирза выяснил, что люди Лязги Ахуна выполняют различные задания «Милли истиклала»: распространяют кипы журналов «Ёш Туркестан» среди эмигрантов, помогают перевозить нелегальную литературу через советскую границу.

Невольно вспомнился Самарканд, библиотека, где занимались студенты. Случалось, что среди подшивок газет или в стопке журналов неожиданно попадался «оставленный» кем-то номер «Ёш Туркестан».

Студенты, недоумевая, сдавали журнал библиотекарям, те тоже в свою очередь удивлялись: как попала антисоветская стряпня в зал?

В ходе неторопливых бесед и, казалось, малозначащих разговоров Мирзе удалось незаметно установить почти все каналы, по которым «почта» переправлялась за границу. Постепенно он пришел к выводу, что как только эти сведения попадут в Москву, удастся нейтрализовать всю работу диверсантов Лязги Ахуна, и доступ «Ёш Туркестан» на территорию Советского Востока будет прекращен. Или же переправленные экземпляры журнала попадут в надежные руки.

Забегая вперед, скажем, что Мирзе Садыкову удалось выполнить свое решение. На этих участках границы не был перевезен ни один номер: «почта» попадала в руки чекистов.

Под предлогом получения тазкиры Мирза имел возможность ближе познакомиться со многими единомышленниками муфтия. Это

были обыкновенные шпионы и убийцы, скрывавшиеся под маской ишанов и мулл.

Нельзя сказать, чтобы разношерстная шайка жила дружно.

Лязги Ахун, узнав о том, что Мирза едет к Мухаммед Ахуну за тазкирой, прошептал:

— Этот болтун все равно ничем не сможет вам помочь. Вернетесь с пустыми руками.

Так оно и получилось.

Приближаясь к Буджнурду, Мирза, однако, столкнулся с неприятностью, гораздо большей, чем та, какую предсказал ему Лязги Ахун. На окраине селения их встретили полицейские и приказали следовать за собой. Как ни старался Мирза выглядеть спокойным, этот неожиданный поворот фортуны заставил его взволноваться.

Чего только он не передумал! Но ему казалось, что он ни разу ничем не выдал себя.

В участке сразу же начался допрос.

Офицер в довольно высоком чине, казалось, только и ждал, когда приведут задержанного.

— Имя?

— Фархад Али Заде.

— Откуда?

— Из Мешхеда.

— Профессия? Что делаешь в пограничной зоне?

— Я человек муфтия Садретдинхана, служу в мечети.

— Тазкира при себе?

— Сейчас нет, эффенди.

— Не называй меня эффенди, я сарханг¹⁹.

— Простите, господин.

Последовало еще несколько вопросов, и допрос был окончен. «Человека муфтия» — Фархада Али Заде препроводили в полицейскую тюрьму.

В одиночной камере каждый час казался ему месяцем, день — годом.

---

¹⁹ Сарханг — полковник.

«Неужели этот зиндан — конец моего пути? — невольно думал Мирза. — Что, если вот так неожиданно глупо провалится все дело? Нет, этого не может быть!»

Хорошо осведомленный о том, какие «знаки внимания» могут быть оказаны в этой стране попавшим в тюрьму, юноша не притрагивался к еде.

Он не чувствовал ни сырости, ни зловония зиндана. Обхватив руками колени и положив на них голову, Мирза долгие часы сидел, мысленно прослеживая дни, проведенные в поездке. Напряженно размышляя, он все больше убеждался, что не совершил ни единого промаха, который мог бы послужить причиной заключения. Это помогло ему сохранить твердость духа.

Вечером загремели замки. Со скрипом дверь открылась, и тюремщики втолкнули кого-то в камеру.

Хватаясь за стены, к свободному углу проковылял, стуча кандалами, высокий худой человек и бросился на пол. Лежал молча, лишь временами раздавались его стоны и хрип. Потом он смолк — как будто заснул. Постарался уснуть и Мирза.

Утром, когда сквозь маленькие отверстия под потолком начал пробиваться свет, Мирза увидел скорчившегося в углу мужчину лет пятидесяти, похожего на высохшую корягу. В предрассветном сумраке с трудом можно было различить длинную тыквоподобную голову и сверкающие глаза. Руки заключенного перебирали четки.

Через некоторое время он заговорил на фарси:

— Ты, парень, откуда? За что попал сюда?

Мирза с почтением поздоровался. Затем ответил:

— Я и сам не знаю, за что, ага.

— Ты откуда?

— Из священного Мешхеда.

— Что делаешь в этих краях?

— Навещал друзей веры. А в Буджнурд приехал к Мухаммед Ахуну.

— Я думал, ты из Советов.

— С какой стати?

— Да потому что здесь, вблизи границы, в зиндане обычно

держат перебежчиков.

— А вы по какой причине здесь?

— Меня зовут Нажаф Тарьяки. Всю жизнь занимаюсь торговлей тарьяком²⁰. Раньше удавалось добираться до Ашхабада, до Мерва и там продавать товар. Сейчас пройти через границу очень трудно. Хотел связаться с буджнурдскими туркменами, чтобы они переправили на ту сторону тарьяк, но попался. Теперь приходится терпеть эти муки. А ты?

— Я же говорю, сам не знаю, за что. Видимо, какое-нибудь недоразумение или ошибка.

— Нет, в государстве нашего шахиншаха, где господствует вера и справедливость, недоразумений не бывает. Ты не скрывай, говори все как есть. Вот так, как я рассказал о себе. Да смилостивится всевышний, все уладится.

— Я и не сомневаюсь, что люди шахиншаха справедливы.

— Вот и не губи свою молодую жизнь. Я стар, меня еще могут пожалеть, а тебя, боюсь, как бы не стали пытаться.

— От судьбы не уйдешь, — пожал плечами Мирза. Он уже понял, что имеет дело с подсадной уткой — провокатором. И с видом полного смирения продолжал: — Обманывать — язык не повернется. Буду надеяться на милосердие господина сарханга. Что может сделать простой смертный перед начертаниями всевышнего?

Как ни старался мнимый тарьякеш, ему не удалось поймать на слове своего собеседника. Два дня пытался он вытянуть у Мирзы что-либо подозрительное, но не мог. На третий день тюремщики увели Нажаф Тарьяки. Теперь он не ковылял, с трудом перебирая ноги, а довольно бодро вышел из камеры.

Убедившись в своих догадках, Мирза задумался над тем, каковы могут быть последствия этого «визита», и пришел к выводу:

«Кажется, яд этой полуживой змеи совершенно безвреден».

Прошло томительных четверо суток. На пятые Мирзу вызвал к себе начальник тюрьмы:

— Ты Фархад Али Заде?

---

²⁰ Тарьяк — опиум.

— Да, господин.

— Благодарю аллаха. Даруем тебе свободу. Господин сарханг Исмаил — ближайший друг Кульджана Ишана, а тот поручился за тебя. Отсюда отправишься прямо к муфтию... Передай от нас привет!

Сейчас Мирза понял, как верны были слова Садретдинхана, сказанные перед отъездом: «Если кто будет расспрашивать, тебе достаточно сказать, что ты человек такого-то муфтия». Это был своего рода пароль.

По-видимому, Мирза прошел еще одну проверку, на этот раз весьма грубую.

Что ж! Кажется, муфтий может быть спокоен!

Вернувшись в Мешхед и рассказав обо всем Садретдинхану, Мирза почувствовал, что муфтий доволен его поездкой.

— Очень рад, что вы познакомились со многими нашими друзьями и благополучно возвратились... — Муфтий положил руку на плечо своего секретаря и притворно вздохнул. — Только жаль, что вам так и не удалось добыть тазкиру...

РУКОПИСЬ

Нет! Как наемника венцом ни озари —
Холопом будет он, хоть выскочил в цари.

Фирдоуси

В последние дни муфтий почти не выходил из своей худжры.

«Что произошло? Отчего он стал уединяться после молитвы», — недоумевали прихожане.

Один лишь Мирза знал о новой жизни имама и старался не показываться своему господину на глаза: пусть работает.

Сегодня секретарь муфтия поздно возвратился с улицы Поян-хиабан. Войдя в свою худжру, он растянулся на кровати и, как всегда, стал мысленно подводить итоги событий последних дней.

«Вероятно, муфтий завершает свою книгу. Дней пять тому назад он сам говорил об этом... — думал Мирза. — Нет ничего удивительного, что старик, с его дьявольской работоспособностью,

уже написал ее».

Поднявшись с кровати, он сделал несколько неслышных шагов и подошел к соседней худжре. Вокруг стояла плотная темнота. Только в окошках худжры имама слабо мигал огонек, и было заметно, как там на стене временами шевелилась тень.

Мирза осторожно постучал. Муфтий подошел к двери.

— Милости прошу, я и сам хотел вас увидеть, проходите! — сказал он озабоченно и нетерпеливо.

На письменном столе лежали обрывки бумаги, исписанные листы. В полумраке муфтий выглядел восковым, Вскинув очки на лоб, он обрадованно потер руки.

— Вы явились вовремя. Я завершаю свою книгу. Будьте добры присесть рядом, через минуту я буду к вашим услугам.

Мирза украдкой заглянул в рукопись через голову муфтия. Тот дописывал последние строки:

«С благословения всевышнего книга завершена 15 дня месяца Зульхиджа 1351 года»²¹.

Муфтий начал собирать листы. На первой странице крупными изогнутыми, словно лапы саранчи, арабскими буквами было написано: «История нашей национальной борьбы».

— Добро пожаловать! Ваш покорный слуга закончил наконец труд, который столь долго вынашивал. Сначала я писал его в одиночестве, потихоньку, но потом руководители стали поторапливать. Пришлось засесть основательно и усердно работать.

Он был в хорошем настроении. И Мирза решил не задавать вопросов. Возбужденное состояние старика свидетельствовало, что он сам сейчас о многом расскажет.

— В этот благословенный вечер, — несколько сентиментально продолжал муфтий, — вы, дорогой друг, соизволили удостоить присутствием мой одинокий уголок, как раз тогда, когда я завершил эту книгу. Так что ваш приход для меня вдвойне приятен.

Муфтий редко бывал таким веселым. Он еще раз взглянул, в порядке ли рукопись, собрал разбросанные тетради, листки, блокноты

---

²¹ 1933 год.

и сложил их в ящик письменного стола. Затем, протянул книгу Мирзе.

— Вот, — сказал он торжественно, — всего сто шестьдесят страниц, вручаю их вам. Хотя я полностью уверен в вашей осмотрительности, но должен предупредить: это совершенно секретно. Храните книгу, как если бы хранили переписку с Парижем... Похоже, что скоро в мире произойдут весьма интересные события...

— Хорошо! Я вас понял, господин... — с готовностью перебил Мирза, но муфтий покачал головой:

— Сейчас говорю я, а вы слушаете! Не будь я полностью в вас уверен, такого задания не поручил бы. Прежде всего... Это отчет о нашей национальной борьбе. В нем заинтересованы не только непосредственные участники больших событий и наш шеф в Париже, но также Лондон, Берлин, Варшава и другие столицы. Центр «Милли истиклал» и лично господин Чокаев несколько раз справлялись о книге и торопили меня. Скованный временем, я писал в страшной спешке, поэтому рукопись выглядит небрежной... И я попрошу вас красиво переписать ее. Учтите, что у меня не будет возможности вновь перечитывать. Переписанный экземпляр будет отослан в Париж. Хорошо сделать это к концу месяца.

— Благодарю за доверие, — проникновенно сказал Мирза. — Я постараюсь завершить работу к назначенному сроку.

— Не сомневаюсь в этом!

— Может, мне сейчас же и начать? Зимние ночи длинные, в худжре тепло...

— Не надо так торопиться, — улыбнулся муфтий такому рвению. — Ведь на голодный желудок и ученье не впрок. Сейчас накрою дастархан, и мы немного перекусим.

Когда они сели за низкий столик, муфтий загадочно посмотрел на Мирзу, затем, резко поднявшись, подошел к нише, уставленной книгами, и достал из-за них бутылку, увенчанную фигуркой Наполеона.

— Напиток богов! — улыбнулся он.

Мирза искренне рассмеялся и удивленно спросил:

— Господин муфтий! Разве освященные божьим саном люди...

— Да, да, ясно, что вы хотите сказать. Не удивляйтесь ни богу, ни дьяволу. Муллы и муфтии тоже из плоти и крови. Они не отворачиваются от прелестей земной жизни. Не грех от людей скрывать, грешно обманывать всевышнего. В вас, молодых, простодушия много... Это потому, что служителей веры вы видите лишь во время проповедей и молитвы.

Словно соглашаясь с мнением муфтия, Мирза процитировал бейт древнего иранского поэта:

Набожные лишь в михрабе и за минбаром²² проповеди нудят,
А когда сходят с них, в укромных местах иные дела творят.

Потом добавил:

— Сказать правду, я все же удивлен, что вижу в ваших руках бутылку с этим напитком. Никогда не подумал бы...

— У поэтов слишком обостренное восприятие и чрезмерно богатая интуиция. — Муфтий все же обиделся за цитату. — Не часто мы позволяем себе подобное. Однако, когда находишься в обществе верного друга, развеяться не грешно. Вы только взгляните на эту бутылку! Французский коньяк. Иногда друзья доставляют. Очень помогает отдохнуть голове, мой юный друг. Что подделаешь! Крот ведет скрытый образ жизни под землей, а мы на земле...

— Но ведь придет время, когда и нам, даст бог, можно будет открыто ходить по земле...

Муфтий расстелил дастархан. Хотя большинство верующих принадлежало к секте шиитов и никогда не употребляло конины, Садретдинхан через своих прихожан — туркмен и казахов — всегда был обеспечен великолепным казы²³.

...Два полуночных собеседника, покончив с коньяком и кольцом казы, разгоряченные, вели долгую беседу, Мирза вначале пытался отказываться, отговариваясь тем, что он не привык к подобному угощению, но сдался под дружеским натиском муфтия, который держался свободно, пил много, но не пьянел. Лишь по тому, как безостановочно он говорил, чувствовалось, что коньяк все же

---

²² Михраб — ниша в мечети, указывающая направление к священному храму в Мекке. Минбар — трибуна.

²³ Казы — колбаса из конского мяса.

подействовал.

Беседа шла о законченной рукописи. Муфтий называл ее героическим эпосом, превознося свой труд и давая менее сдержанные, чем обычно, ответы на вопросы, которые временами задавал Мирза.

— Когда я писал, мне словно вторично пришлось пережить проведенные в лишениях годы, бегство с родины, предательство соратников, смерть брата, погибшего от руки большевиков. Ведь вся моя жизнь посвящена борьбе за нацию. Но, к сожалению, пока только лишения и несчастья сопровождают меня, а основная цель не достигнута. Ну, ничего, человек, слава аллаху, всегда верит, лишь дьявол лишен святого прибежища веры...

Хотя Мирзе было кое-что известно о богатой событиями жизни муфтия, он все же слушал его исповедь с интересом, не отрывая от собеседника глаз.

— Вся наша жизнь — политика, — продолжал между тем Садретдинхан. — А политика словно клинок с ядовитым острием... Малейшая неосторожность — и можешь поплатиться жизнью. Вы не думайте, что вступили на легкий путь. Я специально поручаю вам переписку книги — это будет хорошее боевое крещение. Постигнуть историю опасной борьбы, которую вели истинные сыны нации, узнать руководителей движения — для вас, молодых, это является почетным долгом...

То весело, то с печальной улыбкой повествовал муфтий о своем прошлом, ставшем теперь историей, запечатленной в этой рукописи.

— В различных уголках Средней Азии, — говорил Садретдинхан, — уцелели наши друзья. До сих пор они верят в нашу общую победу и, словно талисман, носят в боковом кармане зеленый флажок нации. Их взоры обращены на таких, как мы.

Он положил ладонь на рукопись, словно хотел подчеркнуть всю важность своих слов.

— Мы, по возможности, стремимся оправдать надежды и чаяния наших земляков-единомышленников. У нас великая цель — создать государство Великий Туран, а затем постепенно присоединить к нему Восточный Туркестан, Северный Афганистан и Хорасан.

Мирза, дождавшись паузы, тактично спросил:

— Но чтобы достичь этой великой цели, нужны огромные силы?

— Мы никогда не были одиноки: наше движение всегда, еще до 17-го года, поддерживали иностранные державы. «Милли Иттихад» была прочно связана с Турцией, большую помощь оказывали нам английский консул в Кашгаре сэр Джордж Маккарти, американский консул в Ташкенте Роджер Тредуэлл. А вы думаете, откуда добывалось вооружение для наших воинов ислама²⁴, которые вели сражения в Хиве, Фергане, Бухаре, в долине Зарафшана, в горах Памира?

Он говорил с подъемом, глаза его сверкали, козлиная борода прыгала. Мирза внимательно слушал его.

— Волею судьбы фортуна отвернулась. Мусульмане не поддержали нас. Русская революция подчинила их своему влиянию, — почти кричал муфтий. — Кое-какие соратники вели себя как предатели. Вооруженные силы были повсюду разобщены. Одним словом, у нас не было единства. Мы потерпели поражение...

Муфтий внезапно замолчал, словно груз воспоминаний придавил его. Постепенно он успокоился. Стер с уголков рта выступившую слюну, взял в руки рукопись и начал цитировать места, которые ему казались особенно удачными.

Мирза Садыков напряженно слушал историю борьбы националистов. О многом он узнавал сейчас впервые.

Наконец, перевернув последнюю страницу, Садретдинхан умолк и опять глубоко вздохнул:

— Вот видите, муфтий повествует вам о прошлом, о поражениях... Вы можете спросить: «А что же дальше? В чем истоки нашей веры и нашей силы?» Я отвечу вам: скоро вы их почувствуете!

Мирза Садыков кивнул, все так же внимательно слушая Садретдинхана. А тот продолжал:

— Во многих государствах Востока и Запада имеются филиалы «Милли истиклал», они ведут работу среди тысяч эмигрантов. Центр и отделения в разных государствах получают немалую помощь от великих держав. Благодаря этой помощи мы создаем вдоль советской

---

²⁴ Так муфтий называл басмачей.

границы специальные пункты. Думаю, вы, приехав в Кучан-Буджнурд и Джаргелан, кое-что заметили?

— Да, я кое-что почувствовал... — осторожно согласился Мирза.

Но разгоряченному муфтию хотелось окончательно убедить своего собеседника. После долгого уединения над рукописью он был менее сдержан, чем всегда, да и коньяк слегка развязал ему язык. Внимание юного единомышленника словно возбуждало его красноречие, и он разворачивал перед Мирзой широкую и полную картину своей деятельности.

— Господин Мустафа Чокайбек, основавшись в Париже и сплотив вокруг себя таких же приверженцев нации из эмигрантов, создал известную вам «Милли истиклал». Ее признало французское правительство, выделило специальное место для ее расположения в Париже, официально названное «Туркестан». Люди, связанные с «Милли истиклал», по возвращении из Парижа заявляют: «Я был в Туркестане». И кто бы ни поехал во Францию, спрашивает: «Где Туркестан?» Разве это не является для нас гордостью?! В парижском «Туркестане» вокруг господина Чокаева сплотилась способная молодежь. Вам еще придется услышать имена заместителя председателя организации — доктора Тахира Шакири Чигатая и секретаря Абдул Вахаб Уктай. Влияние комитета сильно. В его отделениях, разбросанных в различных государствах, таких, как Турция, Иран, Египет, Афганистан, Индия, работают видные деятели. Представительство в Берлине связано с генеральным штабом Германии и держит тесную связь с влиятельными кругами... Мы выбираем своих людей из числа эмигрантов и готовим их для выполнения особо важных поручений.

Мирза понял, что имел в виду муфтий. Разумеется, во всех отделениях идет подготовка для засылки в Советский Союз шпионов, диверсантов и целых вооруженных банд.

— Если председатель общества господин Чокаев в Париже, то Тахир Шакири Чигатай и Абдулла Вахаб Уктай издают книги, брошюры и журнал «Ёш Туркестан» в Берлине. Эти книги и брошюры переводятся на английский, немецкий и французский языки. Турецким отделением «Милли истиклал» руководят доктор

Маджетдин Ахмадбек и Абдулла Тавакали, в Афганистане — Хашим Шоик и Мухетдин хан Тура, в Индии — Алтин хан Тура и Азам Хашим. В Иране, как вы сами видите, — ваш покорный слуга. Наш штаб — это мечеть и худжра, в которой мы сидим...

Муфтий задумался... Но, видимо, не все аргументы были приведены. И он продолжал:

— Помните послания, которые мы адресовали господину Чокаеву, и его ответ?

Мирза, отлично помнивший эти документы, понимал, что излияния муфтия — для него клад. Он пожал плечами, всем своим видом говоря: «Откуда мне это помнить?»

— В секретном письме Мустафе Чокаеву, — поднял палец муфтий, — мы писали, что готовимся к наступлению на Советский Союз. Мы спрашивали, откуда оно начнется. Теперь вспомнили?

— Да, да, теперь, кажется, припоминаю.

— Ну вот. Вспомните и ответ господина Чокаева: «Наступление на Советский Союз начнется с востока... В связи с этим необходима тщательная подготовка эмигрантов-мусульман и установление связи и контакта их с русскими белоэмигрантами». — Палец Садретдинхана качался у самого носа Мирзы. — Мы неплохо сотрудничаем с руководителями русских белоэмигрантов Хайдар Хаджой и Грумницким. Их связи с английской разведкой могут существенно помочь нам. В первую очередь я имею в виду оружие.

— Все это понятно, однако замечу, что Хайдар Хаджа и сам проявляет инициативу в дружбе с вами.

— Вы еще ребенок. У Хайдар Хаджи и Грумницкого есть свои расчеты. Они также борются против Советов и прекрасно понимают, что в исходе этой борьбы мы, мусульмане, будем играть важнейшую роль. Теперь ясно? — назидательно проговорил муфтий.

Мирза кивнул и попытался как можно естественней улыбнуться.

— Таково положение дел, мулла Фархад. Чем больше вы будете вникать в практические дела, тем сильнее поверите в нашу победу.

Муфтий был явно в хорошем настроении.

В тишине раздались крики первых петухов.

— Неужели подошло время утренней молитвы? — муфтий

выглянул в окно, затем посмотрел на часы: — Да. Чуть больше пяти. Вот видите, дорогой Фархад, сколько мы беседовали. Прямо-таки настоящий чигатайский кружок. Ну, что ж, я буду готовиться к утренней молитве, а вы идите немного отдохните, хорошо? Хотя сон и напасть, но он же и покой.

Взяв рукопись, Мирза поклонился и вышел из худжры.

Отдых был коротким.

В Мешхеде зимние вечера особенно тоскливы и длинны. С раннего вечера и до самого утра все вокруг покрывается беспросветной завесой темноты и мертвым молчанием... Эта гнетущая тишина господствует над безликими, кривыми и одинокими улочками. И лишь по улице Арк, в одной из худжр мечети суннитов теперь всегда горит огонек... Это не спит Мирза Садыков. Он день и ночь неутомимо работает. Нужно переписать рукопись муфтия. Ведь этот страшный документ касается судеб тысяч людей и безопасности Советского государства. Он освещает кипучую деятельность десятков змеиных гнезд, свитых во многих странах.

Предрассветную тишину нарушает лишь скрип калама: Мирза переписывает каждую страницу рукописи в двух экземплярах.

С одним из них он не расстается...

Не успел наступить конец месяца, как секретарь обрадовал своего хозяина.

— Пожалуйста, господин... — Он положил оригинал и переписанную рукопись на низенький столик двумя руками, как этого требует восточный обычай.

— Вы безмерно обрадовали меня. Труд и талант преодолевают любые препятствия. Я благодарен своему верному помощнику.

— Вы преувеличиваете, господин. Я весьма польщен.

Лицо муфтия сияло. Он с какой-то мягкой улыбкой осторожно взял рукопись и быстро перелистал с первой до последней страницы, пробегая по ним своими цепкими глазами. На последней странице было написано; «Муфтий Садретдинхан Шариф Ходжа Казы Оглы», — и оставлено место для подписи.

— Вам бы тоже следовало расписаться здесь.

— Мне думается, — поклонился Мирза, — достаточно одной

росписи вашей столь почитаемой и священной персоны. Пусть мусульманский мир преклоняется перед трудом того, кто сам был и автором, и переписчиком!

— Хорошо, благодарю! Ваша мысль верна. Теперь нужно написать сопроводительное послание на имя господина Мустафы Чокаева.

Муфтий продиктовал секретарю письмо, полное высокопарных оборотов, выражавших почтение и уважение к адресату.

Потом он попросил:

— Отправьте как можно быстрее все в Париж.

И муфтий, и Мирза были спокойны за судьбу рукописи «Истории нашей национальной борьбы». Муфтий, доверяя аккуратности своего секретаря, не спрашивал о ней.

Ну, а Мирза Садыков знал, что копия этого документа через доктора Хамадани была срочно переправлена в Москву.

БРАТЬЯ

Отбывшие в край далекий и чужой
Терпят униженья, терпят гнет большой.

Узбекский эпос «Алпамыш»

Иранское отделение «Туркестан милли истиклал» активизировало свою деятельность. Это чувствовалось по обстановке, которая царила в мечети. Появились новые люди. Порой, не совершив молитвы, они торопились скрыться в худжре муфтия, где о чем-то долго беседовали с ним.

Да, в резиденции, вероятно, готовились к большим делам. Муфтий, несмотря на занятость, помнил о своем секретаре.

— В город я вам не советую выходить... — предупредил он.

— Я так редко бываю там, — ответил Мирза. — Сделаю покупки и сразу же возвращаюсь.

— Правильно... Будьте осторожны, сын мой, я беспокоюсь о вас... Ходить без тазкиры сейчас опасно.

Однако, муфтий даже не сделал попытки оформить паспорт на

имя Фархада Али Заде. Видимо, у него были на этот счет свои соображения.

Мирза стал реже бывать в городе. Только утром он отправлялся на базар в Поян-хиабан и, вскоре возвратившись, снова принимался за работу.

Анализ всех документов, поступающих от Мустафы Чокаева, переписка с центром и другими эмигрантскими националистическими организациями, а также с особо важными личностями теперь были доверены секретарю.

Все депеши в центр и письма государственным деятелям Муфтий диктовал Мирзе. Из резиденции почти каждый день в Париж, Берлин, Стамбул, Варшаву, Лондон и в другие города шли послания по различным каналам, в том числе и специальными курьерами.

В свою очередь Мирза через свои каналы отправлял в Москву копии этих писем и депеш.

Работать приходилось много, и теперь все чаще в худжре секретаря по ночам горел свет. Связь была обширной. Кроме центра, секретарь готовил письма немецкой, французской и английской разведкам, президенту Польши маршалу Пилсудскому. В посланиях были добытые всевозможными путями сведения о Советском Туркестане, взамен которых муфтий получал материальную помощь.

Однако денег он не копил. Франки, фунты, доллары, марки, золотые монеты проходили через его руки словно вода сквозь желоб водяной мельницы. Кому? Куда? Неужели муфтий, проводивший всю свою жизнь в мечети, привыкший к ее законам, стал щедрым?

Хотя Садретдинхан различными обещаниями, уговорами, шантажом, порой угрозами завлекал в свои сети обманутых людей, он знал, что одними речами многого не достигнешь, и поэтому не жалел денег. Муфтий понимал, что для разбойников, убийц и шпионов, подготавливаемых из числа эмигрантов для засылки в Советский Союз, гораздо приятнее звон золота, чем тысячекратное повторение «бисмиллах»²⁵.

Внимательно шарили по лицам прихожан острые глазки... Они

---

²⁵ «Бисмиллах» — «Во имя аллаха», первые слова корана. Этими словами мусульмане начинают молитвы и каждое дело.

задерживались на минуту, чтобы оценить человека, прикинуть — на что он способен.

...Мадаминджан и Расулджан, которые только изредка посещали мечеть суннитов, теперь не пропускали ни одной из пяти ежедневных молитв. Братья были сыновьями наманганского торговца мануфактурой Наджима. После того как у них отобрали земли, сады и имущество, скупой Наджим собрал все свои пожитки и даровал на поддержание войск ислама тысячу золотых, а сам, не пережив потери богатства, ушел из этого мира. Его сыновья, поверив всяческим выдумкам, с большим трудом добрались до Мешхеда.

Приехав сюда с верой в «райскую жизнь» на чужой земле, они вскоре растратили свой сбережения и в конце концов стали подручными у парикмахера. Но это лишь в мизерной степени облегчило их существование.

Муфтий знал многое о своих прихожанах. Узнал он и о том, что братья находятся в крайне тяжелом положении. Однажды после вечерней молитвы муфтий пригласил их в свою худжру.

Много слышавшие о «почтенном человеке», учившем их «чистосердечному поклонению аллаху», братья застыли перед имамом в подобострастном приветствии с прижатыми к груди руками.

Только что прошла первая вечерняя молитва. До следующей осталось не так уж много времени.

— Идти домой нет смысла, — улыбнулся муфтий. — Лучше побеседуем у меня в худжре до последней молитвы.

Разве могли отказаться от такого приглашения молодые мусульмане!

Их тронуло внимание имама. Вопросы его были традиционны: о жизни, о здоровье.

С этого вечера Мадамин и Расул стали ежедневно проводить время между вечерними молитвами в худжре муфтия. Постепенно он начал преподносить братьям первые уроки «политической грамоты», не забывая лишней раз оказать им сердечное внимание.

— Здесь мы живем только заботами чужестранцев о наших нуждах и благополучии. У нас всех одна судьба, одна цель.

И муфтий давал братьям что-нибудь из поступивших в мечеть приношений.

— В этих пожертвованиях есть и ваша доля.

Мадамин и Расул благодарили, кланялись и, уходя из мечети с подарками, готовы были молиться на Садретдинхана.

— Вы наш пир²⁶... — искренне говорили наманганцы.

Постепенно, не спеша, подходил муфтий к основной цели.

— Не истосковались по дому? — спросил он во время одной из вечерних бесед.

— Истосковались! Да еще как, господин! — в один голос ответили братья.

— Что вы скажете, если я помогу вам вернуться?

Наманганцы не верили своим ушам; пораженные, они мгновение молча смотрели на муфтия, а придя в себя, стали восклицать:

— О, если бы, господин, вы помогли! Мы до самой смерти молились бы на вас.

— Полно, не нужно... Я ведь готов помочь вам только из добрых намерений, — проговорил муфтий, удовлетворенный тем, что добыча идет в расставленную сеть.

Теперь оставалось лишь затянуть ее.

— Я знал вашего покойного отца, — продолжал Садретдинхан. — Он был одним из верных людей нации. Но Советы не дали ему спокойно пожить на старости лет. Ради достижения общей цели ваш отец пожертвовал воинам ислама все свое имущество и себя. Порадовать дух столь почтенного отца — святой долг сыновей.

Затем муфтий протянул солидную пачку денег.

— Вот ваша доля из последних приношений в мечеть...

Обрадованные наманганцы низко кланялись, покидали худжру, все еще не зная, что скрывается за этой «добротой».

Но их радость была недолгой. На другой день по окончании полуденной молитвы муфтий позвал Мадамина и Расула к себе и заговорил в открытую.

---

²⁶ Пир — духовный наставник.

— Вы поедете на родину. Но вам придется выполнять кое-какие наши поручения...

— Какие? — тревожно спросил Мадамин.

Расул тоже растерянно смотрел на муфтия. Братья начали догадываться, в чем дело.

— Вы встретитесь с нашими друзьями и продолжите дело отца... — спокойно произнес муфтий. — Вы отомстите Советам...

Не давая братьям опомниться, муфтий коротко рассказал о шпионской деятельности, ждавшей молодых людей на родине.

— Господин, здесь мы будем выполнять любую вашу работу. Однако такое поручение нам не по силам и не по душе... Простите нас, — умоляюще заговорил Мадамин.

Лицо муфтия сделалось страшным. Не случайно он часто употреблял поговорку: «С помощью дубины и медведя можно сделать муллой».

— Идите, — сурово сказал он, — завтра до девяти хорошенько подумайте, а потом приходите.

Когда они покидали худжру, муфтий угрожающе добавил:

— Эй, юноши! Помните, все, что было сказано, — остается здесь. Одно слово — и не сносить вам головы!

— Слушаемся, господин. Мы сами это поняли.

На следующий день, когда Мадамин и Расул виновато переступили порог, в худжре, кроме муфтия и его секретаря, сидел неизвестный туркмен с багровым, медным лицом. На голове каракулевая папаха, одет в несколько красных халатов. Молодые люди помимо воли нет-нет да и задержат испуганный взгляд на Хан Казы.

Указав на коврик у низенького столика, муфтий пригласил:

— Садитесь, юноши!

На столике лежала толстая книга, обернутая в желтый холст. Рядом расположился Хан Казы. Он сделал вид, будто ему неудобно сидеть, и поднял полу халата, обнажив деревянную кобуру маузера. Немного подумав, он вытащил оружие и положил перед собой.

Братья, как подсудимые в ожидании приговора, сидели, опустив головы, и лишь временами бросали взгляды то на коран, то на маузер.

Во взглядах был один вопрос: «Что с нами теперь будет?»

— Ну как? — муфтий первым нарушил молчание. — Вы подумали?

Над умоляющими глазами запорхали ресницы.

— Или вы изменили свое решение?! — повысил голос муфтий и перевел взгляд с Хан Казы на стол...

Братья и без этого окрика и красноречивого взгляда уже хорошо поняли, на что намекает муфтий. Они в самом деле были в безвыходном положении.

— Господин, наша судьба в ваших руках. Что бы бы ни приказали, мы выполним... — опустив голову, сказал Мадамин.

— Баракалля!²⁷ Вот это другой разговор, дети мои! — муфтий даже улыбнулся. — Ничего с вами там не случится. Мы вас наставляем на путь истинный — путь религии и нации. Вы поедете на родину. Не надо бояться, трус — недруг аллаха. Просто скажите всем, что вам надоела эмиграция, чужбина и вы возвратились. С божьей милостью, все будет хорошо.

После этого вступления свободно вздохнувший муфтий приступил к оформлению «командировки».

— Садитесь рядом со мной и приложите к священному писанию... — приказал он братьям.

Они взяли в руки коран и, то целуя желтые листы, то прижимаясь к ним головой, по очереди повторяли за муфтием слова клятвы. Когда церемония завершилась, Садретдинхан обратился к Хан Казы:

— Вставай! Быстро отправляйся и сделай все, что я тебе говорил!

Хан Казы знал свои обязанности. Покинув худжру, он отправился в сторону Кучана и Буджнурда. Там он встретился с Муллою Мухаммедом и Кульджан Ишаном, уточнил место перехода через границу и имена сопровождающих. До возвращения Хан Казы Мирза по приказу муфтия изготовил несколько экземпляров фотографий Мадамина и Расула, велел им поставить свои подписи под бумагой, где говорилось об их беспрекословном подчинении.

Фотокопии этих документов через Хамадани, разумеется, сразу

---

²⁷ Баракалля! — Bravo!

же были отправлены в Москву.

Муфтий начал «просвещать» братьев. Ежедневно между молитвами он инструктировал их, приказывал повторять, куда они должны явиться, с кем встретиться и какие задания выполнять в первое время.

— Вы должны будете каждый день твердить, что бросили родину по недомыслию. Но если вдруг, не приведи аллах, вас задержат и заключат под стражу, не падайте духом: наши спасут.

Затем муфтий наставлял братьев, какими способами, не привлекая к себе внимания, собирать информацию о стране Советов, о военных мероприятиях, о случаях недовольства новым строем. Особенно интересовали муфтия слухи, компрометирующие партийных и советских работников: за это Садретдинхан получал от своих хозяев хорошую плату.

— Как только доедете и благополучно устроитесь, — сказал на прощание муфтий, — будете ждать нашего связного. Его пароль: «Отец шлет привет, просит возвратить долг».

Религиозными наставлениями, обещаниями будущих благ имам успокаивал свои жертвы.

Наконец для переправы их через границу все было подготовлено, и наманганцы в сопровождении Хан Казы ушли в направлении Кучана.

На советской стороне «гостей» уже ждали пограничники и чекисты...

ДРАГОМАН

О мой учитель! Как сокращают, взгляни,
счет нашей жизни двучленные ночи и дни.

Хакани

В одну из пятниц, после молитвы, к имаму пришел необычный человек. Все прихожане приходили в мечеть в национальной одежде, этот же похожий на казаха шестидесятилетний старик был во френче английского образца, в крагах и в пенсне. Всем своим обликом и

выправкой он напоминал отставного военного.

Шагая рядом с муфтием, он закинул руки за спину и внимательно слушал собеседника, словно боялся упустить хотя бы одно слово. Пройдя двор мечети, они направились к худжре. Незнакомец шагал твердо, решительно: видимо, он бывал здесь не раз.

Муфтий, поддерживая гостя за локоть, пригласил в худжру и попросил Мирзу:

— Сынок, устрой-ка нам крепкого чаю!

Когда чай был подан, муфтий представил Мирзе уважаемого гостя.

— Это господин Хайдар Хаджа, уважаемый человек, известный толмач и драгоман. Кстати, он тоже из Самарканда!

Гость равнодушно выслушал высокопарные слова в свой адрес. Его вид словно говорил: это еще не все.

Но когда муфтий подчеркнул, что Мирза его земляк, гость оживился. Он даже переспросил:

— Вы из Самарканда?..

Мирза подтвердил, заметив при этом внезапное волнение драгомана. Казалось, ему хочется задать секретарю муфтия сразу несколько вопросов. Но он сдерживал себя, стараясь сохранить достоинство и спокойствие.

— Значит, вы из Самарканда! — повторил он. — Неужели вы не слышали обо мне?

— Отчего же, — рассудительно сказал Мирза, — в Самарканде о вас известно всем. Скажу больше: я даже знаком с вашими детьми...

— Так, так, — кивнул Хайдар Хаджа, вытянув шею и подавшись к Мирзе.

Гостю неудобно было сидеть в крагах. Мирза подождал, когда тот устроится за столиком, а затем продолжал с улыбкой:

— Я вместе с ними играл на улицах...

Драгомана от нетерпения бросало в дрожь, он хотел поскорее услышать от верного человека о своей семье и детях.

— С кем? — быстро спросил он, еще не веря такому совпадению.

Мирза назвал имена его сына и дочерей.

Драгоман перебил его:

— Ох! Как они? Как супруга? — У него теперь не было сомнений, что Мирза действительно виделся с его детьми.

Все были в здравии и благополучии... Садыков рассказал о том, как и где его дети учились, за кого вышла замуж старшая дочь. Привел несколько других подробностей. Казалось, он только вчера виделся с родными этого старого человека во френче и крагах.

Хайдар Хаджа тяжело вздохнул, и его холодные, полуприкрытые веками глаза наполнились слезами. Человек, хладнокровно причинявший столько зла своему народу, сейчас, низко наклонившись, вытирал глаза. Муфтий сочувственно молчал.

— Вот так, друзья, — хрипло воскликнул драгоман, — жестокая жизнь и горькая судьба лишили меня детей, очага, родины... Сделали меня скитальцем. Но, послушав вас, — он внезапно улыбнулся, — я будто вновь увидел своих дочерей и сына. Какие ангелы привели вас сюда? Какими судьбами вы присоединились к нам, скитающимся на чужбине? Какие грехи могут быть у таких, как вы, молодых, чье будущее только начинается!

Хотя последние слова Хайдар Хаджа адресовал Мирзе, они прозвучали как упрек себе, как жалоба на собственную судьбу.

— Испытывать лишения за веру, — несколько раздраженно вмешался муфтий, — предписано всевышним, господин Хайдар Хаджа, и рабу его надобно терпеть!

Он даже покраснел от волнения. Но Хайдар Хаджа, не вникая его поучениям, с упреком покачал головой:

— Прошло столько дней, уважаемый господин муфтий, а вы до сих пор не соизволили познакомить меня с этим юношей!

Садретдинхан сник, виновато пожал плечами и, словно извиняясь, подал чай Хайдар Хадже.

— Милостью аллаха, будем живы-здоровы, — забормотал он, — теперь вы сможете видеться с ним когда угодно. Этот молодой человек, посланный волею всевышнего и судьбой, станет и для вас близким, словно сын родной.

Постепенно беседа вошла в обычное русло, и муфтий, видимо желая продолжить начатый еще в мечети разговор, спросил:

— Вы почему-то интересовались нашими людьми в «Дашт-и-

Туркман»)?²⁸

Драгоман многозначительно взглянул на Мирзу. Муфтий, перехватив этот взгляд, улыбнулся:

— Не тревожьтесь! Можете говорить спокойно. Фархад свой человек, он стал моей правой рукой...

Хайдар Хаджа вновь почувствовал себя почти свободно. Если бы ему не мешали краги! Как неудобно в них сидеть!

— На днях был в нашем консульстве... — начал Хаджа.

Мирза не сразу понял, что речь идет об английском консульстве в Мешхеде.

— Господин майор Хамбер поручил мне важное задание, — продолжал между тем драгоман. — Найти для его выполнения подходящего человека среди туркестанских эмигрантов — дело трудное. Но я разыскал одного русского инженера, которого нужно переправить через границу. Мне необходима ваша помощь: я думаю, вам нетрудно найти проводника-туркмена, хорошо знающего дорогу через границу.

Муфтий давно понял, чем вызван визит Хайдар Хаджи.

— Я как раз собираюсь послать Фархада в Кучан и Буджнурд. Он все и подготовит...

— Это было бы очень хорошо... — обрадованно потер руки гость.

Теперь Хайдар Хаджа стал посещать мечеть не только по пятницам. Он неожиданно появлялся в худжере муфтия и в обычные дни. Текли медлительные часы долгих бесед, и драгоман все больше проникался доверием к новому молодому другу, порой изливая перед ним свои горести.

Этого гостя нужно было слушать, запоминая каждое слово.

— Чего только не вытерпела моя бедная головушка! — откровенничал Хаджа. — Я лишен возможности делиться с семьей и детьми своими мыслями, не могу облегчить душу. Хочу хоть вам поведать то, что у меня на сердце... Не могу же я унести с собой в безмолвие могилы этот груз. Мне станет легче, словно поговорю с детьми. Вы меня простите и не подумайте, что старик болтает чепуху.

---

²⁸ «Дашт-и-Туркман» — дословно: «Туркменская пустыня». Здесь — название района.

У меня нет привычки раскрывать душу перед каждым, словно добрый хозяин — дастархан перед любимым гостем.

— Воспоминания таких людей, как вы, много повидавших и переживших, — сказал Мирза, — являются школой жизни особенно для нас, молодых. Я с удовольствием слушаю ваши рассказы...

— Вы правы, возможно, то, что не суждено сделать мне, удастся вам. Я поистине бездомный нищий, несчастный бродяга, скитаюсь на чужбине. В двадцатом году пришлось уехать из Бухары в Мешхед. Но с этими местами я познакомился значительно раньше, ибо с Ираном меня издавна связывают узы дружбы. Во время, вероятно, известной вам резни суннитов и шиитов в десятом году ваш покорный слуга немало потрудился...

Мирза кивком головы дал понять, что слышал об этой истории.

— Вы представляете, как трудно, но и как приятно выступать в роли посредника? Благодаря перемирию визиром стал суннит. Я был удостоен милости эмира бухарского и отмечен золотым орденом. Но точно за такую же услугу меня недавно наградил и шахиншах Ирана. Если вы соизволите когда-либо посетить мой скромный дом, я покажу вам эти высокие награды.

Хайдар Хаджа произнес последние слова словно между прочим, но в них прозвучали нотки гордости.

— Как доживает ваш старший сын? — вежливо спросил Мирза. — Брат и особенно мать часто вспоминали о нем...

Хайдар Хаджа чувствовал себя явно неловко. Растерянно потупившись, он с минуту внимательно смотрел на собеседника. Было похоже, что его гнетет какая-то душевная боль, давшая знать о себе с новой силой.

— Вы говорите о старшем? — переспросил Хаджа. — Слава богу, за него я спокоен. Правда, мы с ним далеко друг от друга, лишь иногда переписываемся. Прошло уже двадцать лет с тех пор, как я из Бухары послал его учиться в Германию. Когда началась война, немцы неожиданно арестовали его, но, установив, что он истинный сын мусульманина, определили в военную школу. Из него вышел неплохой офицер. Сейчас он служит в турецкой армии — пошел по стопам отца... Да, время разбросало весь наш род...

Мюрид, вошедший в худжру, прервал горестное повествование Хайдар Хаджи. Он поднялся и, уходя, уже в который раз пригласил Мирзу посетить его дом.

Вечером в кабинете Захида Хамадани Мирза делился впечатлениями об этой встрече. От врача он узнал и дополнительные подробности о прошлом драгомана.

Хайдар Хаджа, рассказал Захид, родился в семье крупнейшего самаркандского бая. Окончил Оренбургский кадетский корпус, затем офицерские курсы в Петербурге, в звании полковника работал в Самаркандском генерал-губернаторстве. Он мечтал о дипломатической карьере, но мечты его не сбылись. Правда, позже Хаджа устроился переводчиком при посольстве царского правительства в Бухаре: он владел узбекским, фарси, арабским, а также французским и английским, был знаком с восточной литературой и историей.

Приехав в Мешхед, Хайдар Хаджа без труда разыскал старых друзей. Он возобновил связи с сотрудниками английского посольства, был радушно принят английским разведчиком Стивенсоном и некоторое время жил на его средства. Хадже удалось связаться с реакционной белоэмигрантской организацией (РОВС) и участвовать вместе с ней в диверсиях против советского государства.

— Вы сами теперь знаете, — продолжал Хамадани, — о связи Хаджи с Садретдинханом. Благодаря вам в Москве известно, что драгоман поставляет муфтию антисоветские прокламации РОВСа, а тот через своих людей переправляет в Советский Союз их узбекский вариант.

Мирза кивнул.

— Хайдар Хаджа, — продолжал доктор, — поддерживает постоянную связь с эмиром Бухары в Кабуле и Туракулбаем в Пешавере, посещает те города и государства, где нашли пристанище узбекские и русские эмигранты из Средней Азии. Именно он занимается вербовкой агентов для засылки в Советский Союз! Кроме английского консульства в Мешхеде, он постоянно держит связь с консульствами Турции, Германии, Польши...

...Мирза Садыков понимал, что входит в доверие еще к одному

опаснейшему врагу. Доктор сделал паузу, словно давая юноше время обдумать все сказанное, а затем спросил:

— Вы заметили что-нибудь в отношениях между муфтием и драгоманом?

Мирза задумался, подыскивая более точное слово.

— Неприязнь? — пожал он плечами.

— А не больше?

— Возможно, и больше... Но понимаете...

— Да... — перебил Хамадани, — они оба хитры, двуличны... Сейчас им не остается ничего иного, как быть вместе, помогать друг другу.

— Но в конце концов они перегрызутся... — более уверенно сказал Мирза.

— Им нужно помочь в этом... — улыбнулся Хамадани.

— Постараюсь... — серьезно пообещал Садыков.

АЙНАГУЛЬ

Спрошу — ты откуда? Не даст мне ответа.

Не дочь ли народа сокровище это?

Кемине

Мирза и Хан Казы, вернувшись из очередной поездки, доложили муфтию, что переход русского инженера через границу будет осуществлен.

Не успела появиться на лице Садретдинхана довольная улыбка, как Хан Казы согнал ее.

— Вот только Советы усилили охрану границы. Групповые переходы теперь почти невозможны.

— Что же вы предлагаете? — помрачнев, спросил муфтий.

Мирза молчал. У него были свои соображения. Но не так-то легко высказать их вслух, да еще при свидетеле. Лишь наедине с муфтием он решился на откровенность.

— В сопровождающие нужно послать не вооруженных всадников, а двух ловких, хорошо знающих переходы, проводников.

— Хан Казы подобрал именно таких людей.

— Сколько их?

— Четыре человека...

— Это много. Целая группа. Ее легко обнаружат во время перехода границы или при возвращении. Притом сопровождающие своей внешностью не должны вызывать подозрений.

— Правильно... — согласился муфтий. — Это лучший вариант... Переговорим с нашими людьми на местах. Подберем подходящих и отправим...

Мирза сделал паузу и неожиданно предложил:

— А если отправить женщин?..

— Женщин?! — удивился Садретдинхан. — Есть ли проводницы?

— Найдем, муфтий-эфенди, — ухмыльнулся Мирза. — Во время последней поездки я заметил кое-кого. Если разрешите, вернусь в Ширван-Буджнурд и привезу.

— Хорошо. Завтра же и отправляйтесь. Одного дня вам вполне хватит.

Во время последней поездки в «Дашт-и-Туркман» Мирза несколько минут разговаривал с Айнагуль.

Эта встреча толковалась джаргеланскими мюридами по-разному. Одни серьезно, другие полшутя распространяли всякие небылицы.

Особенно злословили главарь шайки джаргеланцев Мулла Мухаммед и имам кишлачной мечети Нафас Ахун. Секретарь муфтия им не нравился. И они были рады пустить слух, что Айнагуль после беседы с ним стала заметно веселее.

Мюриды посмеивались с оглядкой: уезжая, Мирза от имени муфтия предупредил Кульджан Ишана и Нафас Ахуна, чтобы они «относились к женщине с должным вниманием и не обижали ее».

— Возможно, господин муфтий привлечет ее к выполнению важного задания, — многозначительно проговорил Мирза.

Проводив его, мюриды хватались за ворота чекменей и шептали:

— Прости, всемогущий, поистине пути твои неисповедимы...

Но в глаза Мирзе они не смели что-либо сказать, ибо больше боялись земного муфтия, чем скрытого в небесах всевышнего...

Определенность в судьбу Айнагуль внес Захид Хамадани.

Возвратясь из поездки, Мирза, как обычно, встретился с ним и, передав все необходимые сведения, рассказал и о туркменской женщине.

Вероятно, Мирза рассказывал очень горячо: доктор невольно улыбнулся:

— Неужели, царевна столь прекрасна? Вы так близко восприняли ее участь!

— Да, прекрасна, — серьезно ответил Мирза. — Но ее красота — в сердце, в чистой совести, в любви к Родине, в ее ненависти к этим людям, среди которых она сейчас живет. Может быть, придет время и я напишу о ней поэму!

Хамадани улыбнулся. Затем, помолчав, он достал из ящика письменного стола книгу и пинцетом вынул из ее толстой обложки белый плотный квадратик размером чуть меньше спичечной коробки.

— Ваша пленница не похожа на эту?

Мирза на мгновение растерялся. Перед ним была фотография Айнагуль. Он осторожно взял фото из рук доктора.

— Да, она... Видимо, снималась года два тому назад. Конечно, здесь она лучше: я видел ее очень измученной. В чем же дело? — поднял он глаза на доктора. — Кто эта женщина?

— Слушайте, друг мой. На эту женщину вы обратили внимание, казалось бы, случайно. Но она — очень нужный нам человек. Вам поручено во что бы то ни стало выволить ее. Это одна из активных общественниц туркменского аула Джиди-Тепе, депутат местного Совета. Ее муж коммунист. У них двое маленьких детей: восьмилетняя девочка Зульхумар и десятилетний сын Зульфикар... Попала Айнагуль к бандитам случайно: они увели ее в один из налетов на аул и ничего не знают о ней. Несмотря на то, что Кульджан Ишан, Мулла Мухаммед, Нафас Ахун отъявленные головорезы, все же в них сильно чувство племенного родства, впитанное с молоком матери. А Айнагуль оказалась из одного с ними племени. Поэтому мюриды пока стараются сломить ее сопротивление и выдать замуж за одного из бандитов.

Мирза напряженно слушал доктора.

— Теперь, — продолжал Хамадани, — надо решить, как спасти

Айнагуль. У вас есть какие-либо планы?

— Я уже много времени ломаю голову над этим, — проговорил Мирза. — Есть несколько способов переправки ее на родину, однако все они сложны. Необходимо, как говорится, без следов вытащить волос из теста. Лучше всего, по-моему, выполнить поручение руками муфтия.

— Понял, — сказал Хамадани. — В ближайшее время муфтий намерен переправлять людей?

— Должен пойти человек Хайдар Хаджи...

— На этом и решим...

Хамадани и Мирза подробно обсудили детали приемлемого варианта возвращения Айнагуль на родину.

— Вам необходимо в ближайшее время совершить еще одну поездку в Джаргелан, встретиться с Айнагуль и осторожно изложить ей предлагаемый нами способ перехода границы. От нее будет требоваться одно: пусть заверит мюридов, что она не понимала их по недомыслию. А теперь согласна во славу ислама выполнить любое поручение уважаемого досточтимого муфтия. Если муфтий и Хайдар Хаджа захотят побеседовать с ней, пусть твердит: «Я к вашим услугам, если на то будет воля всевышнего. Сделаю, что прикажете, и возвращусь обратно».

При встрече с Кульджан Ишаном Мирза сообщил о необходимости подобрать двух-трех подходящих людей, которым будет выплачено хорошее вознаграждение за переправу человека муфтия через границу. Но об Айнагуль Мирза тогда не заикнулся.

Ей Мирза тоже ничего определенного не сказал. Однако незначительный короткий разговор смутил женщину.

«Что нужно этому человеку?» — думала она, принимая Мирзу за легкомысленного повесу, который ищет ее расположения.

Про себя она даже упрекнула его:

«Ведь я гожусь ему в старшие сестры, он еще так молод. Его уважают, видимо, он из богатой семьи. Неужели там, в Мешхеде, он не смог найти себе девушку помоложе? И почему он назвал меня сестрой? Ведь узбеки называют так только тех, кого уважают и кто им по-настоящему дорог и близок...»

Обычаи узбеков, живших рядом с ее родным аулом, были хорошо известны Айнагуль.

«Но ведь ничего плохого в его поведении я не замечаю, — продолжала рассуждать женщина. — Его глаза смотрят смело и открыто. В чем же дело?»

Прошло несколько дней.

Айнагуль сама была удивлена тем, что мысли о Мирзе не покидают ее. И сегодня, вращая ручную мельницу, она снова почему-то подумала о нем, размышляя о своей судьбе. Порой женщина бросала нетерпеливые взгляды в сторону открытых ворот: еще вчера ей с кривыми усмешками доложили о приезде Мирзы.

Показалась машина. На большом дворе маячили всего лишь несколько нукеров, чистивших лошадей, чинивших седла. Монотонные глухие звуки ручной мельницы нарушали тишину. Обменявшись приветствиями с нукерами, Мирза заметил Айнагуль. Звуки мельницы смолкли...

Как только Мирза приблизился, Айнагуль встала и полупоклоном приветствовала гостя. У себя в ауле она привыкла здороваться с мужчинами за руку. Здесь, в становище бандитов, это запрещено адатом. За это жестоко наказывают. А ей почему-то очень захотелось по старой привычке крепко пожать руку Мирзе. Она вовремя опомнилась. Только протянув руку, сразу же отдернула ее, прижала к груди и еще раз поклонилась.

Ответив на приветствие, Мирза (пока никого не было рядом) начал долгожданный разговор:

— На этот раз примите большой привет не от господина муфтия и не от меня, а от Зульхумар и Зульфикара...

Айнагуль едва устояла на ногах. Но, сделав невероятное усилие, она старалась сдержаться, прикрыв одной ладонью рот, а другой — глаза, полные слез...

— Ничего, ничего, выплачьте свою боль, на душе будет легче. А я перейду к новости, от которой вы должны радоваться.

Женщина, сделав еще одно усилие, отняла от лица руки и застыла в ожидании.

— Слушайте меня внимательно...

Мирза рассказал, стараясь сделать это как можно короче, о возможностях ее перехода через границу.

— Я готова сделать все, что вы прикажете...

— Учтите, Айнагуль-апа, малейшая ваша неосторожность будет стоить не только вашей, но и моей головы. — Он едва заметно улыбнулся. — Теперь вы в ответе не только за себя, но и за своего младшего брата. Понятно?

— Спасибо вам! Будьте спокойны. Вашу жизнь я сберегу, что бы со мной ни случилось...

— Ждите сообщения из Мешхеда. В течение этого месяца вас вызовут. Здешние не знают и не должны знать причины вашего отъезда в Мешхед. Об остальном переговорим при встрече. Он повернулся и направился к нукерам, спрашивая о Кульджан Ишане.

Вернувшись из поездки, Мирза рассказал муфтию о том, что Айнагуль согласна сопровождать человека Хаджи через границу.

— Так эту женщину звать Айнагуль?

— Да, муфтий-эфенди.

— Очень красивое имя... А сама? — муфтий хитровато прищурился.

— Не очень, — словно не замечая этого взгляда, ответил Мирза. — Смуглая, обыкновенная туркменская женщина, лет на десять-двенадцать старше меня...

Услыхав последнее замечание Мирзы, муфтий перестал улыбаться и уже серьезно спросил:

— Ведь говорят, женщине нельзя поручить настоящего дела, мулла Фархад?

— Однако она показалась мне смышленной и ловкой. И еще: Айнагуль богобоязненна и с большим почтением относится к вам.

Покачивая головой в знак согласия, муфтий продолжал задавать вопросы:

— Ей можно верить?

— Я-то еще молод, но думаю, такие ваши соратники, как Кульджан Ишан, Мулла Мухаммед, Нафас Ахун в ней не усомнятся.

— У нее есть родственники?

— В Джаргелане никого нет. Кульджан Ишан, кажется, хотел

сватать ее за кого-то. На советской стороне, клянется, кроме престарелой тетки, нет никого. Выбирать ей нечего: деньги, которые она будет здесь получать, на той стороне ей и не приснятся. Можете быть уверены: возвратится и еще не раз пойдет через границу.

— Ваша правда, мулла Фархад. Женщины очень хитры и коварны. Как говорят персы... — закинув голову, муфтий процитировал:

Древо женской хитрости сто корней имеет...

И небосвод проделок женских избежать не смеет.

Мирза перевел этот бейт на узбекский.

— Bravo, мулла Фархад, — воскликнул муфтий.

Они рассмеялись.

— Что ж, достаточно того, что найденная вами женщина хитра. Кстати, чем она сейчас занята?

— Она прислуживает нукерам в становище Кульджан Ишана и очень довольна своим положением — говорит, что попала из ада в рай. К тому же джаргеланские туркмены одного с нею рода. Мы договорились, что после выполнения задания инженер встретится с ней, и они вместе вернутся. Кульджан Ишану, сами понимаете, я подробностей не сообщил. Сказал лишь, что вам требуются люди.

Слушая Мирзу, муфтий с удовлетворением отмечал про себя, что его помощник набирается опыта. Кажется, все налажено неплохо...

Теперь нужно известить об этом Хайдар Хаджу.

— Почему бы вам не посетить его... — предложил муфтий. — Мне кажется, он будет рад.

ИНЖЕНЕР

Старый хлопок не станет ситцем, старый враг не станет другом.

Туркменская пословица

Хайдар Хаджа действительно встретил Мирзу с радостью. В домике из двух тесных комнат, с маленьким двориком, кроме него никто не жил. Хаджа, как он и говорил, был здесь совершенно одинок. В первой комнате стоял круглый стол, четыре мягких стула, в

углу кресло-качалка. Во второй — деревянная кровать и книжный шкаф возле письменного стола. Все напоминало о том, что в доме живет холостяк. Первая комната служила и гостиной. На видном месте висел портрет русского царя, а чуть ниже, в аккуратно застекленной раме, фотография группы царской армии и каких-то господ, судя по одежде, иностранцев. С потолка свисала лампа под красивым фарфоровым абажуром.

Когда Хаджа вышел похлопотать о чае, Мирза сел за круглый стол, на котором были небрежно разбросаны различные газеты: свежие номера белогвардейских изданий «Возрождение», «Последняя новость». На полке стояли ряды английских, немецких и французских книг.

Драгоман угощал гостя сам. Он заварил ароматный чай, подал сладости и фрукты.

— Уж не обессудьте! Одиночество... Одним словом, холостяк, — проговорил он извиняющимся тоном.

Мирза успокаивал старика:

— Все хорошо...

— Люди правы, называя меня скитальцем: мой жизненный путь очень сложен. За последние годы где я только не был: Япония, Америка, Франция, — он загибал пальцы, — Италия, Германия, Индия, Англия и еще несколько государств.

— Неужели такое большое путешествие было необходимо? — поинтересовался Мирза.

— От вас мне нечего скрывать... Судьба возложила на меня тяжелый крест. Я представляю «Союз борьбы за спасение России» в странах Востока.

Мирза понимающе кивнул: конечно, трудно, много дел.

— Ради благополучия Союза нужно было побывать везде, где есть русские белоэмигранты. Нас поддерживают великие державы, разумеется, не безвозмездно...

Да, Хайдар Хаджа являлся, по-видимому, видным человеком среди белоэмигрантов в Иране и восточных государствах. Таким же, как муфтий у эмигрантов-мусульман.

От имени муфтия Мирза сообщил, что он только что возвратился

из пограничного района и что просьба Хайдар Хаджи в основном выполнена.

— Выбрано удобное место для перехода.

Хозяин дома поблагодарил и осведомился:

— Кто будет сопровождать моего человека? Когда я смогу их увидеть?

— В любое время. Однако говорят, что со стороны Советов граница теперь охраняется как никогда. Поэтому мы, посоветовавшись с господином муфтием, решили в проводники вашему человеку дать женщину-туркменку. Как по-вашему? Нам кажется, это вызовет меньше подозрений.

Хаджа задумался.

— Как будто неплохо, — наконец заговорил он. — Муфтий никого не пошлет без тщательной проверки. Мне не раз приходилось удивляться проницательности и предусмотрительности господина Садретдинхана. Не сомневаюсь, что наш Иванов благополучно возвратится, выполнив задание.

Хаджа в первый раз назвал фамилию. В таком хорошем настроении он, может быть, еще о многом расскажет.

Мирза подобострастно смотрел на «великого человека».

— Я уже давно работаю в содружестве с англичанами, — продолжал хозяин дома. — Они зря не тратят силы и деньги. Если начинают с кем-либо сотрудничать, то надолго. От них не так легко отказаться...

Хаджа не без гордости долго рассказывал гостю о своих связях с давними хозяевами.

— Еще в восемьдесят восьмом году я встречался с господином Керзоном. Сообщенные мною кое-какие данные о Бухаре пришились ему по душе. С тех пор англичане обратили на меня внимание и часто пользуются моими услугами. — Подавая чай, он спросил: — Не скучно слушать старика?..

— Разумеется, нет! — воскликнул Мирза.

— Позже, благодаря моему посредничеству, англичане доставили эмиру бухарскому немало караваном оружия. Один из последних караванов летом 1919 года сопровождали два офицера майора Бейли.

Вслед за ними господин Бейли сам приехал в Бухару и остановился у меня в доме. Кстати, наш уважаемый господин муфтий как раз в это время и познакомился с Бейли. А мне в последний раз удалось встретиться с этим смелым разведчиком в Иране...

Хайдар Хаджа задумчиво посмотрел на Мирзу и хитро улыбнулся.

— Я к вам очень расположен и считаю вас земляком и сыном, — продолжал Хайдар Хаджа. — Было бы великолепно, если бы вы перешли от муфтия ко мне. Мы вас не обидим. Если согласитесь...

— Польщен столь лестным предложением! — горячо перебил Мирза. — Но господин муфтий, наверно, будет очень недоволен... И потом это, по-моему, не совсем этично... — скромно ответил Мирза.

Хайдар Хаджа посмотрел на молодого человека, учтливового, вежливого, образованного... Конечно, хорошо бы иметь такого помощника.

— Самаркандцы бывают очень преданными... — улыбнулся Хаджа. — Я просто высказал свое желание. Надеюсь, это не станет известно муфтию. При его бешеном фанатизме и самолюбии...

— Нет... Конечно, нет... — успокоил гость и тут же поднялся. — К сожалению, уже поздно... По улицам Мешхеда в такое время не совсем безопасно прогуливаться.

— Вы правы, — согласился Хаджа. — Но задержу вас еще на одну минуту. Я ведь обещал вам кое-что показать, помните?

И Хаджа пригласил Мирзу в соседнюю комнату.

Из-за марлевой занавески он достал зеленый суконный френч, на левой и правой стороне которого сияли ряды золотых орденов русского императора, эмира Бухары, султана Турции и шахиншаха Ирана.

— Все это получено за выдающиеся заслуги и сейчас служит лишь отрадой для сердца. Но вам, — вы сейчас ко мне ближе, чем дети, — вам, как в своем завещании, хочу сказать, что я плоть от плоти мусульманин, хотя многие упрекают меня в приверженности к белому царю и Европе. Поэтому, если вдруг ударит мой час, во имя всевышнего исполните мою просьбу: захороните меня как полагается по-мусульмански...

Хайдар Хаджа открыл сундук и вынул белую материю:

— Вот это я приготовил для савана. В Мекке окропил ее в воде зам-зам.

Дыхание старика стало прерывистым, в глазах появились слезы.

— Шах и нищий, раб и деспот — все одинаково повинуются аллаху и расстаются с душой, когда пробьет час смерти, — продолжал Хайдар Хаджа. — Лишь чувствуя надвигающийся холод могилы, человек понимает, что жизнь прожита не так. Но... поздно! Раскаяние бесполезно...

Провожая Мирзу из гостиной, Хайдар Хаджа извинился.

— Старый болтун, сколько отнял у вас времени своими разговорами! Помните: мой дом — ваш дом. В любое время буду рад вас видеть. Передайте привет господину муфтию.

— Обязательно передам... — пообещал Мирза.

— Завтра после вечерней молитвы я нанесу ему визит, — сказал Хайдар Хаджа на прощание. — Я приду с человеком, которого мы хотим послать в Советский Союз. Надеюсь, вы будете присутствовать при нашей беседе...

На другой день муфтий и Мирза с уважением встречали двух гостей, вошедших в худжру. Муфтий свободно заговорил с ним по-русски, когда Хайдар Хаджа представил ему своего спутника — голубоглазого, с льняными волосами, по виду интеллигентного человека:

— Николай Иванов...

Муфтий знал, что гость, в прошлом белогвардеец, эмигрировал в Мешхед и был привлечен к деятельности на новом поприще Хаджой.

Драгоман без лишних слов перешел к делу:

— Как я вам уже говорил, нашим друзьям из английского консульства стало известно, что Советы прокладывают новую дорогу на Памире. Теперь наши друзья хотят узнать ее потенциальные возможности. Для выполнения задания мы выбрали господина Иванова: у него инженерное образование. Мы пришли к вам, господин муфтий, за благословением...

Конечно, Хайдар Хаджу интересовало не столько благословение муфтия, сколько конкретный план перехода границы, но об этом он

пока промолчал. Между тем Иванов, увидев, с каким почтением разговаривает с имамом драгоман, в последний раз попытался спасти свою шкуру. Он принял муфтия за доброго святого:

— Будет лучше, господин муфтий, — пробормотал он, — если вы освободите меня от этой миссии и пошлете кого-нибудь из мусульман. Ведь мое появление там сразу обратит на себя внимание...

Хаджа, сверкнув глазами, прикрикнул на Иванова:

— С вами, по-моему, все решено окончательно! Вы не ребенок, господин офицер! Или же... — в его голосе послышались угрожающие нотки.

Муфтий многозначительно посмотрел на Иванова, прохрипел вместо благословения:

— У вас нет иного пути, господин Иванов!

Поняв, что имам ничем не отличается от Хайдар Хаджи, инженер окончательно сник. Чтобы хоть как-то подбодрить его, муфтий и Хайдар Хаджа стали веселым тоном давать ему различные советы. Они говорили о том, что будут переправлять его не как обычно, через Ширван, Кучан и Буджнурд, а в районе Серакса и для большей безопасности посылают с ним женщину туркменку. Через границу их поведут два вооруженных человека.

— Какие у вас будут вопросы? — спросил муфтий у Иванова.

— Я военный человек... Если произойдет непредвиденная встреча с пограничниками, живым сдаваться не хочу. Желательно, чтобы у меня был наган...

— Ну, это несложно! Завтра можете выбрать любое оружие... — усмехнулся Хайдар Хаджа.

...Прошло двенадцать дней. Вначале два нукера, а за ними Айнагуль были вызваны в Мешхед.

Женщину встречал Мирза... Он же отвел ее в «Туркман сарай» на улице Поян-хиабан. В одной из комнат этого постоянного двора и произошло знакомство Айнагуль с муфтием и Хайдар Хаджой. Они лично провели инструктаж. С нукерами Кульджан Ишана беседа состоялась в худжре имама. Но лишь у самой границы они встретились с Айнагуль и узнали, что она будет переходить вместе с

Ивановым.

Всем четверем предстояло пройти до Каахки, а дальше Иванова должна сопровождать одна Айнагуль. После этого она возвращается к определенному месту, где ее будут ожидать нукеры.

Границу переходили в полночь, когда вокруг царила настороженная тишина. Шли гуськом — след в след, стоило хрустнуть веточке, как все сразу прижимались к земле. Но в пути не встретилось ни единой живой души: здесь, в песчаных барханах, не ступала нога человека... Пройдя значительную часть пути, Айнагуль зашагала уверенней. Ее спокойствие невольно передавалось Иванову.

Вскоре сопровождающие, пожелав им счастливого пути, пошли обратно и сразу же исчезли из виду.

Издалека доносились уже крики петухов, возвещавших о начале нового дня. Путники дошли до родника с прозрачной, как слеза, водой. Вокруг теснились густые заросли и шелестели листвою морщинистые карагачи. Восток все смелее прорезала голубая полоска. Иванов опустился на корточки у родника. Но не успел он поднести к губам ладони с водой, как из зарослей раздался крик:

— Руки вверх!

Оцепеневший инженер так и остался сидеть, словно статуя, медленно поднимая руки, с которых струйками стекала в рукава вода...

Уже наступило утро, когда Иванова привели в комендатуру. Вслед за этим конные гонцы, посланные с границы, сообщили, что ранены и взяты в плен нукеры.

Айнагуль пограничники с уважением и почетом проводили до родного аула.

РАЗДОР

У заклинателя индийских змей
Базарный вор, по глупости своей,
Однажды кобру сонную стащил —
И сам убит своей добычей был.

Руми

Хайдар Хаджа не находил себе места в ожидании вестей. Он ежедневно появлялся то в худжре муфтия, то в английском консульстве.

Зря, зря хвастался он перед хозяевами! Через некоторое время пришло сообщение о том, что все четверо посланных погибли во время перестрелки с советскими пограничниками. Однако Хайдар Хаджа и муфтий делали вид, словно ничего не случилось. Оба они уже как-то свыклись с подобными сообщениями. Ведь Иванов был не первой и не последней жертвой.

А хозяева должны понять, насколько труден стал переход через границу.

Иначе посмотрели на исчезновение Айнагуль и двух нукеров в становище Кульджан Ишана.

Отношение туркменских эмигрантов к муфтию изменилось. Они подозрительно встречали его ближайшего помощника Фархада Али Заде.

Но если сам Кульджан Ишан старался скрыть недовольство и не вступать в борьбу с имамом, то Мулла Мухаммед и Нафас Ахун были настроены враждебно.

Всю злобу они решили выместить на Мирзе, считая его основным виновником гибели своих друзей.

Иметь врагов в становище туркменских эмигрантов было опасно. Мирза побывал у Хамадани, попросил совета. Тот связался с Центром советской разведки и вскоре ознакомил Садыкова с принятым решением.

— Их необходимо уничтожить! Таков приговор Родины... Все равно рано или поздно это должно стать участью всех оголтелых убийц и предателей. Выполнение приговора, то есть уничтожение Муллы Мухаммеда и Нафаса Ахуна, поручено вам.

— Хорошо. Я подумаю, как это лучше сделать.

Нужно было торопиться: Мулла Мухаммед и Нафас Ахун в любой момент могли причинить большие неприятности. Но также необходимо было взвесить все до мелочей: малейший неверный шаг может стать поводом к раскрытию тайной войны, которую он ведет.

Вспомнилась Айнагуль. Кажется, Кульджан Ишан, Нафас Ахун и Мулла Мухаммед хотели сделать ее женой этого бандита Дурды? Надежды его развеялись в прах. Дурды так и не привел в свою уютную, холостяцкую юрту красивую жену и теперь был зол на весь мир. А что если использовать эту ненависть головореза, которому сейчас свет не мил? Отчего бы не восстановить Дурды против хозяев, обманувших его надежды?

Мирза зашел к муфтию.

— Накопилось немало номеров «Ёш Туркестан», да и брошюры, полученные из Берлина, Парижа, Стамбула, нужно разослать. Вы как-то говорили, что следует поехать в Гунбеде-Кабус? Не настало ли время для этого?

Муфтий взглянул на Мирзу:

— Очень хорошо. Я и сам хотел напомнить.

— Значит, завтра или послезавтра я поеду?

— Как гласит пословица, все, кроме смерти, лучше всего делать не откладывая... — весело ответил муфтий. — Завтра же выезжайте. Сначала заедете в Ширван, затем загляните в Буджнурд, соберите последние новости, а оттуда проедете в Гунбеде-Кабус.

— Больше никаких поручений не будет?

— На этот раз достаточно. Вам и так понадобится для поездки не меньше недели.

Мирза, поклонившись, вышел.

На рассвете следующего дня он двинулся в путь. Ненадолго задержавшись в Кучане и Ширване, он прибыл в Джаргелан.

Как обычно, Мирза остановился у Кульджан Ишана. Приезжая сюда, секретарь муфтия раньше всякий раз заглядывал в сарай, разговаривал с нукерами, встречался с Айнагуль. На этот раз ее уже не было. А нукеры увели своих коней на водопой к ручью.

Вероятно, Дурды тоже там.

Когда Мирза подошел к ручью, нукер сидел в стороне от товарищей, стреножив своего коня, и молча смотрел на воду. Мирза, поздоровавшись со всеми, подошел к Дурды.

— Салам, Дурды-ага! — приветствовал он. — Что это вы уединились?

Поглощенный своими мыслями, нукер вздрогнул, резко обернулся к Мирзе и торопливо встал. Мирза поздоровался с ним. Внимательнее, чем обычно, расспросил о делах, передал привет от муфтия.

— Спасибо, что вспомнили...

Они уселись на траву.

— Вы спрашиваете, почему я один? Одинокому всевышний собеседник...

— Но почему на вашем лице написана скорбь?

— Нет, я так...

— Или же одолевают заботы перед свадьбой? Так вы не беспокойтесь, если что нужно, поможем всей душой.

— О какой свадьбе говорите, эффенди?

— Как?.. Я же приехал с надеждой погулять на свадьбе. Что же здесь краснеть — вы не девушка.

— Э, эффенди, когда у судьбы я друга молил, мне меч она вручила... Так что единственный друг — оружие мое. О жестокая судьба... — Дурды неожиданно заскрипел зубами.

— А как же Айнагуль? — удивленно спросил Мирза, кивнув в сторону становища. — Кажется, обо всем было договорено? Я даже господину муфтию рассказал...

Дурды сорвал папаху с головы, с остервенением ударил ею о землю. Глаза налились кровью, кончики усов вздрагивали, голос дрожал.

— Да о чем вы спрашиваете, господин? Для чего рвете мою рану, мне и так жизнь не сладка! Вот уже более десяти лет я нукер у этих курбашей... Все для них делал! Играл со смертью, ходил на ту сторону... Сколько голов привозил из туркменских аулов, не говоря уже о богатствах... Вы думаете, легко переходить границу? — Нукер вздохнул и глухо закончил: — А жизнь идет, Айнагуль была моей последней, единственной надеждой. Я же должен и для себя немного пожить, мне уже как-никак за сорок...

Мирза внимательно следил за ним.

— Я ничего не понимаю, скажите, в чем дело? Неужели не смогли уговорить Айнагуль?

— Все мечты мои оказались напрасными. Я вручил свою судьбу в руки аллаха. Курбаши отобрали все богатство, привезенное из-за границы... Теперь лишили и Айнагуль...

— Не может быть! Неужели ее сосватали за другого?

— Как бы не так! Пусть только посмели бы... Они ее куда-то спрятали.

Мирза, словно выражая сострадание Дурды, придвинулся ближе, положил руку ему на плечо:

— Погодите, Дурды-ага, расскажите все по порядку, пожалуйста. Я вам очень сочувствую. Как можно обидеть такого смелого джигита! Если об этом прослышит господин муфтий, он будет очень недоволен.

— Пусть его гнев падет на головы моих обидчиков! — прервал Дурды. — С большими надеждами готовился я к свадьбе. Помните, в каждый свой приезд встречали меня в сарае или на конюшне. Я старался быть поближе к Айнагуль. Она ухаживала за нукерами, стирала одежду, штопала, готовила обед. Я ее любил по-настоящему...

— Но ведь сам Кульджан Ишан как-то говорил мне, что Айнагуль сватают за вас!

— Сам знаю об этом. Поэтому верил.

— Так куда же отправили Айнагуль?

— Я же говорю, спрятали... Провалилась ли сквозь землю, в небеса ли поднялась, не знаю. Станут они со мной советоваться...

— Она ведь из вашего рода, и ей обязаны были создать семью!

— Но я-то из другого рода... — вздохнул Дурды.

— Ах, вот в чем дело!

— Нет, не только в этом... Они просто не хотели, чтобы я обзаводился семьей.

— Кто? Почему?

— Я думаю, Кульджан Ишан. Ему нужен одинокий нукер, не обремененный семьей, чтобы в случае чего не оставалось следов и не было лишних хлопот...

— Нет, я не могу подозревать Кульджан Ишана. Он, по-моему, не может отказаться от своего обещания.

— Но кто же тогда способен на это?

Мирза задумался, поглядывая на собеседника.

— Мне кажется, зло нужно искать в другом месте... — наконец проговорил он.

— Где? — почти крикнул Дурды.

— Что вы думаете о Нафас Ахуне и Мулла Мухаммеде?..

Дурды, словно голодный волк, почуявший запах добычи, приподнявшись, в упор посмотрел на Мирзу:

— Что я думаю об этих дармоедах, которые присваивают большую часть добычи, привозимой нукерами! Только дают благословения, посылая на смерть... Там хоть пропадай, выкручивайся, как можешь.

— Вы правы, но я не об этом спрашиваю. Нафас Ахун и Мулла Мухаммед, между нами говоря, известны своей жадностью, да и вообще ведут они себя нечестно, Мне кажется, господин муфтий тоже недоволен этим... Я думаю, они спрятали куда-нибудь Айнагуль, а может быть, и продали ее.

— Вы так думаете?

— Я как-то слышал их разговор об Айнагуль, — уклончиво сказал Мирза. — Но если господин муфтий узнает о том, что они вас обидели, он с них шкуру спустит!.. — Мирза затрагивал самое болезненное место Дурды. Следовало воспользоваться тем, что нукер уважал муфтия.

— Если Айнагуль отняли у меня эти шакалы, то господину муфтию не стоит утруждать себя... Я не только шкуры с них спущу, а и головы оторву. Для меня это простое дело. Не раз приходилось...

Дурды закипал. А Мирза продолжал подливать масло в огонь.

— Нам известна ваша храбрость. Единственное, что я могу вам сказать: господин муфтий был бы только доволен.

— Так, значит, дело за мной?

— Но об этом только знаете вы и бог... А Кульджан Ишан здесь, мне кажется, ни при чем...

Важные поручения муфтия, выбор нукеров для перехода через кордон держались в строгом секрете. Вызов Айнагуль в Мешхед тоже не был предан огласке. Один Кульджан Ишан знал о ее поездке, но и

он не ведал, для чего и куда послал Садретдинхан женщину.

— Проклятые нечестивцы... — кусал губы Дурды. — Клянусь, они узнают, что такое моя месть. И пикнуть не успеют. Сделаю так, что следов не останется. А сам брошу эти места.

— Куда же вы хотите поехать? — спросил Мирза.

— Куда судьба поведет...

— Помните, — проговорил Мирза торжественно, — подняв меч мести, вы можете рассчитывать на защиту господина муфтия. Перед отъездом мы долго с ним беседовали, и хотя чего-либо определенного господин Садретдинхан не говорил, я постарался угадать его мысли.

— Туркменский джигит никогда не отказывается от своих слов. А ведь я поклялся! Да пусть отравой мне будет материнское молоко, если...

— Может, когда-нибудь станет известно об Айнагуль?

— Нет, теперь мне ни она, ни жизнь не нужны. Мы умеем мстить!

— Даст бог, с вами ничего не случится. Но — никому ни слова. Договорились!

— Будьте спокойны, мой эффенди.

Они распрощались.

Мирза возвратился во двор Кульджан Ишана. Дурды еще немного постоял у ручья, а потом взял коня за повод. Нукер ступал тяжело, медленно, низко опустив голову, словно не мог поднять ее. За ним, вытянув лебединую шею, так же медленно вышагивал красавец скакун.

Не прошло и полмесяца, как Джаргелан всколыхнулся, словно потревоженный улей. Еще бы! Неожиданно исчезли Мулла Мухаммед и Нафас Ахун. Исчезли в одну ночь. Кульджан Ишан и другие джаргеланцы узнали об этом лишь на следующие сутки. Повсюду были разосланы нукеры, но никаких следов обнаружить им не удалось.

По поводу необычного события распространились всевозможные слухи. Одни говорили, что Мулла Мухаммед и Нафас Ахун, вероятно, уехали в Тегеран или в Мешхед на поклонение имаму Ризе. Другие твердили, что помощникам Кульджан Ишана, видимо, надоела жизнь на чужбине и их потянуло в родные края. Третьи утверждали, что

просто какие-то умелые головорезы ловко справились со своим делом. Сам Кульджан Ишан был уверен, что это дело рук муфтия, но не хотел ссориться с имамом и крепко держал язык за зубами, лишь усилил охрану становища. Об исчезнувшем нукере Дурды в суматохе забыли.

Как раз в эти беспокойные дни Хан Казы возвратился из Буджнурда, куда уезжал по приказу Джаббар Кули Ага. Зная, для каких дел использует Хана Казы муфтий, многие связали исчезновение Муллы Мухаммеда и Нафаса Ахуна с этой его поездкой. Отношение к муфтию стало весьма враждебным, и не без помощи Мирзы. В свою очередь он постарался встретиться с Хан Казы и рассказать ему о недовольстве в туркменском становище.

Вражда постепенно разгоралась.

Не навлекая на себя и тени подозрений, Мирзе удалось направить против муфтия его главных пособников и сторонников, возбудить в них злобу и недовольство своим духовным наставником, столкнуть между собой главарей эмиграции. Это было большой удачей разведчика.

Услышав о том, что Мулла Мухаммед и Нафас Ахун пропали без вести, муфтий был поражен и по старой привычке начал сыпать проклятия на головы большевиков.

— Это несомненно дело рук русских шпионов, — горячо доказывал он. — Выкрасть двух наших преданных людей! Пусть только попадутся...

Мирза, как всегда, поддерживал муфтия, но при каждом удобном случае старался подлить масло в огонь раздора.

Муфтий начал задыхаться в Мешхеде, явно чувствуя, как сужается кольцо окружающей его вражды и недоверия. И он, словно лисица с зажатым в капкан хвостом, заметался в поисках выхода. Только новыми делами имам мог восстановить свой авторитет.

О всех его планах Мирза продолжал докладывать Хамадани. На одной из встреч доктор от имени руководства Центра поздравил Садыкова с успешным завершением операции в Джаргелане. Затем, перейдя на шуточный тон, Захид сказал:

— Ваша айна гуль²⁹ благополучно возвратилась на родину к друзьям, к семье и шлет огромную благодарность.

— Я рад, что цветок не завял в пустыне, а очутился на родной почве, — улыбнулся Мирза в тон доктору. — А теперь о новостях... Хайдар Хаджа всю старается оправдаться перед хозяевами. Он нашел новую кандидатуру.

— Кто это?

— Константин Владимиров... Русский, двадцати семи лет. Окончил университет в Ташкенте. Наслушавшись о благах райской жизни за границей, бежал в Иран. Здесь, в Мешхеде, бедствовал, не мог найти работу и попал в руки Хаджи. Жил в последнее время на подачки «Союза борьбы за спасение России».

Хамадани внимательно выслушал и сказал:

— Кандидатура для них наиболее подходящая.

— Сначала его обрабатывали в антисоветском духе, — продолжал Мирза, — а затем стали готовить к выполнению задания.

— Что он из себя представляет? — спросил Хамадани.

— Пока неизвестно. Выяснится при посещении муфтия.

— Когда?

— На этой неделе. Фотографии Владимирова будут послезавтра. Надеюсь, что подготовлю о нем более полные данные.

— До послезавтра... Желаю удачи.

К концу недели Хайдар Хаджа явился с Константином Владимировым к имаму за традиционным благословением. Здесь окончательно решались вопросы о дне перехода, о проводнике.

Константин отчаянно трусил, однако отказаться от задания английской разведки уже не мог. Хаджа сделал все возможное, чтобы молодой человек даже не попытался шагнуть назад.

С благословения муфтия английский агент Джаббар Кули послал с Константином своего человека. Границу опять пересекали на горном участке напротив Серакса. Не раз ходивший здесь и отлично знавший эти места проводник с большим трудом возвратился назад.

Владимиров же «пропал без вести». Как и Иванову, чекисты

---

²⁹ Айна гуль — (игра слов) чистый цветок.

оказали ему достойный прием.

Следовавшие один за другим провалы возбуждали у муфтия и Хайдар Хаджи чувство нервозности. Мирза постарался использовать их неприязнь друг к другу.

Черная тень подозрительности прочно легла между имамом и Хайдар Хаджой.

Муфтий решил поделиться мыслями со своим помощником. Слушая рассказ Мирзы о последнем посещении драгомана, Садретдинхан сощурил глаз:

— Вы, видно, очень скоро нашли общий язык с земляком, а, мулла Фархад?

Мирза, ждавший подобного вопроса, ответил:

— Не совсем... Он делился своими горькими мыслями, жаловался на судьбу.

— Видимо, неудачи в работе сказываются на его настроении, и он решил поговорить с вами по душам.

— Ну, в этом отношении нам тоже не очень-то весело. Я ведь вижу: вас в последнее время что-то гнетет — и не могу оставаться равнодушным.

— Спасибо! Вы правы. Упреки, которыми осыпал нас Хайдар Хаджа, как соль на рану от горьких выговоров господина Чокаева. Этот идиот Хаджа хочет отыграться на мне за пощечины, отпущенные ему хозяевами. Он дал много обещаний, выудил у них большие деньги. Теперь бесится, бросая тень подозрения на вас и на меня.

Муфтий хитро затягивал Мирзу в болото дрызг. Но тот не растерялся.

— Все преклоняются перед вашим пронизательным умом. Я думаю, от вашего взора не ускользнуло поведение Хаджи. Как ни скрывает он презрение и надменность, даже мне они заметны. Конечно, учителю виднее, чем его ученику...

— Хош, если вам что-то стало известно, почему вы откровенно не скажете мне об этом?

— Я просто не хотел вас огорчать. Не могу себе позволить лишний раз расстроить вас.

— Ребячество! Разве мало неприятных событий, которые сейчас происходят вокруг! Найдешь корень зла — избавишься от него.

Мирза невозмутимо заговорил:

— В самом деле, провал Владимирова вслед за неудачей Иванова и в то же время благополучное возвращение проводника не может не возбудить подозрений. Я сам не слышал от Хайдар Хаджи что-либо относительно вас. Но он почему-то пытается переманить меня к себе. Так и заявляет: «Оставьте муфтия, переходите ко мне. Будем вместе работать. Не пожалеем». Правда, он предупредил меня, чтобы это не было известно вам.

Муфтий вспыхнул:

— У-у-у, проклятый гяур! Неужели этот человек без веры и племени позволил себе такое? Сам он не так уж опасен, но страшен тем, что будоражит веру других. Я никогда не питал к нему чувства симпатии, Но, к сожалению, мы подвластны одной, силе. Не будь этой силы, я уже давно бы утихомирил поганца в «Дашт-и-Туркман», благо Хан Казы и Кульджан Ишан — великолепные мастера своего дела... Получил бы по заслугам...

А Мирза, осторожно отводя от себя тень подозрения, все больше разжигал муфтия.

— Вот вы здесь говорите — «Дашт-и-Туркман», Хан Казы, Кульджан Ишан... А мне вспоминаются теперь кое-какие не вполне понятные их действия...

— Для меня это новость! Однако в последние дни они и меня беспокоят. Что же вы увидели подозрительного? — муфтий с нетерпением ждал ответа.

— Дело в том, — сказал Мирза, — что после вашей последней поездки в Кучан, Буджнурд и Гунбеде-Кабус, Хан Казы тоже проехал по этим пунктам, предварительно встретившись с Джаббар Кули. Вы это, конечно, помните. Вслед за этим с вашего разрешения и по вашему поручению я также посетил эти районы. Но те факты, которые я установил, никак не вяжутся с преувеличенными сообщениями Хан Казы. Я думаю, неспроста встречались Джаббар Кули и Хан Казы.

— Хош, хош, продолжайте. Ваши слова заставляют меня

задуматься и совпадают с некоторыми моими собственными догадками...

— Мне кажется, все ссылки на трудности перехода границы — лишь повод для того, чтобы выколотить у вас как можно больше денег. И еще я должен обратить внимание на такой факт... Возможно, кто-то стремится использовать в своих целях ваши проповеди, обращенные к туркменским эмигрантам. Кульджан Ишан и другие руководители в хороших отношениях с полковником местной полиции сархангом Исмаилом. Я об этом также уведомлял вас, господин, после своей первой поездки. Возможно, у них свои дела и планы, неизвестные вам...

— Все сказанное недалеко от истины, — кивнул муфтий. — Лидеры туркменской эмиграции, мне тоже кажется, меняют отношение к нам, начинают увиливать от работы в «Милли истиклал». От людей, которых мы засылаем через границу, нет никаких известий, результатов их работы не видно. Потому мы в опале у хозяев и не можем запрашивать дополнительных средств. Да еще туркмены платят неблагодарностью, плетут интриги за спиной. Это особенно возмутительно. Но самое страшное — предательство Хайдар Хаджи. Я думаю, в том, что кое-кто отворачивается от нас, чувствуется рука этого негодяя. Когда шайтан впутывается в твои дела, они обречены на провал.

Мирза внимательно слушал откровения муфтия и видел, как его лицо покрывалось красными пятнами гнева.

— Положение воистину не из легких, — только и сказал Мирза.

— Да, все очень усложнилось... Однако мы должны найти выход из этого круговорота! — И уже увереннее муфтий заключил: — С божьей помощью найдем!

Хотя он в душе ненавидел и презирал Хайдар Хаджу, считая его приверженцем всего европейского и русского, оба они, когда дело касалось антисоветской деятельности, продолжали работать в полном согласии.

Даже намек на раздор внешне не было видно.

Пройдет довольно много времени. Муфтий уже уедет из Мешхеда, когда оставшийся в одиночестве со своими горестями и

заботами Хайдар Хаджа скончается. По дошедшим до муфтия и Мирзы слухам, над телом драгомана не будет прочитана заупокойная молитва и Хайдар Хаджу не завернут в саван, окропленный водой зам-зам.

— В сущности он и был похож на христианина, этот вероотступник! — только и скажет Садретдинхан.

Муфтий даже не произнесет в память своего коллеги обычной заупокойной молитвы, полагающейся при получении подобной вести. Однако будет выражено соболезнование по поводу того, что «английская разведка потеряла большого человека, который являлся Мехтарбадом Ялдои Самарканди³⁰ современности».

АМЕРИКАНЕЦ

Змея меняет кожу, но не меняет нрава.

Персидская пословица

Знойный день южного лета свернул в трубочку листву. Мешхед накален, как тандыр. От стен и земли пышет жаром. Кто согласится приехать сюда в такое время? Но если очень нужно?.

В один из дней душного лета 1933 года, переплыв океан, из далекой Северной Америки прибыл элегантный толстяк. Остановился он в гостинице «Мешхед», представившись торговцем. Администратор попытался с трудом объясниться по-английски. Но гость, взглянув на него с усмешкой, заговорил на чистом фарси.

— Мне нужен номер люкс.

— Господин один?

— Один.

Администратор с удивлением рассматривал великолепный европейский костюм.

— Простите, я принял вас за американца и решил, что вы говорите только по-английски.

— Вы ошиблись. Благодарение аллаху, я мусульманин.

Это признание еще больше удивило служащего. Он не отрывал

---

³⁰ Мехтарбад Ялдои Самарканди — легендарный шпион, который, согласно преданию, оказал большую помощь арабским полководцам в завоевании Средней Азии и насаждения ислама.

взгляда от светловолосого, голубоглазого, с округлым лицом гостя. На мусульманина приезжий не был похож. Администратор помнил, что чрезмерное любопытство не к месту: здесь обычно не требовали паспорт или другие документы; однако он не выдержал и несмело спросил:

— Позвольте узнать ваше имя?

— Захидулла! — ответил густым баритоном гость.

— Пожалуйста, господин Захидулла, проходите...

Устроившись в душевной гостинице, приезжий за два дня обошел улицы и базарные площади города, побывал во всех торговых рядах. Он встречался с мелкими лавочниками и видными купцами, выдавая себя за торговца каракулем. Хотя в Мешхеде вообще не было смушек, гость говорил как оптовый покупатель этого товара. С местными торговцами он свободно объяснялся на фарси, туркменском и тюркском, а встречаясь с крупными купцами и маклерами, переходил на французский и английский.

Вскоре весь торговый мир Мешхеда знал, зачем пожаловал сюда заокеанский гость. Чувствовалось, что этот человек способен заключить крупную сделку. Но, к его большому сожалению, необходимого ему каракуля в городе не оказалось.

На самом деле господин Захидулла и не думал о смушках. Не для этого он появился в Мешхеде. Заокеанскому гостю в святом городе нужен был совсем другой «товар». Но не мог же американский гражданин сразу броситься на поиски необходимых людей!

Только на третий день иностранец свернул на Арк, хотя на этой улице не было никакого базара.

Походкой прогуливающегося человека, в шляпе, в европейском костюме, он направился в мечеть суннитов. Ему нужен был муфтий Садретдинхан.

Мирза выходил из своей худжры, когда в мечети появился незнакомый человек. Остановив Мирзу, он заговорил по-тюркски:

— Могу ли я повидать господина муфтия?

— Милости прошу! Муфтий здесь, в своей худжре... — И секретарь повел за собой важного иностранца.

Мирза, конечно, почувствовал, что приезжий господин заглянул в

мечеть не ради любопытства. Судя по одежде и по поведению, это был тот самый гость, о появлении которого Садретдинхан так мечтал в последнее время.

Измученный исходом последних событий, удрученный бесплодностью огромных усилий, которые он тратил, муфтий теперь почти не выходил из своей худжры.

Нужно было видеть, какой радостью засверкали глаза у старика. Он поднялся и стремительно шагнул навстречу долгожданному гостю:

— Захидулла!..

Обнимая иностранца, муфтий все еще не мог поверить, что в его худжре наконец появился человек с доброй вестью. Наверное, с доброй... Иначе зачем этот татарин Захидулла Агишев приехал бы из далекой Америки? Значит, муфтий Садретдинхан еще кому-то нужен! О нем вспомнили!

Много вопросов у Садретдинхана, но теперь он не будет их задавать. Гость все скажет сам. Сегодня же. Сейчас...

— Как вы доехали?

Захидулла поблагодарил муфтия.

— Где остановились?

Иностранец ответил на вопрос и в свою очередь поинтересовался жизнью и здоровьем многоуважаемого муфтия.

Садретдинхан пробормотал что-то о милостях аллаха, не сказав ничего определенного. Затем он представил гостю Мирзу:

— Это мой юный друг и ближайший помощник.

Обычно имам сразу же знакомил гостей с присутствующими в худжре людьми. Это делалось не ради приличия, а для того, чтобы дать понять гостю, о чем можно разговаривать.

Опытный разведчик, Агишев понял муфтия и, теперь не стесняясь, передал ему привет от вашингтонских друзей.

Садретдинхан оживился, Беседа входила в нужное русло.

— Как поживают господа Роджер и Шоу? — поинтересовался он. — Мы очень подружались в Ташкенте, и я возлагал на них большие надежды. Однако безжалостная судьба разбросала вас... Хорошо, еще не забыли своего покорного слугу...

Возможно, американцы и не передавали Садретдинхану личных приветов, но и Роджер Тредуэлл, бывший генеральный консул в Ташкенте, и его помощник Шоу несомненно дали соотечественникам положительные отзывы о муфтии.

— Я очень рад, что нас не забыли... — повторил Садретдинхан.

Он был возбужден. То и дело поглядывал на Мирзу, будто хотел сказать: «Вот и мы оказались нужными людьми... И к нам прислали заокеанские господа своего посла».

Мирза улыбнулся в ответ, давая понять, что он разделяет радость муфтия.

Конечно, беседа с Захидуллой не касалась иранских базаров и торговли каракулем: Агишева интересовали иные вопросы. По его просьбе муфтий подробно изложил свои соображения о республиках Советского Востока, о деятельности «Милли истиклал», судьбе мусульман-эмигрантов и работе среди них.

Сообщенные им сведения о Советском Узбекистане были устаревшими: его агенты доставили их давно, да и собраны они были как бог на душу положит — где вымысел, а где чистейшая клевета. Что искренне и неподдельно звучало в рассказах муфтия, так это яростная ненависть к советскому народу, к республикам Средней Азии, к Москве.

— Мы никогда не потеряем веру в нашу победу, — говорил он. — Везде, где только возможно, будем копить силы и готовиться. Если нам помогут американские друзья, пламя этой борьбы разгорится еще ярче.

Эти слова понравились Агишеву. Казалось, он приехал ради того, чтобы услышать их. Во всяком случае толстяк сразу же подхватил:

— Самым верным путем в вашей борьбе за свободу мусульман Востока от коммунистического ига является сотрудничество с Америкой. Было бы хорошо, если бы вы и впредь держали с нами постоянную связь. Как вам известно, в Мешхеде нет американского консульства, и можно было бы считать неофициальным консулом вас... — улыбнулся Захидулла.

— Очень буду рад. Я никогда не отказывался от служения на поприще процветания веры и нации... — напыщенно сказал

муфтий. — Любое задание, возложенное на меня деятелями великих держав, — большая честь... Мы сделаем все, что в наших силах.

Удивительно мог говорить Садретдинхан! С какой гордостью он произнес последнюю фразу! Но в то же время муфтий постоянно давал понять: помните, мы нуждаемся в поддержке, в постоянной помощи...

Агишев почувствовал это.

— Будем говорить откровенно, господин муфтий, — предложил гость.

— Пожалуйста! — с улыбкой поклонился муфтий.

— Англичане не зря считают себя мировой державой. Они пустили глубокие корни во многих странах Востока, опутали их сетями «Интеллидженс Сервис». Ведь и ваши люди — турки и туркмены — действуют в северных районах Ирана благодаря поддержке англичан. Теперь было бы неплохо помочь и Америке. Вы человек умный, к тому же — мой друг, много видели и все прекрасно понимаете. Поверьте, в скором времени Англия потеряет свои позиции как мировая держава, и единственным диктатором в мире будет Америка. Выбирайте сами...

Муфтий, с напряженным вниманием выслушав гостя, недолго взвешивал предложение.

— Вы коснулись щекотливого и сложного вопроса мировой политики. Действительно, Америка играет одну из ведущих ролей в мире. И мы, на чужбине пребывающие, благодарны ей за протянутую нам руку. Однако я думаю, если мы будем сотрудничать с вами, не порывая с Англией, то от этого станем только сильнее.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Но могу я, возвратившись в Вашингтон, заявить там о том, что господин муфтий не пожалеет сил своих для помощи Америке?

— Ну конечно, вы только обяжете меня!

Агишев был доволен: он выполнил основное задание хозяев. Муфтий не один, у него разветвленная система агентов, он главарь целой организации. Неважно, что сейчас Садретдинхан не может порвать с англичанами. Американцы богаты, они не жалеют денег, и муфтий вскоре это почувствует. Тогда-то он сделает окончательный

выбор.

Удовлетворенный ходом беседы, Агишев рассказал, что в правительственных кругах Вашингтона уделяется все большее внимание развитию мусульманских организаций.

Беседа затянулась до вечера. Перед уходом Агишев дал муфтию вашингтонские адреса и назвал людей, с которыми он должен переписываться. А муфтий, прощаясь со своим старым другом, снова просил не забывать их, пребывающих здесь, на чужбине.

Эти слова, почти жалоба на свою судьбу, были намеком, верно понятым посланцем американской разведки.

Захидулла улыбнулся. Разумеется, он прибыл в Мешхед не с пустыми руками! Перед муфтием легла пачка зеленых банкнотов.

— Это вам нестоящее приношение, всего лишь небольшой аванс. Надеюсь, что дальнейшее наше сотрудничество будет плодотворным и взаимно полезным...

Проводив дорогого гостя до самых ворот мечети, муфтий возвратился с Мирзой в худжру и взял в руки «приношение»:

— Ух, нечистое отродье! Богач так и норовит показать свое богатство! — восхищенно проговорил он, взвешивая в руках крупную пачку стодолларовых бумажек. — Лишь от богатых и перепадает нам, милый Фархад.

Взглянув на развеселившегося муфтия, Мирза процитировал двустишие персидского поэта:

Без золота не будь — в нем сила деяний твоих,

Скрывается в нем смысл почестей твоих...

— Да, поэт прав, — согласился муфтий.

Положив пачку на стол, муфтий потер ладони и, прищурился, взглянул на своего секретаря.

— Этот день принес нам радость. Вы можете убедиться, мулла Фархад, как нас ценят великие державы.

Мирза согласился.

— Издалека приехал ваш гость...

— Вот именно...

В тот же вечер купец, прибывший в поисках каракуля, отправился в обратный путь. Отправился с пустым чемоданом. Но гостю, видимо,

достаточно было обещаний и сведений, полученных от муфтия.

Центр советской разведки был поставлен в известность о встрече американского разведчика с муфтием. Впоследствии письма Агишева будут попадать в надежные руки, и это поможет предотвратить ряд провокаций против нашей страны.

Мирза Садыков все острее ощущал, как далеко был рассчитан план советской разведки, выполняемый сейчас с помощью скромного секретаря муфтия Садретдинхана.

ГОСТИ

Покуда человек не говорит,
Неведом дар его, порок сокрыт.

Саади

Прошло несколько дней после отъезда Захидуллы, и к Садретдинхану пожаловал новый гость, тоже один из его давних соратников, — Аннакули Курбан Саидов. В свое время этот отъявленный националист занимал ответственный пост в Туркмении, но был разоблачен и бежал в Мешхед.

Здесь ему пришлось нелегко, Мешхед не мог прокормить всех бездельников, а все свои сбережения Саидов за полгода истратил. Это, конечно, было на руку муфтию: именно таких людей он без промедления ловил в свои сети.

И вот сейчас Курбан Саидов, уже некоторое время живший на подачки Садретдинхана, удрученный, с опущенной головой, снова переступил порог худжры. Он жаловался на безвыходное положение муфтию, и без того достаточно хорошо осведомленному о его бедах.

После небольшой паузы Садретдинхан заговорил вкрадчиво, издалека:

— Вы вступили на тернистый путь борца за нацию. Мы никогда не забываем и не бросаем на произвол судьбы своих старых друзей, Вам, — муфтий говорил уже повелительным тоном, — нет смысла долго оставаться в Мешхеде. Мы сочли нужным осуществить ваш переезд вместе с семьей в Герат. Там вы разыщете близкое вам,

уважаемое лицо и передадите ему мое письмо. Никаких трудностей у вас не будет.

Аннакули был готов ехать хоть на край света. Только бы избавиться от приближающейся нищеты...

Конечно, он благодарен муфтию, он растроган: о нем думают и беспокоятся. Но все-таки... Саидов вопросительно посмотрел на Садретдинхана:

— Я не собираюсь отказываться от вашего предложения, господин муфтий, но мне хотелось бы знать, к кому именно вы пошлете меня.

Муфтий прищурился и как можно равнодушнее сказал:

— Я же говорю, что этот человек вам очень близок и хорошо знаком... Это господин Джунаидхан.

Аннакули невольно вздрогнул. По его спине пробежал неприятный холодок. Он сам был свидетелем убийств, жестоких погромов, пожаров, которые сеял этот палач туркменского народа. Пусть Аннакули был на стороне Джунаидхана, но в душе его жил постоянный страх перед этим беспощадным убийцей.

Может все случиться... Убийца, не моргнув глазом, снимет голову с любого, кто работал в советских органах. Вот чего опасался Аннакули.

Муфтий, внимательно следивший за собеседником, заметил, как изменилось лицо, и, понимая, что беспокоит Саидова, заговорил:

— Не сомневайтесь... И вы, и Джунаидхан — наши люди. Прочитав письмо, которое я ему напишу, он встретит вас достойно. Ваш покорный слуга ручается за то, что вы будете в полной неприкосновенности... — твердо подчеркнул муфтий и добавил: — Все расходы по переезду в Герат мы берем на себя.

Аннакули успокоился и даже обрадовался. Его умиляла доброта и бескорыстие муфтия Садретдинхана, который помогает мусульманам в тяжелую для них минуту.

В действительности же муфтий приступил к выполнению хорошо продуманного плана.

В начале своего послания Джунаиду муфтий дал лестную характеристику Саидову и просил оказать ему всяческую помощь,

устроить семью. Заканчивая письмо, Мирза написал под диктовку Садретдинхана:

«Этот человек в дальнейшем может оказать большие услуги в нашей национальной борьбе».

Аннакули еще не знал, что помощь придется отрабатывать. Он горячо поблагодарил «истинного мусульманина», а получив письмо, поцеловал его с благоговением, словно талисман, и положил во внутренний карман. Муфтий же, подчеркивая каждое слово, начал давать наставления:

— Слушайте внимательно. Мы выделим вам в сопровождающие одного афганца. Он будет вашим спутником, а когда вы достигнете ирано-афганской границы, познакомит вас с беком хазарийцев. Ему я тоже написал. Тот даст вам нашего человека из бывших джизакских курбашей. С ним вы беспрепятственно доберетесь до Джунаидхана. Ясно?

Аннакули покинул худжру, низко кланяясь. Прошло около недели, и муфтий получил от бека хазарийцев письмо, в котором говорилось:

«Посланная вами вещь в целости и сохранности доставлена хозяину».

Вслед за этим пришло письмо и от самого Аннакули. Он посылал тысячу благодарностей своему покровителю и сообщал, что мирно живет под защитой Джунаида. Прочитав письмо, муфтий облегченно вздохнул.

...В худжре имама снова царило оживление. После отъезда Агишева стали чаще приходиться гости, некоторые из них появлялись впервые. Это значило, что назревали новые события.

В конце августа в худжру неожиданно вошли два турка. Муфтий был удивлен и обрадован, приход этих гостей, очевидно, знаменовал собой совершенно новую страницу в его деятельности.

Один из гостей, полковник Ахмад Сурайя Бек, давно не видевший почтенного муфтия, решил наконец его навестить, второй, Мухаммед Бек из Кашгара, по его словам, после окончания Стамбульского университета возвращался на родину.

Муфтий познакомил их со своим секретарем.

И как обычно при этом сказал:

— Мой ближайший помощник мулла Фархад.

Полковник Сурайя Бек почувствовал себя свободнее и, достав из бокового кармана небольшой конвертик, протянул его муфтию. Письмо от Хисров Бека, посла Турции в Тегеране, Садретдинхан читал с большим вниманием.

«Окажите всяческую помощь двум господам, которые передадут сие послание. Подробности они поведают сами».

Сурайя Бек, наклонившись к муфтию, что-то прошептал ему на ухо. Это был пароль, известный старому агенту Турции. Шпион сказал шпиону: «Муттахидал муслими»³¹.

Это понял не только муфтий, но и Мирза.

Лицо Садретдинхана принимало все более радушное выражение. Он растроганно обратился к секретарю:

— Сын мой! Скажите слугам, пусть побыстрее приготовят плов. На оливковом масле!

Плов на оливковом масле — самое любимое блюдо у турок. До сих пор муфтий его никогда не заказывал.

Турки гостили почти неделю.

Садретдинхан бросил все дела, стараясь угодить им. Наконец ему удалось добыть визы для гостей. Туркам нужно было проехать через Афганистан в Синьцзян.

«Для чего? Почему они так спешат в Кашгар?» — этот вопрос постоянно задавал себе Мирза.

Но гости до последней минуты своего пребывания у муфтия даже словом не обмолвились о цели поездки.

Доктор Хамадани, выслушав сообщение Мирзы, тоже заинтересовался этим необычным маршрутом турецких офицеров.

Несомненно, в Синьцзяне назревали какие-то события.

Об этом нужно было узнать.

КАШГАР

---

³¹ Дословно: «воссоединение мусульман». Здесь — в значении: «из той же организации, что и вы».

Вода течет, течет, да плотину свою находит.

Турецкая пословица

По временам небо заволакивали тучи, падали первые капли, обрушивался на купол мечети короткий дождь. Но осень по-настоящему еще не наступила. Лишь когда темнело, холодный ветер со свистом гулял над крышами домов, цеплялся за оголенные ветви и будоражил ночную тишину.

На улицах было пусто, все попрятались по домам. Мирза, в своей худре при слабом свете свечи разбирал пачки бумаг.

Почему в Кашгар непрерывно засылаются агенты? Этот вопрос не давал ему покоя. Мирза читал и сопоставлял огромную почту, газеты, журналы, присланные муфтию из Тегерана, Парижа, Стамбула, Берлина, Варшавы, Пешавера, Урумчи. Особенное внимание Мирза уделял материалам, касающимся событий в Кашгаре, пока не убедился, что не зря потратил на это так много дней и ночей. Действительно, события, разворачивающиеся в это время в Восточном Туркестане, требовали глубокого изучения и давали пищу интересным выводам.

Вот что выяснил Мирза.

Две трети обрабатываемых земель Синьцзяна концентрировались в руках крупных феодалов и духовенства. Крестьян, лишенных земли, грабили китайские чиновники и торговцы, а также местные землевладельцы и купцы. И население Синьцзяна, замученное жестокой эксплуатацией, восстало. Но некоторые великие державы, пустив в ход предателей и шпионов, стремились использовать это движение в своих целях.

Первыми против китайских угнетателей поднялись жители округа Хами. Через месяц к восстанию присоединились две тысячи человек, и оно охватило районы Ак-Су, Кашгар, Уч-Турфан и Хатан. Вместе с повстанцами выступили дунганские войска. Движение развивалось под знаком национализма, были выдвинуты лозунги:

«Не платить налоги китайцам!», «Долой китайцев!..»

Прибывшие из Урумчи китайские войска разгромили восстание, однако окончательно подавить его не смогли. Зимой 1932 года

повстанцы провели в горах, совершая оттуда налеты на китайские войска, расквартирование в Гучене, Баркуле и Хами. Борясь с антикитайскими настроениями, местные власти сеяли вражду между нациями, организовывали всевозможные заговоры и провокации.

Против китайцев восстало также княжество Кашгар, требуя автономии.

Народ требовал не только убрать генерал-губернатора Цзына, но и вообще упразднить китайскую власть в Урумчи.

Националистами была выдвинута идея создания мусульманского государства в провинциях Синьцзяна и Ганьсоу. В штабе руководителя восставших дунган генерала Ма Чжу Ин появились японские советники.

Осенью 1932 года против китайского господства восстали крестьяне Турфана. В 1933 году антикитайским восстанием был охвачен весь Синьцзян.

В марте-апреле 1933 года казахи и дунгане, объединившись, захватили власть в Алтайской части края. Борьба разгорелась во всех провинциях. Первыми ее начали и добились успеха уйгуры. Но бежавшие из Советского Союза курбаши киргизы Усман и Джанибек Казы вскоре захватили власть в свои руки. Затем английские агенты Сабит Домуллу, Нияз Азлам, Мухаммеди усилили пропаганду за создание «Независимого правительства Восточного Туркестана». Главой этого «правительства» прочили Сабита Домуллу. В январе такое марионеточное «правительство» даже было сформировано. Его признал «Великий курултай»³², созванный благодаря активному вмешательству англичан. Курултай «избрал» «Героя национальной борьбы» Хаджа Нияз Хаджима президентом «Национальной республики», Сабита Домуллу — премьер-министром. Стало ясно, что организованные в Синьцзяне политические интриги и кровавые заговоры были результатом военно-стратегических планов английских и японских милитаристов.

Японцы помогали главе турфанских повстанцев, стремясь создать здесь мусульманское государство типа Маньчжугу. Главой этого

---

³² Курултай — съезд.

государства они хотели сделать занесенного судьбой в Токио турецкого принца Абдул Карима, которого берегли для такого случая.

На юге Синьцзяна англичане готовили на престол будущего государства «Исламистан» своего выкормыша Шелдрейка, «принявшего» мусульманство.

Японских и английских империалистов, разумеется, не беспокоили национальные интересы Синьцзяна, их привлекали его природные богатства, сырье и обширный рынок. Для японцев организованные здесь авантюры были частью большого замысла — захвата Китая. Англичане же пытались создать вблизи Индии подчиненное им буферное государство. Но главной и далеко идущей целью этих агрессивных государств, как понимал теперь Мирза, было создание плацдарма для нападения на Советский Союз. Вот почему они придавали Синьцзяну такое значение и разжигали там национальную вражду, стремясь использовать обостренную обстановку в своих интересах.

Внимательно изучая материалы прессы, Садыков видел, что «Милли истиклал» во главе с Мустафой Чокаевым также считала себя заинтересованной в создании независимых государств Восточного Туркестана. Через журналы, газеты и брошюры «Милли истиклал» приветствовала новую республику, будоража националистические чувства среднеазиатских эмигрантов, и посылала в Восточный Туркестан своих «представителей» для оказания «помощи».

Мирза, который после отъезда Сурайя Бека начал, как мы помним, с особым вниманием следить за событиями в Синьцзяне, получил из Берлина один из последних номеров «Ёш Туркестан». В журнале была напечатана пространная статья Мустафы Чокаева в поддержку самостоятельного национального государства, созданного в Восточном Туркестане. Чокаев заканчивал статью призывом:

«Восточный Туркестан стал независимым. Теперь очередь за Западным Туркестаном!»

Печать эмигрантов-националистов всюду кричала:

«От Алтая и до Хатана власть перешла в руки тюрков. В Восточном Туркестане создано национальное правительство и объявлена республика!»

Вслед за Сурайя Бекон и Мухаммед Бекон в Восточный Туркестан было отправлено еще несколько агентов.

В сентябре 1933 года в Кашгар был послан представитель «Общества объединения молодежи Туркестана» в Турции доктор Аджетдин Ахмед Делалбек.

Но, видимо, назрела необходимость и в отправке туда такого опытного шпиона, как муфтий. Хозяева не могли не послать Садретдинхана в край, где три четверти населения было мусульманским. К такому выводу Мирза пришел в результате своих наблюдений.

Своими мыслями он поделился с Хамадани.

Доктор, как всегда, внимательно выслушал его. Анализ событий в Кашгаре, сделанный Садыковым, показался ему детальным и глубоким.

— Ваши предположения очень вески и важны, — сказал он. — О них я сообщу в Москву. В соответствии с тем, как начнут разворачиваться события, вы будете планировать свои дальнейшие действия. Пока же, согласно первоначальному заданию Центра, главное, что от вас требуется, — выбить почву из-под ног муфтия, отдалить его от своих приверженцев и таким образом лишить поддержки. Продолжайте восстанавливать против него обманутых эмигрантов-мусульман.

— Я тоже так думаю. Но заслуживают особого внимания и события в Кашгаре, — повторил Мирза, — они сейчас больше всего занимают муфтия. Желательно поскорее получить указания Центра.

— В ближайшее время мы их получим... — успокоил Хамадани.

МАСКАРАД

Обрежешь ослу уши — арабского скакуна из него все равно не выйдет.

Турецкая пословица

Тихий осенний рассвет. Едва скользнули первые лучи солнца по стенам мечети, как муфтий появился на пороге своей худжры.

Усевшись на суфе, он задумался.

Было о чем подумать... События в Кашгаре, новый порядок в Германии. Да и свои дела все больше беспокоили его: жить в Мешхеде становилось трудно.

Не было прежнего благополучия в мечети. Люди стали реже посещать ее. Если раньше бедные эмигранты, идя на утренний намаз, заполняли подобно потоку предрассветные улицы, то теперь они текли в мечеть словно дождевые струйки. Проем ее ворот, как пасть огромного чудовища, сейчас легко заглатывал их. И знаменитый имам Садретдинхан вынужден охотиться за последователями и приверженцами, готовить из них «борцов за веру», пуская в ход все свое красноречие. Но как готовить, если прихожан становится все меньше и меньше!

Особенную неуверенность вселила сегодняшняя утренняя молитва. Число слушателей опять резко сократилось. Мечеть почти пустовала.

На это были свои причины. Эмигрантам — узбекам и туркменам — все более ясной становилась цена обещаний, которые муфтий сыпал от имени веры и нации. Люди узнавали, как попавшиеся в ловушку муфтия простачки засылались через границу и пропадали без вести. Такая деятельность «святого человека» вызывала возмущение. Многие, кто ранее с благоговением относился к муфтию, теперь боялись и сторонились его.

Но изменилось отношение к Садретдинхану не только со стороны эмигрантов. Дело в том, что, ведя подрывную деятельность против Советского Союза, муфтий постоянно разжигал межнациональную вражду и в самом Иране. Он и его предшественники под прикрытием религиозных догм восстанавливали туркмен против местных властей.

— До каких пор вы будете под игом персов? — заявлял Садретдинхан. — Неужели вам безразлична борьба туркмен за национальную независимость!

Но интриги обернулись в первую очередь против самого муфтия. С одной стороны, от него отвернулись подавшееся его проповедям туркмены, потерявшие все свое имущество; с другой, местные власти, до сих пор сквозь пальцы взиравшие на проделки «святого человека»,

усилили полицейский надзор, и муфтий это скоро почувствовал.

...Да, было о чем подумать имаму под утренними лучами осеннего солнца!

«В столь тяжелый для меня момент так некстати уехал близкий друг!» — с досадой размышлял он.

В самом деле, его друг, посол Турции в Тегеране Мамдух Шавкат Эсандал, выдавший муфтия за турецкого подданного и защищавший его, был в это время переведен в Кабул. Хотя новый турецкий посол Хисровбек и оказывал Садретдинхану поддержку, но уже не такую значительную.

Ожидая новых событий, муфтий надеялся на изменения в обстановке.

Однако продолжать свою деятельность в Мешхеде он уже не имел возможности: пришло возмездие за его деятельность в интересах Турции, интриги среди иранцев, за попытки восстановить эмигрантов туркмен против местных властей. Правительство Ирана приняло решение о высылении его из города. Садретдинхан не находил себе места и лихорадочно искал выхода.

«Прежде всего нужно встретиться и переговорить с близкими друзьями...» — решил он.

Но близкие «друзья» Хан Казы, Кульджан Ишан и другие ничем помочь не могли. Тогда он обратился к Хайдар Хадже.

— Сколько лет работаем вместе. И вот... Положение вашего покорного слуги известно. Так неужели вы не сможете чем-либо помочь мне?

— Я и мой друг Грумницкий долго ломали головы, но к сожалению... — Хайдар Хаджа развел руками. — Власти твердо стоят на своем.

Муфтий хорошо знал, что положение руководителей белогвардейской эмиграции тоже не прочно, но все же надеялся: а вдруг они с помощью покровителей из английского консульства сделают что-либо...

Однако никому не хотелось портить отношения с иранским правительством.

Не сумев добиться чего-либо с помощью своих друзей, муфтий,

наконец, обратился к генерал-губернатору Мешхеда, уверяя его, что предъявленные ему обвинения необоснованны и неправомерны. Не помогло. Тогда Садретдинхан пошел на крайнюю меру — явился к своему главному покровителю майору Хамберу.

— Пока мы здесь, вам нечего бояться, — успокоил его майор. — Ни запугиваний, ни окриков. Мы не допустим, чтобы вас обидели. Я подумаю. Уверен, что результат будет известен на этой же неделе...

— Несказанно польщен и обрадован... — поклонился муфтий.

Но и Хамбер был на этот раз бессилён, И не только потому, что муфтий изрядно насолил иранским властям. Им, конечно, была известна и суть его антисоветской деятельности, несовместимой, по мнению правительства, с обязательствами Ирана в отношении Советской страны. Ведь это русская революция дала Ирану независимость, это Советская власть порвала кабальные царские договоры...

Хамбер злобно стиснул зубы. Нет, муфтия нужно отправлять с заданием в другое место...

После полуденной молитвы в худжру муфтия вошел Джаббар-ага. Нашедший пристанище в английском консульстве в Мешхеде, этот туркменский националист, как Садретдинхан и Хайдар Хаджа, вел подрывную работу против Советского Туркменистана. На этот раз он пришел с небольшим, но странным поручением.

— Меня послал сам мистер Хамбер. — Джаббар-ага развел руками. — Не знаю, для чего, но ему на два-три дня понадобились бухарский шелковый халат, чалма и тубетейка.

О политических трюках своего хозяина муфтий знал, но здесь удивился и спросил с улыбкой:

— Господин будет участвовать в маскарade?

Джаббар-ага почесал затылок. Судя по его виду, он и сам никак не мог прийти в себя от этого поручения.

— Еще никогда до такого шутовства не доходили... — пробормотал он. — В чем дело, не могу понять...

— Сделаем все, о чем попросили, а там видно будет...

Муфтий достал серебристого цвета верхний халат, который он одевал по особо торжественным случаям, марлеву чалму,

обернутую вокруг зеленой бархатной тюбетейки, и, завязав все это в платок, вручил Джаббару.

В это время в худжру вошел Мирза.

— Bravo! Вы пришли как нельзя кстати. Не откажите в любезности пойти с Джаббар-агой в консульство и передать эти вещи господину военному атташе.

— Хорошо, учитель...

Мирза взял узел и вышел из худжры вместе с Джаббар-агой.

Муфтий ничего не делал просто так, без задней мысли. Даже в том, что он поручил секретарю пойти с туркменом, была, видимо, какая-то цель.

По дороге Мирза напряженно размышлял.

«Джаббар-ага мог бы справиться один... Неужели муфтий не доверил ему свои вещи? Чепуха. Этот пройдоха через меня хочет узнать, как будет вести себя атташе, что скажет...»

Мирза и Джаббар вошли в ворота консульства и направились в отделение военного атташе. Служащие-индийцы проводили гостей до самого кабинета мистера Хамбера.

Военный атташе приветствовал гостей на фарси.

Джаббар-ага еще не совсем оправился, но постарался непринужденно сообщить:

— Уважаемый муфтий прислал все требуемые вещи. Однако, нужно сказать, он был крайне удивлен.

Мистер Хамбер рассмеялся...

— О, здесь ничего особенного нет. Передайте муфтию мою благодарность. Просто я собираюсь участвовать в пятничной молитве. Мы обязательно увидимся.

Последние слова относились к Мирзе.

Действительно, все просто. Но об этом нужно было узнать.

В пятницу Садретдинхан долго ждал гостей. После молитвы он, как обычно, задумчиво сидел на суфе и курил одну за другой сигары. В воротах мечети показались мистер Хамбер и индеец из консульства Миян Хашим. Муфтий издали не сразу узнал атташе. Тот, казалось, действительно вышел на маскарад: халат был короток для высокой неуклюжей фигуры, большая чалма плотно прикрывала длинные уши,

делая комичным продолговатое желтое лицо. На улице незнакомые люди в самом деле могли принять этого человека за спешившего на пятничную молитву богатого мусульманина. Но странный прихожанин явился с большим опозданием: молитва уже кончилась.

Когда гости приблизились, муфтий, не сдержав улыбки, поднялся им навстречу и тепло поздоровался. Услышав голоса, Мирза появился из своей худжры. Все зашли к муфтию. Хотя Хамбер сам отлично владел фарси, он почему-то счел нужным привести с собой Миян Хашима в качестве переводчика.

Гости задержались ненадолго. За пиалой чая мистер Хамбер поинтересовался делами и самочувствием уважаемого Садретдинхана.

— Отчего у господина муфтия рассеянный вид?

— Такова доля одиноких на чужбине... — коротко ответил Садретдинхан.

— Засиживаться на одном месте вредно. Это угнетает человека. Я люблю часто менять обстановку и климат. Мне, например, надоела адская жара Мешхеда.

— Я тоже так думаю, господин Хамбер.

Гость пробежал глазами по разбросанным на низком столике журналам и газетам, просмотрел последний номер «Ёш Туркестан» и поднял глаза на муфтия.

— Вы глубоко все это анализируете? — показал он на столик.

— Журналы и брошюры, выпускаемые «Милли истиклал», сейчас много места уделяют событиям в Кашгаре. Конечно, я размышляю об этом...

— Какие же события привлекли вас?

Муфтий пристально посмотрел на майора.

— Там образована национальная республика...

— Верно? — удивился Хамбер.

Атташе знал о событиях в Кашгаре уж никак не меньше муфтия, и Садретдинхан понимал это. Но если гость вступил в игру, почему же не принять участие в ней и хозяину?

— Да! И это для нас радость.

— Несомненно. Ведь можно сказать, Восточный Туркестан —

часть вашей родины, И стоять в стороне от событий, происходящих там, видимо, не совсем по душе такому поборнику нации, как вы?

Мистер Хамбер начал открывать карты.

— Я в безвыходном положении и не знаю, что делать... — вздохнул муфтий.

— А что вы скажете, если мы и пришли, дабы вызволить вас из этого положения?

Так бы и нужно давно говорить! К чему маскарад, к чему это прощупывание! Ясно, англичане хотят послать своего испытанного человека в Кашгар. Муфтий прекрасно знал: отказаться от приказа шефа даже в очень вежливой форме нет никакой возможности. Немного подумав, он ответил:

— Я был бы вам благодарен. Может случиться, что события в Восточном Туркестане явятся началом претворения в жизнь и наших надежд.

— Вот именно. Необходимо поддержать новую национальную мусульманскую республику! Мы верим, господин муфтий сыграет в этом большую роль...

Через три дня муфтий побывал в консульстве и вернулся не только с надлежащими указаниями, но и с золотыми монетами. Мирза протянул имаму письмо из Парижа от Мустафы Чокаева, переданное через турецкое посольство.

Руководитель «Милли истиклал» сообщал, что его очень интересуют события в Восточном Туркестане, и сулил возможные выгоды, которые даст мусульманам созданная там независимая национальная республика. Поэтому, отмечалось в письме, необходимо ускорить выезд господина муфтия в Кашгар для оказания помощи некоторым великим государствам.

Озабоченный тем, как скорее добраться до Восточного Туркестана, муфтий вызвал Мирзу и рассказал о последних событиях.

— Да, не суждено нам остаться в Мешхеде, дорогой Фархад.

— Всякое событие имеет свои хорошие стороны. Возможно, и ваш переезд в Кашгар к добру.

— Это-то так. Но вы только подумайте, каково мне, старому человеку, одному пускаться в такую даль? — вздохнул муфтий и

скользнул прищуренным взглядом по лицу своего помощника.

— Вера и воля придадут вам силы, господин муфтий.

— И это правильно. Но я думаю, что мне было бы намного легче, если бы рядом со мной и там был полюбившийся мне, как сын, умный и верный человек.

Мирза ждал этого приглашения и, как всегда, с почтительной твердостью ответил:

— Где учитель, там и ученик. У тех, кто плывет в лодке, на всех одна жизнь.

— Молодец! Благодарение вашему отцу. Я ожидал именно такого ответа! Вы несказанно обрадовали меня.

Немного подумав, Мирза с сожалением вздохнул.

— Но мне кажется, мой отъезд будет невозможным, господин муфтий...

У Садретдинхана взлетели вверх брови, и он спросил удивленно:

— Отчего же, скажите, пожалуйста?

— У меня ведь нет никакого паспорта. А для поездки в Кашгар нужна виза.

— Ну, это не причина. Нет ничего невозможного, кроме спасения от смерти. Если получение паспорта затянется, я возьму вам визу на свой турецкий паспорт. Будьте спокойны.

Мирза был удовлетворен. Кажется, он вел себя так, как нужно. Еще до этой беседы доктор Хамадани, сообщавший в Центр о положении в Кашгаре, получил короткую шифровку о необходимости выезда Садыкова вместе с муфтием.

— Я готов в любую минуту двинуться с вами в путь... — добавил Мирза.

Муфтий был растроган. Его ученик и помощник оказался достойным человеком. Симпатия и уважение муфтия к Мирзе еще более возросли.

Хлопоты Садретдинхана о паспорте и визе вначале встретили препятствия: местные власти отказались дать ему визу на выезд в Кашгар. Они приставили к муфтию агентов и следили за каждым шагом «святого человека», хотя это теперь и не давало каких-либо результатов.

Но муфтий преодолел все преграды. Тайно в афганском посольстве он получил визы для себя и для своего секретаря Фархада Али Заде.

Впереди был Кашгар.

АТТАШЕ

Деспоты! Тленны ваши дела...
Вечность силу им не дала.
Огонь взвивается ввысь, но гаснет
И выгорает дотла.
Бедиль

Мистеру Хамберу дорого обошелся визит к муфтию. Конечно, хорошо, что сейчас он отправляет в Кашгар не только одного Садретдинхана, но и его молодого способного помощника — Фархада. Это, несомненно, будет с удовлетворением встречено хозяевами. Но майор так никогда и не узнал, что именно его успех доставил ему так много неприятностей и тревог.

Через два дня после того, как Хамбер под предлогом «пятничной молитвы» побывал в мечети, Садретдинхан послал Мирзу к английскому атташе за своей одеждой.

В здании консульства господина Хамбера не оказалось. Он отдыхал в своем доме, расположенном здесь же во дворе. Узнав о приходе Мирзы, атташе велел проводить его к себе.

Большая квадратная комната выглядела ярко, экзотично. Стены и пол были устланы великолепными коврами из Шираза, Горгана и Тавриза. Широкую тахту покрывала шкура огромного тигра, убитого в джунглях Индии. На полках располагались редкие вазы, статуэтки, вывезенные из разных стран. Стол посередине комнаты был уставлен фруктами и холодной закуской. Атташе, покрасневший от выпитого виски, играл в карты со своей женой. Он был в чудесном настроении, и когда в комнату вошел Мирза, торопливо шепнул жене, что это свой человек, а затем, повернувшись в сторону гостя, пригласил:

— Ю а велкам. Сит даун, плиз, май френд³³.

Во время визита к муфтию Хамбер свободно объяснялся на фарси и знал, что Мирза не владеет английским, но здесь, видимо, оттого, что рядом была жена, заговорил на родном языке.

Хотя Мирза и понял эту фразу, но все же остался у порога, по восточному обычаю прижав руки к груди и с мягкой улыбкой глядя на хозяина.

Решив, что его не поняли, атташе повернулся к жене у проговорил:

— Хи донт ноу англиш³⁴, — и, подойдя к Мирзе, посоветовал ему на фарси: — Вы еще молоды. Хорошо бы вам изучить английский.

— Я с почтением отношусь к этому великому языку... — поклонился Мирза.

— Ол райт. Вы пришли очень удачно: я только что закончил работу и как раз собирался обедать. Нет, не служебные дела, сегодня ведь воскресенье... Так, завершил свои личные записки о событиях последних дней. Краткие записи необходимы и сейчас, и когда наступит время сесть за мемуары, неправда ли?.. А вы пришли за одеждой господина муфтия? Хорошо! Муфтий меня предупредил. Халат и все прочее там, на столе, завернуто в платок. Будете уходить — заберете. А сейчас составьте нам компанию, не возражаете?

— Благодарю, я весьма польщен.

— Говорят, мусульмане не признают спиртного? Но даже господин муфтий, как вы, очевидно, знаете, не пренебрегает этим напитком. Так что советую вам тоже попробовать. Виски?

Мирза вежливо, но твердо произнес:

— Быть вашим собеседником для меня большая честь, и я, конечно, не смею отказываться. Но я никогда не пил, и мне кажется, не совсем прилично было бы вашему слуге выйти отсюда покрасневшимся и неуверенной походкой. Да и перед прихожанами мечети появляться в таком виде не к лицу. Поэтому прошу извинить мой отказ. Быть с вами доставляет мне радость, и я буду достаточно

---

³³ Добро пожаловать. Садитесь, пожалуйста, друг мой.

³⁴ Он не знает английского.

опьянен, видя ваше прекрасное настроение...

Мирза взял хрустальную рюмку, чокнулся и, пригубив, поставил ее обратно.

— Слова, достойные похвалы! Вы говорите почти в духе рубаи Омар Хайяма. Хорошо! Принимаю ваши извинения. Пью и за вас и за себя...

Казалось, Хамберу не меньшее удовольствие, чем виски, доставляет звон хрусталя. И под этот звон он поднимал одну рюмку за другой. Чем больше атташе пил, тем заметнее раздражалась его жена, то и дело бросавшая на мужа укоризненные взгляды. Но Хамбер не обращал на нее никакого внимания, продолжая пить и многословно рассуждать. Мирза сидел, внимательно слушая, и лишь временами вставлял в разговор два-три слова.

Миссис Хамбер не выдержала и стала упрекать майора: выпито сегодня достаточно, пора и прекратить.

— Ну что вы? Совершенно не похоже, что господин много выпил... — заступился Мирза.

Однако она или не поняла, или не сочла нужным считаться с мнением молодого мусульманина и с надменным видом покинула комнату.

Атташе, видимо, привык к таким объяснениям. Он поднялся, прошел в угол комнаты, достал из сейфа объемистую тетрадь и толстую записную книжку. Положив книжку на стол рядом с узлом, в котором была одежда муфтия, атташе шагнул к Мирзе и раскрыл тетрадь:

— Мистер Фархад, — Хамбер говорил громко, немного заикаясь. — Вы узнаете этот снимок?

Мирза приподнялся и, заглянув в тетрадь, увидел свою не очень удачную фотографию, а под ней английский текст. Как будто пораженный, он взглянул на атташе. Тот, довольный произведенным эффектом, улыбнулся.

— Да, да! Вы попали сюда, — он похлопал по тетради, — еще до того, как приехали в Мешхед. Здесь вам посвящены две страницы. Остальные — другим.

Хамбер словно и хвастался, и предупреждал: «Мы тебя очень

хорошо знаем! Но у нас таких, как ты, много, так что не слишком набивай себе цену».

Конечно, под влиянием выпитого виски ему захотелось показать, как безупречно поставлена деятельность его агентуры и каким опытным работником он является. Мирза старался не пропустить ни одного слова. Глядя на самодовольного хозяина, он ответил с улыбкой, но как можно более бесстрастным голосом:

— Это и не удивительно. Кто не знает о вашем богатом опыте! А фотография, видимо, переснята из опубликованных в советской печати?

— Да, вы отгадали! Ваши фотографии и текст заимствованы из газеты. Мы обычно заносим в свою картотеку фамилии представителей интеллигенции, чьи имена часто появляются в советской печати.

Мирза успокоился. Под своими произведениями он ни разу не ставил настоящей фамилии. Они печатались под псевдонимом «Юлчи».

Хамбер все больше заикался, у него заплетался язык. Некоторые фразы он повторял, чтобы Мирза мог их понять. Атташе разглагольствовал о дружбе с Великобританией, о поддержке, которую оказывает его страна своим друзьям. Но вот Хамбер вновь закрыл тетрадь в сейф, положил ключ в карман, а затем, пошатываясь, подошел к тахте и растянулся на ней.

Мирза поднялся, взяв со стола узел с одеждой и, направляясь к двери, сказал:

— С вашего позволения, я пойду.

Атташе не в состоянии был поднять голову, и сквозь громкое сопение послышалось невнятное:

— Гуд бай, гуд бай... май френд. Гив май бест ригадс...³⁵

Выйдя из консульства, Садыков почти бегом направился к себе: он успел незаметно вложить в узел записную книжку, оставленную Хамбером на столе... Почти вся исписанная, она была размером не больше портсигара, но довольно объемистая.

---

³⁵ До свиданья, до свиданья... друг мой. Передайте наилучшие пожелания...

— Принесли? — поинтересовался муфтий, взглянув на узел.

— Да, мой учитель... — Хамбер передал вам привет...

Муфтий готовился к послеполуденной молитве. Мирза, держась за скулу, объяснил ему, что у него сильно разболелся зуб от выпитого у господина Хамбера холодного виски.

— Теперь не даст покоя... Придется сходить к врачу...

— Хорошо, хорошо, мулла Фархад... — торопливо согласился муфтий.

Садыков вошел во двор Хамадани, все так же зажав щеку рукой. Были неприятные часы. Но доктор тепло приветствовал своего «постоянного клиента». Едва войдя в комнату, Мирза протянул Хамадани записную книжку военного атташе и торопливо рассказал о недавних событиях.

Хамадани слушал внимательно, но ожидаемого восторга не проявлял. Он сидел, прикусив губу.

— Садитесь и отдышитесь немного, — наконец строго сказал доктор. — Вы не должны были рисковать. Такое безрассудное геройство может стоить вам жизни. А она нам нужна и дорога. Вы вполне уверены, что господин Хамбер был действительно пьян? А что если это всего лишь хитрая уловка, обычная проверка?

Хамадани взволнованно прошелся по комнате и, с трудом сдерживая себя, повторил:

— Если это проверка? Безрассудное мальчишество!

Мирза Садыков сидел, низко наклонив голову и чувствуя, как пылают его щеки.

Сейчас он понял, насколько опрометчиво поступил, а не мог сказать даже слова в свое оправдание.

— Теперь минутку терпения, — уже спокойнее проговорил Хамадани. — Я сейчас просмотрю блокнот и расскажу вам о его содержании... — доктор, свободно владеющий английским, стал листать страницы.

Мирза следил за выражением его лица... Не хватало еще, чтобы записная книжка не представляла особой ценности...

— Дорогой друг, ваш безрассудный поступок, кажется, будет иметь важные последствия! Это очень ценный документ. В нем

содержатся сведения о жизни и деятельности хозяина книжки. Здесь указано буквально все: цены мешхедского рынка, когда и какой была погода, но также и более любопытные сведения: с кем встречался господин атташе и о чем беседовал, имена, фамилии и адреса его «друзей», ныне пребывающих в районах Советского Закаспия — в Ашхабаде, Мары, Чарджоу, Байрам-али и других городах. Великолепная находка! Ее немедленно нужно отправить в Центр. Но повторяю: чтобы такой поступок был последним! Кстати, неизвестно, чем все может кончиться. Эх, молодость... Прошу вас, будьте Настороже!

Прошло три дня, и мистер Хамбер схватился за голову. Перерыв все бумаги, он так и не нашел своей записной книжки. Но о пропаже атташе не сказал ни слова ни жене, ни сослуживцам: это стоило бы ему карьеры. Подозревая в краже своих слуг индийцев Миян Хашима и Ило Бахша, он даже избил их... Но все было тщетно. О Мирзе Хамбер, к счастью, не вспомнил. Правда, когда муфтий перед отъездом посетил майора, тот спросил у него, между прочим, рассеянным тоном, не была ли случайно обнаружена среди одежды записная книжка. Муфтий не совсем понял вопрос, но все же уверенно ответил:

— Нет, нет! Что вы! В таком случае я сразу же возвратил бы ее вам.

...Дорого обошелся военному атташе Хамберу его маскарад.

А записная книжка вскоре внимательно изучалась в Центре советской разведки...

СКАКУНЫ

Ветер находит дырявую юрту, а душа — лживое слово.

Казахская пословица

Наконец-то муфтий оставит Мешхед, покинет Иран, где в последнее время дела шли все хуже и хуже. Чувствуя на себе цепкое внимание местных властей, Садретдинхан теперь думал только об одном: как оторваться от полицейских агентов.

Шла подготовка к отъезду, о котором мало кто знал.

В один из таких хлопотливых дней в мечеть вошли три прилично одетых старых казаха и попросили имама.

За несколько месяцев до этого через советскую границу бежало в Иран несколько байских казахских семей. Они поселились недалеко от Мешхеда. Муфтий знал об этом. Его люди уже побывали там, успев расхвалить единственную мечеть среднеазиатских мусульман и, конечно, имама. Пришедшие на поклонение к муфтию старики здесь, на чужбине, искали покровителя. Седовласые казахи, поцеловав руку Садретдинхана, расселись у порога худжры. Когда имам окончил благословение, один из самых почтенных стариков протянул ему несколько золотых монет. Муфтий держался перед своими щедрыми гостями с достоинством и участливо расспрашивал о делах, конечно давно ему известных.

— Вы из какого улуса прибыли?

— Из Урта-Аула, господин.

— Где обосновались?

— На пастбище, неподалеку от Мешхеда.

— Вас много?

— Шесть семей одного рода.

— Одни на чужбине... — вздохнул муфтий, остановив взгляд, полный сострадания, на стариках. — У вас есть трудности? Мы всегда готовы помочь.

— Благодарим, господин, нам ничего не нужно. Имущества у нас достаточно.

— А именно?

— Пятнадцать коней, двадцать верблюдов и отара овец.

— Ну, благодарение всевышнему, вы богаты.

— Да, господин, аллах помог нам кое-что сохранить.

— То, что вы пришли в мечеть, — благое дело. И впредь посещайте нас.

— Мы нуждаемся в вашем благословении, господин. Что бы вы ни приказали, мы готовы исполнить. Будем рады, если соизволите посетить наше становище.

— Даст аллах, посетим. А пока я попросил бы вас об одной

услуге...

Казахи почтительно уставились на уважаемого имама.

— Приказывайте, господин, мы сделаем все, что в наших силах.

— Я собираюсь совершить поклонение святым местам. Для этого мне нужна пара выносливых скакунов.

— С удовольствием, господин.

Казахи, видимо, решили, что муфтий берет коней на время, но он предупредил:

— Этих скакунов мы у вас купим, ибо хотим принести их в жертву святому. Вы станете соучастниками священного дела.

Пришедшие на поклонение казахи восприняли это как знак большого внимания. Муфтий решил ковать железо пока горячо: достал несколько золотых монет и, присоединив к тем, что преподнесли гости, протянул им. Они хотели было отказаться, но муфтий твердо сказал:

— Берите, в противном случае приношение не засчитается. Это тоже на путь божий...

Казахам пришлось взять деньги. Сумма не составляла и половины стоимости коней, но все же старики остались довольны.

— Благодарим вас, господин...

Муфтий был невозмутим.

— Братья, — заговорил он решительно, — завтра к вечеру я с моим сыном Фархадом приеду на ваше пастбище. К этому времени вы как следует накормите и оседлайте для нас двух скакунов. Мы немного погостим у вас. А там посмотрим... Согласны?

— Конечно, господин. Вы обрадовали нас.

Довольные казахи, переговариваясь, покинули худжру своего благодетеля.

— Дорогой Фархад, — обратился к Мирзе муфтий после ухода гостей, — вот еще одно дело с плеч долой! Скакуны нам готовы. Собирайтесь в дорогу немедленно.

— Слушаюсь, господин. Каким путем мы двинемся? Мне кажется, не следует идти обычной дорогой, где часто встречаются полицейские...

— Это предусмотрено. Мне обещали найти афганца, хорошо

знающего дорогу. Он будет сопровождать нас до границы и поможет перейти ее.

Муфтий подготавливал все, как отличный конспиратор, и некоторые детали поездки держал в секрете даже от Мирзы.

Когда сгустились сумерки, Садретдинхан вызвал к себе в худжру суфия мечети.

— Я прочел послеполуденную молитву, но, возможно, буду отсутствовать на вечерней. Замените меня. Я должен срочно выехать по важному делу в Ширван.

Давно мечтавший о месте муфтия, суфий с тайной радостью согласился.

Когда наступила ночь и мешхедцы разошлись по домам, муфтий в сопровождении Мирзы и афганца двинулся не к Ширвану, а в противоположном направлении.

Пройдя пешком несколько километров, они увидели юрты, установленные на берегу ручья. Это и была стоянка казахов.

Между юртами, в очаге, сделанном из камней, горел огонь. Вокруг костра сидели мужчины в широкополых войлочных шапках, ожидая почетного гостя.

Один из аксакалов низко поклонился, подбежал к муфтию и, бережно взяв в ладони его руку, поцеловал, словно погладил ее белой бородой. Муфтий, едва поздоровавшись, приступил к делу. Спросил о купленных лошадях, осмотрел их и только тогда вошел в юрту. Ее убранство было богатым: красные ковры, одеяла из разноцветного шелка и бархата.

Хозяева усадили Садретдинхана на почетное место. Дастархан устали медными блюдами с вареным мясом, жиром, бешбармаком. Собирающихся в дальний путь гостей угощали, просили есть вдоволь, не стесняться.

После еды муфтий перешел к проповеди. Он рассказывал казахам о земной и потусторонней жизни, мимоходом ругал большевиков и в своем ожесточении и проклятьях даже пропустил час вечерней молитвы.

Около полуночи, спохватившись, муфтий спросил:

— Кони оседланы?

— Да, господин, их пасли целый день и только что оседлали... — поклонился аксакал.

— Ну, тогда помолимся. Говорят, молитва, совершенная перед отъездом, помогает в пути. Я помолюсь и за вас, а потом двинемся.

Муфтий забормотал привычные слова, негромко сказал «аминь», и все встали. Гости, низко нагнувшись, вышли из юрты. Скакунов уже держали под уздцы казахские парни. Хозяева нагрузили на лошадей два хурджуна с продуктами.

— Это вам на дорогу. Путь ваш долог, не обессудьте, примите, господин... Если останется, принесете в жертву, Может быть, благодарение всевышнего перепадет и нам...

Вначале муфтий пытался деланно отказываться, потом поблагодарил и подошел к лошади. Парни посадили его. Казахи проводили гостей, следуя за ними толпой, и лишь после того, как всадники скрылись в ночной темноте, повернули обратно.

Путники двигались всю ночь. На рассвете они остановились у оврага. Пеший проводник вел всадников по местам, где редко ступала нога человека. Избегали населенных пунктов, жилищ и дорог. Он неотступно шел рядом со всадниками и лишь в пыльных участках уходил вперед. Этот скиталец, который только и делал, что проводил потайными путями самых разных людей, сам был вынослив и быстр, как скакун.

Двигались только по ночам. Днем обычно прятались где-нибудь в густых зарослях или в оврагах.

Через шесть суток рано утром путники приблизились к Турбете-Хейдари. Турбете-Хейдари и Турбете-Шейх-Джам — почитаемые в Иране святые находились вблизи афганского пограничного пункта Ислам-Кала. Когда до Турбете-Хейдари осталось каких-то три-четыре километра, путешественники неожиданно наткнулись на иранских солдат.

— Кто вы такие и куда направляетесь?

Муфтий с достоинством, но в то же время вежливо ответил:

— Мы из мечети суннитов в Мешхеде. Едем на поклонение к Турбете-Хейдари и Турбете-Шейх-Джам.

Услыхав имя Фархада Али Заде, солдаты приняли его за шиита и

продолжали допрашивать теперь только муфтия.

— Если вы суннит, зачем направляетесь к святыне шиитов?

— Поклонение древнему святому месту одинаково благоприятно для шиитов и суннитов.

Ответ муфтия, видимо, удовлетворил солдат, и они, пожелав доброго пути, уехали.

Муфтий подал афганцу знак продолжать путь. Тот рванулся вперед. За ним двинулись и всадники. Муфтий обогнул «священное место», проехав в нескольких километрах от него: сейчас он готов был отречься от любой святыни.

Мирза с усмешкой подумал, что этот лицемер и пройдоха, на каждом шагу вопивший: «нация, нация», ни разу не соизволил посетить в Мешхеде места, связанные с именем великого Навои. Ему не было дела до сохранившегося в Мешхеде дома, где жил поэт, ни до вырытого по его велению двадцатидвухкилометрового канала «Арики оби хиабан», который до сих пор дарит жизнь полям; не интересовала его ни сардоба Фаринон, ни гостиница в центре Шейх Джами, ни мельница Осия Мир Алишера...

«Все время в стороне от своей нации, своего народа, — гневно думал Мирза. — У него другие дела и мечты!»

А сейчас муфтий мечтал лишь об одном: как можно быстрее пересечь границу, добраться до Кашгара и выполнить задание мистера Хамбера и господина Мустафы Чокаева. Это было для него дороже и священнее всего на свете.

Муфтий и Мирза приближались к границе. Афганец, простившись, повернул назад и мгновенно исчез из глаз.

Этот опытный проводник должен был пройти еще триста километров, чтобы вернуться в Мешхед.

А казахские скакуны понесли своих всадников к афганской земле.

РЕКА

Время — конь, а ты — объездчик, мчись отважно на ветру!
Время — меч: стань крепкой клюшкой, чтобы выиграть игру.

Рудаки

Метался по пустыне вихрь, бешено перебрасывая тучи песка. Гнал куда-то колючие кусты, вырывал с корнями новые. Будто ему в лад, яростно подгоняли своих коней, непрерывно оглядываясь, два всадника.

— Скорей! Скорей!

И хотя из-под копыт вырывалось плотное облако песка, погоня настигала. Спасти могли только волны веселого Гери-руда.

У берега взмыленные скакуны остановились. Гнедой вошел в воду, а рыжий уперся, не хотел идти ни в какую.

— Господин, хлестните посильней, сейчас не время жалеть! Разве не видите — они уже приближаются!.. — крикнул Мирза. Но дело было не в рыжем скакуне.

Муфтию никогда не приходилось верхом переезжать быструю реку, и он растерялся, испугавшись за свою жизнь. У него не хватало духу посильнее ударить коня и заставить его войти в воду. А шум погони все нарастал.

Каждая минута была дорога. Если всадники задержатся на этом берегу Гери-руда — их уже ничто не спасет. Никакие объяснения. Святых мест рядом нет, есть граница. А куда как не к ней спешат эти подозрительные люди!.. Потом установят личность муфтия — о нем неплохо осведомлена иранская полиция... Выяснится, что визы получены тайно...

Промедление могло кончиться плачевно.

Побледневший муфтий то оглядывался назад, то испуганно смотрел на бурные волны.

Мирза увидел, что для уговоров не остается времени, Либо он заставит этого святого труса ринуться в воду, либо все, что предстоит выполнить по поручению Центра, полетит кувырком. И Садыков решился. Выбравшись на противоположный берег, он выхватил пистолет и закричал:

— Немедленно заставьте коня спуститься в воду! Или я пушу вам пулю в лоб!

Муфтий с перекошенным от ужаса лицом рванулся вперед, крича:

— Наузан билло!³⁶

Степной скакун под сыпавшимися на него ударами ринулся в воду. Взобравшись на афганский берег, муфтий, все еще дрожа от страха, пришпорил коня и помчался вслед за Мирзой.

Иранские солдаты на том берегу Гери-руда, служившего границей, подняв кулаки, что-то кричали. Но их голоса потонули в порывах ветра и в шуме волн.

Муфтий и Мирза отделились от реки на несколько километров. Теперь их не могла задержать иранская полиция, да и пуля не сумела бы догнать.

Муфтий натянул узду:

— Придержите своего коня, Фархад, нужно немного отдышаться. Благодарение аллаху, кажется, спаслись от этой напасти...

Они начали приводить в порядок себя и коней. Муфтий закурил. Его секретарь молчал, пряча глаза.

— А если бы я остался там, вы бы действительно выстрелили? — спросил Садретдинхан, хитро прищурился.

— Господин, я крикнул не для того, чтобы убивать вас, а чтобы спасти от верной смерти, — уклончиво отвечал Мирза. — Иногда окрик вселяет смелость. Простите меня, но что-то нужно было сделать. Я ведь очень опасался за вашу жизнь.

— Вы правы. Я все более убеждаюсь, что не ошибся в вас. Зная ваш ум и способности, я не предполагал, что вы к тому же смелы и предприимчивы. — Муфтий в первый раз улыбнулся. — Одним словом, решили припугнуть?

— Да, господин, в противном случае мы оба попали бы в беду. Разумеется, я бы вас не бросил.

— Молодец!

— Скакуны нас выручили... — скромничал Мирза.

— Не в них дело. С таким спутником, как вы, в любом деле не пропадешь. Правильно? Не станете отрицать?

Мирза не отрицал... Но похвалу муфтия следовало принять со смиренным видом. И он смущенно пробормотал:

---

³⁶ Да сохрани господь!

— Что вы...

А муфтий уже вспоминал о переправе. Все только что пережитое казалось ему смешным, он весело говорил и о пограничниках, и о бурной реке, и о своей растерянности...

Но нельзя веселиться раньше времени. Одна опасность миновала, а другая уже ожидала путников... Такова пустыня. Неизвестно, где и что случится.

В этих районах афганские племена пасли скот. Вольные кочевья до поздней осени передвигались со своими стадами вдоль границы, попутно неся и ее охрану. Люди из кочевых скотоводческих племен — отчаянные, смелые, все они вооружены винтовками, пистолетами, кинжалами. Самым большим удовольствием для них было ловить всех подозрительных. А убить человека — что подстрелить дичь...

Вечером муфтия и Мирзу внезапно окружила шумная толпа. Посыпались вопросы.

— Кто вы? Откуда едете? Куда держите путь?

— Что вам здесь нужно?

Увидев грозных, полураздетых, но увешанных оружием людей, муфтий отвечал невнятно, заикаясь, и все время повторял:

— Наузан биллохи миназзолимин!³⁷

Страсти накалялись, послышались призывы к расправе.

Путешественников спасло непредвиденное обстоятельство: из группы кочевников выскочил курчавый парень с большими черными глазами, взгляделся в муфтия и, ухватившись за узду скакуна, на котором дрожал Садретдинхан, пролепетал:

— Господин уважаемый муфтий! Добро пожаловать! Какие ангелы принесли вас в наши края? Мы готовы служить вам!

Кочевники были поражены и сразу изменили отношение к незнакомцам. Оказалось, что парень бывал в Мешхеде, посещал мечеть муфтия и получил его благословение.

Сейчас, обрадованный, он целовал руку имама, который медленно приходил в себя.

---

³⁷ Спаси боже от угнетателей!

— Не признай этот парень уважаемого муфтия, были бы вы пристрелены, словно воробышки, а кони стали бы нашей добычей... Хорошие кони... — откровенно признался один из старых кочевников.

Но на муфтия это уже не произвело впечатления.

Кочевники угощали неожиданных гостей целых два дня. Дальше путники двинулись вместе с племенем. Теперь муфтий и Мирза действительно чувствовали себя в полной безопасности.

Наконец они добрались до пограничников. Начальник поста Абдурауфхан тепло встретил Садретдинхана, но оказался слишком гостеприимным хозяином, продержав муфтия и Мирзу за дастарханом три дня. Этого времени оказалось достаточно, чтобы доложить генерал-губернатору Герата о прибытии гостей из Мешхеда и получить разрешение на их въезд в город. Лишь на четвертый день Абдурауфхан проводил муфтия и его секретаря.

Дорога изменилась. Теперь путники ехали вдоль зеленых полей, густых фруктовых садов.

Кони пошли веселее. Да и у всадников настроение было лучше. Они проезжали утопавшие в зелени небольшие селения, где желтые глиняные домишки жались друг к другу...

Но вот на горизонте начали вырисовываться силуэты минаретов и куполов древнего города — одной из столиц потомков грозного Тимура.

Въехав в уютный пригород Хуриян, путники решили немного передохнуть. Советуясь между собой по-узбекски, муфтий и Мирза подошли к бакалейщику купить что-нибудь к завтраку.

Торговец понимал только на фарси. Но стоявший недалеко от лавки мужчина, пропуская сквозь пальцы бороду, внимательно прислушивался к разговору двух незнакомцев.

— Друзья, — обратился он к ним по-тюркски, — в этой лавке свежих продуктов вы не купите...

Затем подошел, поздоровался и повторил:

— Нет! Я не советую вам что-либо покупать здесь. Лучше будьте моими гостями, обрадуйте соотечественников. Милости прошу! Зайдете в дом, немного передохнете...

Муфтий согласился.

Большой дом зажиточного дехканина, сад, полный созревших фруктов, понравились Садретдинхану.

Гости расположились на айване. В одно мгновение дастархан был уставлен плодами благодатной осени, Хозяин, с большой сердечностью и уважением угощавший гостей, повел непринужденную веселую беседу, потом перешел к рассказу о себе:

— Мы ведь тоже чигатайцы. Хотя мы твердо придерживаемся своих национальных обычаев и традиций, постепенно наши люди отвыкают здесь от тюркского языка и все больше пользуются фарси. Но старики до сих пор говорят только по-тюркски. Наши близкие остались в Туркестане. Однако и здесь мы ведем и сохраняем историю своего рода: у нас имеется шажара³⁸.

Муфтий похвалил хозяина и его родных, не забывающих законов и обычаев предков.

Ободренный хозяин продолжал:

— В шажаре повествуется история многих наших предков. Согласно здешней традиции, ее хранит самый старый человек рода. Он записывает все события и новости, которые происходят у нас. Сейчас шажара разрослась в большую книгу. Она находится у самого старого чигатайца. Если согласитесь остаться здесь до вечера, то он к этому времени вернется.

Пока длился обед, хозяин уговаривал муфтия остаться и посмотреть родословную здешних чигатайцев.

Но муфтий только развел руками.

— Мы очень спешим. Сейчас у нас слишком мало времени, чтобы повторять историю узбекской нации. Нас ждут новые, значительные дела...

ГЕРАТ

Но говоришь ты: счастливы шахи и шейхи?
Грянет беда — и дороги той касте нет.

---

³⁸ Шажара — родословная.

Два всадника въезжали в Герат, настороженно оглядываясь по сторонам. Вскоре их встретили афганские нукеры, проводившие гостей прямо в апартаменты Наиб Салар Абдурахимхана, предупрежденного начальником пограничного поста.

Правитель Герата встретил гостей с почетом и уважением. Обменявшись с муфтием приветствиями, Наиб Салар справился о его самочувствии.

— Я рад вас видеть в полном здравии и благополучии.

— Благодарим, — ответил муфтий.

— В пути, господин муфтий, не очень измучились? Никто вас не обидел?

— В вашем благословенном государстве царит спокойствие. Путь по этой стороне Гери-руда, благословение аллаху, был для нас безопасен. На границе господин Абдурауфхан оказал нам весьма щедрое гостеприимство. Но нужно полагать, что дальнейшие путешествия не лишены опасности.

Польщенный вначале комплиментом муфтия, Наиб Салар теперь насторожился:

— О каких опасностях, господин муфтий, может идти речь, когда вы являетесь моими гостями?

— Я имею в виду советских шпионов. Мы не гарантированы от того, что они не могут где-нибудь напасть на нас. Ваш покорный слуга не однажды испытал на себе их удары.

— Понимаю ваши опасения. Говорят, укушенный змеей боится пестрой веревки... Но будьте спокойны: в моих владениях нет русских шпионов!

Абдурахимхан с видимым удовольствием поведал о том, как были заживо захоронены в бадрабных ямах³⁹ несколько эмигрантов, заподозренных в шпионской деятельности, Муфтий с упоением слушал этот полный жестокости и зверства рассказ, а Мирза отвернулся, чтобы не выдать себя.

---

³⁹ Бадрабные ямы — выгребные ямы.

— Именно так нужно поступать с изменниками, господин... — похвалил Садретдинхан.

— Мои люди внимательно следят за каждым шагом чужеземцев... — продолжал правитель. — Будьте спокойны на этой земле.

Убийцы нашли общий язык. Мирза, стиснув зубы, молча слушал их затянувшуюся беседу.

Дворец Абдурахимхана располагался в самом великолепном саду Герата. Он был прекраснее таких известных гератских садов, как Тахт-и-Сафар, Баг-и-Курта, Баг-и-Хуриаи, Баг-и-Мавлана Джамии, Баг-и-Колина. Это был воистину шахский сад. И здесь Наиб Салар начал почти ежедневно устраивать пиры в честь муфтия, показывая свою щедрость, богатство и гостеприимство.

На званые обеды приглашались высокопоставленные лица: крупные чиновники, баи, видные эмигранты.

Степенные, медлительные гости вели разговор о государственных делах, о политике, «решали» судьбы народов.

...Уже более полумесяца продолжались угощения в честь почетного гостя из Мешхеда. О причинах такой благожелательности Мирзе вскоре стало известно. Оказалось, что афганский консул в Мешхеде Абдул-Азизхан, давший муфтию визы, предварительно прислал письмо Абдурахимхану, рекомендуя как следует встретить важного гостя.

Время шло.

В течение этих дней с позволения муфтия его секретарь беседовал о литературе и политике с видными поэтами Герата, знакомился с историей древнего города и его достопримечательностями. С замиранием сердца стоял Мирза у мавзолея Мавлани Абдурахмана Джамии и Алишера Навои, бродил по крепости, построенной последними представителями Тимурова рода, осматривал склепы Шахрук Гавхар Шадаима, Хусейна Байкары и другие памятники с яркой облицовкой из глазурованных плиток. А за городом его привлекло воспетое многими поэтами знаменитое Муссала. Мирза почти зримо представлял картины далеких эпох, о которых красноречиво повествовали прошедшие сквозь гущу веков эти немые

свидетели. Грустно смотрел он, как ломали старую крепость и возводили на ее месте лавки нового торгового ряда...

Конечно, все эти прогулки Мирза совершал в свободное время, а его было не так уж много.

Садретдинхан не любил появляться в гостях без помощника. А Мирзе все эти посещения богатых домов давали немало ценных наблюдений и фактов. Когда-нибудь, думал он, все это пригодится...

Да, муфтий все эти дни был очень занят: он встречался с богатыми таджикскими и туркменскими эмигрантами, вел с ними беседы, поочередно гостил у них.

В лучших домах и садах Герата Садретдинхан распинался о спасении нации, о борьбе за объединение мусульман. Его слушали и поддерживали.

Кто же был в числе собеседников и гостеприимных хозяев муфтия?

Бывший палач Хорезма и Туркмении Джунаидхан, его сыновья Кандимхан и Аннамурад, присланный самим Садретдинханом из Мешхеда туркменский националист Аннакули Курбан Саидов, Абдукарим Мингбаши из Джизака...

Что этим «великим» до судьбы народа, который они предали!

Крупные баи из Ташкента, торговцы из Бухары и Ферганы, будто соревнуясь между собой, старались заслужить «благословение» муфтия. Все они верили всевозможным антисоветским хитросплетениям Садретдинхана, прикрытым маской благолепия, веры и национализма. Обуреваемые чувством мести, они могли пойти на любой подлый шаг, а муфтий теперь имел возможность лично убеждать их в необходимости готовиться к «великим событиям».

Его беседы и проповеди были в то же время хорошей проверкой. Муфтий взвешивал, прикидывал, кто на что способен, когда и как использовать этих людей в своих целях.

За двадцать дней муфтий согласовал со своими друзьями план деятельности среди эмигрантов. А Наиб Салар, наконец, получил ответ на свое письмо, в котором он просил разрешения пропустить муфтия в Кабул. Ведь Садретдинхан торопился в Кашгар. Его больше нельзя было задерживать.

...Шел конец сентября. Коней, которые были за бесценок куплены у казахов, муфтий продал здесь в пять раз дороже: ему был предоставлен автомобиль.

Простившись с Наиб Саларом, они двинулись в сторону Кабула.

Да, Наиб Салар Абдурахимхан щедро встречал муфтия. С благодарностью будет вспоминать о нем Садретдинхан. Пройдут годы, и этот «гостеприимный хозяин» вздумает притязать на престол, однако дни свои кончит в зиндане.

Но это случится позднее. Сейчас Наиб Салар с почестями проводил муфтия. И машина, поднимая клубы плотной пыли, все дальше и дальше удалялась от Герата.

Позади постепенно исчезали, играя в лучах солнца, глазурированные минареты. Но и они вскоре пропали из виду. Через несколько часов машина достигла Себзеvara, небольшого поселка. Густой прохладной тенью садов, гранатовых плантаций Себзеvar мог очаровать кого угодно. Путники решили здесь переночевать.

КАБУЛ

Чужой огонь холоднее снега.
Афганская пословица

Снова дорога... За несколько дней миновав Феррах, Чакансур, Дильарам, Гиришк, путники прибыли в древнюю столицу Кандагар. Мирза не только любовался чужими городами. Многое необходимо было запомнить. Так, в дневнике появилась следующая короткая запись:

«Вблизи города Гиришк. Американцы. Строят что-то у реки Ильман».

Американская фирма начала строительство моста через Ильман. Под этим предлогом можно было протянуть свои щупальца в южные районы страны, далекой от Америки и близкой к границам Советского Союза. Мост через небольшую реку американцы строили пятнадцать лет. Сущность деятельности «фирмы», вызвавшей подозрение у Мирзы, была раскрыта несколько позже. Но начало

всему положила короткая запись в дневнике разведчика.

В последние дни сентября Кандагар, где летом царствует нестерпимая жара, дарил путникам благодатную прохладу. Настала пора, когда ветви в садах гнулись от фруктов. Город был уютен и красив. Но здесь не было ни одной гостиницы.

Муфтию и Мирзе пришлось остановиться в убогом караван-сараяе, где уже расположились три индийца, прибывшие на торжества по случаю национального праздника Афганистана. Познакомившись, муфтий быстро завязал с ними беседу.

Индийцы были откровенны. И чувствовалось, что они не понравились Садретдинхану. Особенно покоробили его слова одного из гостей, сказанные с нескрываемым сожалением:

— Хотя Афганистан и маленькая страна, он все же справляет праздник своей независимости, а мы, великий народ, по-прежнему изнываем под господством англичан.

— Независимость! — фыркнул муфтий, оставшись наедине с Мирзой. — Великая держава идет им на помощь, а они еще чего-то хотят!

На другой день муфтий и Мирза вновь отправились в дорогу. Теперь их путь лежал в Газни.

Этот город некогда был столицей огромного государства, правители которого носили его имя. В городе жили и творили Фирдоуси, Ибн Сина, Ансури, Хаким Санои... Кладбище великих исторических памятников лежало перед Мирзой. Читая полные скорби и глубокого смысла строки древних поэтов, высеченные на мраморных надгробьях, Мирза вспоминал родной город, институт, где цитировал студентам бессмертные строки мудрых...

Взглянув на стоявшего рядом муфтия, Садыков неожиданно прочел вслух высеченный на мраморе байт:

Солнца жгучие лучи и природы измененья

Превратят в ничтожный прах превосходные строенья...

Охваченный иными мыслями и заботами, муфтий вряд ли понял смысл стиха, но все же улыбнулся в ответ:

— Вижу, в вас бурлит вдохновенье, мулла Фархад.

— Нет, господин муфтий, эти слова принадлежат Фирдоуси.

Развалины роскошных строений, где когда-то правили султаны рода газнивидов, красноречиво говорят о разрушительной силе безжалостных лучей солнца и слепых стихий природы... Эти строки украшают могильную плиту...

— Поэзия меня, честно говоря, не очень интересует... — перебил муфтий. — Я посвятил себя всецело политике...

«Говорить о поэзии и искусстве с человеком, чья жизнь — одни преступления, убийства, предательство — действительно пустое дело...» — подумал Садыков.

Собственно, откровение муфтия его не удивило, и если он процитировал грустные строки бейта, то лишь потому, что придавал им иной, символический смысл.

Многое можно было еще посмотреть в Газни, но муфтий спешил. Мирзе пришлось подчиниться.

Уже смеркалось, когда они въезжали в Кабул. Миновав Базар-Шахи и Дейхай-Афгонон, машина остановилась у караван-сарая Халфа Шер Ахмадхана, крупного торговца и давнего друга муфтия.

Умывшись в протекавшем рядом арыке, Садретдинхан, важно ступая, вошел во двор — давнее пристанище разноплеменных купцов. Здесь можно было встретить афганца и туркмена, узбека и индийца. Но с того момента, как через порог переступила нога муфтия, это был уже не простой караван-сарай.

Отныне он стал резиденцией Садретдинхана.

Как только муфтий и его секретарь поселились в светлой квадратной комнате, устланной коврами, их начала посещать именитые главари эмиграции.

Одним из первых явился Курширмат. Да, да, тот самый одноглазый вор и убийца Курширмат, чьи банды, помнил Мирза, металась по городам и кишлакам Ферганской долины.

Сколько честных тружеников, бедняков, активистов погибло от рук басмачей Курширмата? На этот вопрос он сам не смог бы ответить.

Одноглазый был очень рад приезду муфтия.

— Наконец-то, наш дорогой друг, вы добрались до нас.

Полились воспоминания о былых временах. Но муфтий не

любитель одних только воспоминаний. У него десятки планов, он мечтает о борьбе за «освобождение нации». Муфтию нужно знать о настроении Курширмата и других басмаческих главарей.

А они шли и шли в купеческий караван-сарай. Но говорили здесь не о ценах на товары.

На второй же день пребывания в Кабуле муфтий с Мирзой отправились в город, к некоему богатому чиновнику, который встретил Садретдинхана как долгожданного гостя.

— Мы попали мусафивами⁴⁰ в ваш город по пути в Кашгар и сочли своим первейшим долгом навестить вас, господин, — согнувшись в полупоклоне, обратился муфтий к хозяину.

— Добро пожаловать, несказанно рад! Кто-кто, а уж вы никак не можете считать себя здесь на чужбине.

— Волею всевышнего нам суждено пуститься в столь большое путешествие в Восточный Туркестан. Появление по соседству с вами еще одного мусульманского государства для вас, я думаю, так же радостно, как для меня, — сказал муфтий.

Влиятельный человек кивнул, но как-то нерешительно.

Муфтий не заметил этого. Он с гордостью поглядывал на Мирзу: вот как нас встречают во дворцах!

Садретдинхан с упоением рассказывал о своем будущем участии в организации Восточно-Туркестанской республики, о своих планах и заслугах в общем деле объединения мусульман.

Чиновник внимательно, но с удивлением смотрел на муфтия. Откашлявшись, он бросил уклончивую реплику:

— Конечно, все, что вы собираетесь делать для нас, было бы неплохо... Однако, господа, не кажется ли вам, что в Кашгаре сложилась обстановка совсем... иная?

Человек, близкий к правительственным кругам, он, конечно, был лучше осведомлен о последних событиях в Восточном Туркестане. Однако, видя возбуждение собеседника, влиятельное лицо сочло нужным перевести разговор на другие темы:

— Если пожелаете остаться здесь, наш дом всегда к вашим

---

⁴⁰ Мусафив — человек на чужбине.

услугам. Сейчас, я думаю, настало время выпить чаю... Не откажитесь, господа!

После легкого завтрака хозяин проводил гостей до дверей.

Польщенный теплым приемом, муфтий все же был серьезно обеспокоен и торопил Мирзу:

— Идемте побыстрее! Необходимо сейчас встретиться с Эсандал-эфенди.

Посольство Турции располагалось в центре Кабула.

Мирза из различных источников и в первую очередь из бесед с Садретдинханом был хорошо осведомлен о личности близкого друга муфтия — Мамдуха Шавката Эсандала.

Он был одним из крупных деятелей турецкой националистической партии «Иттихад ва таракки» и держал связь с лидерами подпольных организаций Туркестана. В 1919—20 годах он совершил «неофициальную поездку» в Ташкент, Самарканд, Бухару и Фергану, и Садретдинхан еще тогда подружился с опытным разведчиком. И впоследствии, уже в Тегеране, турецкий посол Эсандал снова покровительствовал обосновавшемуся в Мешхеде муфтию. Всего несколько месяцев назад, летом 1933 года, Садретдинхан тяжело переживал перевод Эсандала в Афганистан. И вот они торопливо идут по улицам Кабула к турецкому посольству.

«Что изменится после нашей встречи? Как определится будущее?» — беспокойно думал Мирза.

Из разговора с влиятельным чиновником ясно, что авантюра в Кашгаре провалилась. Муфтий не хочет в это поверить, вот и мчится к старому другу...

...Молодой коммунист, литератор, только вступивший в большую школу жизни, остался один на один с опытными политиками, дипломатическими деятелями и разведчиками: теперь рядом нет доктора Хамадани, посоветоваться не с кем... Кстати, в последнюю их встречу доктор, получивший некоторые справки из Москвы, уже догадывался о последствиях событий в Кашгаре. Правительство Восточно-Туркестанской республики, пояснил он Мирзе, плод английской и японской разведок, видимо, рухнет.

Теперь, очевидно, предположения Хамадани сбылись и Восточно-

Туркестанская мусульманская республика распалась.

Значит, и те шпионы, которых посылали через Мешхед в Кашгар и о которых сообщал Мирза своему Центру, ничего не смогли поделывать... В таком случае поездка в Кашгар сорвется. Что же теперь предпримет муфтий?..

Приблизившись к зданию посольства, Садретдинхан придиричиво осмотрел свою одежду и окинул взглядом с ног до головы Мирзу. Они привели себя в порядок. Подняв голову, муфтий заметил ожидавшего у дверей высокого человека и, с трудом скрывая радость, бросил Мирзе:

— Сразу же узнали о нашем приезде. Видите! Самолично вышли встречать...

ПОСОЛ

Здесь все не то... Вы помните, как мы сходились в круг,
Как звуки музыки родной текли в тиши ночей...

Фуркат

Мамдух Шавкат Эсандал, широко улыбаясь, заключил муфтия в объятия и расцеловал его. Затем тепло приветствовал Мирзу и, повернувшись к Садретдинхану, спросил:

— Это не ваш сын, господин муфтий?

Он был хорошо осведомлен о Мирзе, однако все же задал этот вопрос. Обычная осторожность после длительной разлуки?

Муфтий с гордостью ответил:

— Верный друг дороже сына!

Эсандал снисходительно согласился и, пропуская гостей, пригласил:

— Проходите, пожалуйста... Мы давно вас ждем.

Они вошли в здание посольства. В честь почетного гостя Эсандал специально накрыл стол в дипломатической приемной.

— Прошу, прошу... Садитесь...

Вначале за обедом шел незначительный разговор: муфтий делился впечатлениями о путешествии. Наконец добрались до главной

темы — Кашгара.

Садретдинхан снова стал расхваливать национальную республику:

— Эта победа зажгла в нашей душе пламя надежды!..

Посол сидел, опустив голову. Его ошеломил тот факт, что муфтий ничего не знает о последних событиях в Кашгаре. Как можно мягче он стал объяснять.

— Мы тоже от чистого сердца желали бы появления нового независимого тюркского государства, но не так, к сожалению, было предопределено всевышним. Руководители республики оказались малоопытными политическими бойцами и потерпели поражение... Новая власть погибла.

Слова Эсандала подействовали на муфтия, как ушат холодной воды. Некоторое время он сидел, бессмысленно раскрыв глаза, опустив руки и не произнося ни слова.

Посол понимал состояние муфтия. Как ему не хотелось сообщать гостю неприятную весть! Но Эсандал даже не подозревал, что муфтий находится в полном неведении.

— Неужели произошла такая трагедия? — наконец дрожащим голосом произнес муфтий.

— К сожалению... К великому нашему сожалению, произошла... — подтвердил Эсандал.

— Опять все надежды рухнули...

— О нет! — бодро сказал посол. — У нас много дел, больших, значительных. Вот о них мы и поговорим.

Он пригласил гостей в свой кабинет.

Усевшись за огромный стол, представительный дипломат, оглядев муфтия и Мирзу, деловым тоном заговорил было о положении в советском государстве, о действиях националистических организаций.

Но, поняв, что Садретдинхана интересует сейчас совсем другое, прервал себя:

— До вашего приезда я переговорил с влиятельными особами. Продолжать путь нет смысла. Видимо, должны вернуться и ранее посланные нами люди. Если вы останетесь здесь, осмотритесь и

заново развернете свою деятельность, это значительно приблизит сроки освобождения вашей родины от Советов. Мы же, в свою очередь, как всегда, будем всячески поддерживать вас и оказывать посильную помощь. Нужно терпение, господин муфтий!

Садретдинхан вздохнул и покачал головой. Опять терпение! Сколько раз именем аллаха он сам призывал терпеть... Много ударов судьбы он вынес. Не ожидал, что очередной так быстро последует...

Но ничего не оставалось делать, как снова запастись этим самым терпением. К тому же друзья по-прежнему остаются рядом... Он поднял голову.

— Возможно, скоро настанут такие времена, — продолжал посол, — когда свобода придет на вашу родину. Сейчас все мы находимся в преддверии интереснейших событий. Может статься, мир совершенно изменится. Не удивительно, если от одной спички вспыхнет огромный пожар. Поэтому, не спеша и не торопя соседей, — Эсандал жестом указал в воображаемую сторону советской стороны, — мы будем сообща разворачивать и расширять поле деятельности. Для этого есть все условия и возможности.

Убедительные рассуждения старого разведчика-дипломата подействовали на муфтия.

— Слова господина Эсандала для нас как сладостный шербет... Что вы скажете, мулла Фархад? — посмотрел муфтий на своего секретаря.

Мирза поддержал: справедливые слова.

— Наша опора — великая Турция, а вы — ее представитель, и ваша воля для нас — программа деятельности. Мы принимаем все советы и пожелания... — оживился муфтий.

— Я рад, что наши планы вам по сердцу... — улыбнулся посол.

Муфтий уже поднял голову. Он жаждал конкретных действий и готов был перейти к ним, не теряя ни минуты.

— Этот юноша, — указывая на Мирзу, сказал он, — всего лишь два года назад прибыл сюда, покинув отчий край, но уже является моей правой рукой. На родине он держал связь с национальными организациями и особенно преуспел рядом со мной. Вы, должно быть, помните о руководимых вами делах в районе «Дашт-и-

Туркман» в Иране? Он и в них принимал активное участие.

Эсандал согласился с муфтием, заявив, что об этом он хорошо осведомлен.

Мирза сидел молча, смиренно и скромно слушая хвалебные отзвывы в свой адрес. Он еще не понимал, куда клонит муфтий.

— В Иране мы окрестили его Фархадом Али Заде. Это понятно. А вот здесь мы бы просили вас выдать ему турецкий паспорт. На имя, скажем... ну, Махмудбека.

— Я согласен... Это будет очень хорошо. С удовольствием такой паспорт мы выдадим... — сказал посол. — Однако и вам необходимо сменить паспорт. В него ведь вписано имя Фархада Али Заде.

Муфтий не учел этого.

— Да, да... Благодарю. Пожалуйста, господин!

Эсандал сделал рукой небрежный жест: пустое, о каких трудностях можно говорить!

— Но в паспорт вместе с именем необходимо вписать и фамилию.

Муфтий предложил несколько фамилий, но они не понравились Эсандалу.

Немного подумав, посол высказал свое мнение.

— Давайте возьмем фамилию — Зевачи⁴¹... — Эсандал пояснил: — Ведь предки ваши были оружейниками... В память ваших предков...

Мирза внимательно следил за послем: цепкая память, отличное знание своих людей, их родословных... Враг умный, опасный.

— Какую же фамилию выбрать мне? — задумался теперь Мирза, отныне получивший новое имя — Махмудбек.

Так и назвал его сейчас Эсандал.

— Не можете найти подходящей, Махмудбек? А если...

Эсандал произнес несколько, по его мнению, ярких имен.

Но новоиспеченный Махмудбек попросил:

— Если можно, я приму фамилию Айкарли.

— А что это означает? — спросил Эсандал.

— Селение, в котором я родился и вырос, раскинулось у

---

⁴¹ Зевачи — кольчужник.

подножия горы. Снег зимой и летом лежал на вершине. И лишь в жаркое время он немного оттаивал и принимал вид полумесяца. Поэтому вершину называли Айкарли — снежная луна. Я думаю, меня не упрекнут, если, в память о родном кишлаке, я приму такую фамилию.

— Очень хорошо! — улыбнулся посол и торжественно повторил: — «Бай Махмудбек Айкарли!» Замечательно!..

Довольный завершением процедуры, Эсандал побарабанил пальцами по столу и, откинувшись в кресле, вполголоса запел:

Вершины гор покрылись туманом,

Серебрится в ущелье поток...

Муфтий присоединился к шефу, подтянув песню тонким дребезжающим голосом. Оба они были в хорошем настроении.

Мирза знал, почему эта песня доставляла им радость: ее пели в начале революции турецкие офицеры-националисты.

Он вспомнил, как умирали подобные песни. Их заглушили другие. Гремел из края в край гимн Хамзы — «Яша шуро», «Да здравствуют Советы!»:

Не унывай, сбылась мечта,

Советы пробудили нас.

Кровь не напрасно пролита:

Свободным стал рабочий класс.

Задумчивость Мирзы Эсандал понял по-своему. Он решил, что песня подействовала на молодого помощника муфтия. Удовлетворенный, он позвонил в колокольчик. Вошел человек с черными усиками — консул.

Эсандал представил его гостям и сказал, обращаясь к нему:

— Сайин бай⁴² Сагдуллабай! Сейчас же оформите паспорта этим двум господам. Один на имя муфтия Садретдинхана, сына Шарифа Хаджи Зевачи, другой — Махмудбека Айкарли.

Консул не заставил себя долго ждать.

Два новоиспеченных турецких подданных, с паспортами в карманах, каждый по-своему удовлетворенный, вскоре вышли из

---

⁴² Уважаемый господин (турецк.).

ворот посольства. Муфтий, хоть он и не попал в Кашгар, радовался новой мощной поддержке, новому полю действия.

А «Махмудбек Айкарли» был доволен тем, что он все прочнее обосновывается в логове врагов.

* * *

С этого момента в жизни молодого советского разведчика Мирзы Садыкова начинается новая пора деятельности. Паспорт турецкого подданного и доброе расположение к нему посла Эсандала — защита от любых подозрений.

Начинается удивительная, полная напряжения, ежедневного подвига и драматизма жизнь.

В предвоенный период и в период Великой Отечественной войны Мирза Садыков по заданию Родины выполнял опасную работу.

Но этому периоду деятельности Мирзы Садыкова должна быть посвящена отдельная книга.